

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Annotation

Книгу «Шаманский лес», как и «Хохот Шамана», первыми прочтут мои земляки, магаданские читатели. Сегодня увидели свет уже пять изданий «Хохота Шамана», и только два первых из них, самых коротких, выпущены в Магадане. Изданные в Москве и в Питере книги доходят до Магадана в очень малом количестве и по слишком высоким ценам. Но текст написан здесь, в Магадане, и, чтобы мои земляки увидели его, в книгу «Шаманский лес» включены:

- 1) часть новых записей разговоров с Шаманом 2004-2007 гг.

о его жизни в городах и проблемах наших современников;

2) неопубликованные ранее записи 1997-2000 гг.;

3) интервью «Российской газете» (№ 25, 02.06.2004);

4) интервью на «Радио Свобода»;

5) не опубликованные в Магадане фрагменты московских и питерских изданий «Хохота Шамана» (М.: Зебра Е, 2004; М.: София, 2006; М.: София, 2007);

6) новые распечатки ответов на вопросы читателей.

Многие из изложенных Шаманом концепций я сам стал понимать лишь после многократного

прочтения записей. Поэтому часть изложенных в первых книгах диалогов для понимания новых концепций нужно «собирать» и читать в ином, чем раньше, порядке. Так, например, в раздел «Туннели...» включено много уже опубликованных диалогов, но, дополненные и собранные в ином порядке, они дают и иное, более глубокое понимание основной идеи. В другие разделы вставлены иногда по одному-два диалога из книги «Хохот Шамана», чтобы те, кто не прочел «Хохот...», все равно могли прочесть эту книгу и понять основную идею раздела.

Кроме того, мой почерк не очень разборчив. Полевые записи я обычно

делал наспех, карандашом, используя вместо стола камень, рюкзак или свою ногу. Для того чтобы хорошо восстановить, расшифровать свою же запись, приходится читать ее несколько раз с перерывами на неделю, месяц (так срабатывает память). В этот вариант текста включены также пять уточненных и дополненных диалогов из уже вышедших в Магадане изданий книги «Хохот Шамана».

Владимир Серкин

- [О шамане и о книгах «Хохот Шамана» и «Шаманский лес»](#)
- [Знакомство с Шаманом](#)
- [Бубен Шамана](#)

- [Шаман в городе](#)
- [Эта цивилизация ошибочна...](#)
- [Стройбатовское лето](#)
- [«Экстремал»](#)
- [Секс — наркотик](#)
- [Об энергетике земледельца](#)
- [Шаманский лес](#)
- [Ритмика, долголетие](#)
- [Туннели в пространстве-времени](#)
- [Крабители: поэт и краболунг](#)
- [Лечение](#)
- [Голос льда](#)
- [Океан непроявленный](#)
- [Рецепты Шамана](#)
- [Приложения](#)
- [Интервью «Российской газете»
\(№ 25, 02.06.2004\)](#)

- [Интервью на «Радио Свобода»
\(2004 г.\)](#)
 - [Новые ответы на вопросы
читателей о Шамане](#)
-

О шамане и о книгах «Хохот Шамана» и «Шаманский лес»

Нужно посмотреть на карту. Магаданская область по площади чуть более половины всей европейской части России. По данным переписи на этой площади проживает 182 тыс. человек. Из них более 100 тыс. человек проживает в самом Магадане, около 40 тыс. человек в поселках в радиусе двухсот километров от Магадана. Оставшиеся 30-40 тысяч человек проживают в поселках, в основном,

вдоль единственной трассы. Сами поселки существуют лишь потому и пока в районах добывается золото. Сотни тысяч квадратных километров тайги, тундры, плоскогорий и горных хребтов еще ждут своего исследователя.

Здесь нет и не было ни социализма, ни капитализма. Сама политика кажется отсюда полностью бессмысленным занятием, абсолютно не имеющим отношения к реальной жизни. Европейские государства представляются отсюда небольшими клочками истощенной, загрязненной и густозаселенной земли. Их пафосность при полной бесполезности и отсутствии влияния

на жизнь непонятна. Если кто-то из местных смотрит изредка телевизор, то тенденциозность политиков или других фигурантов несколько удивляет, но так как все они вообще ни на что не влияют здесь, быстро забывается. В девяносто седьмом вернувшийся из поселка эвелн на вопрос о новостях сообщил, что ООН продвигается на восток. «Не ООН, а НАТО» — поправил я. Все посмотрели на меня с удивлением, и я понял, что здесь между ООН, НАТО, РАО ЕЭС и прочими варварскими абракадабрами нет разницы. А я нарушил этикет из-за чепухи.

Впрочем, так видят мир не

только оторванные от цивилизации
эвелны. Осенью 2003 г. в комиссии
областного департамента
образования я присутствовал на
уроке географии в чукотской
национальной школе. Маленький и
росточком, и возрастом, мальчик,
родители которого имели сезонный
олений кочевой маршрут более
тысячи километров, с трудом
выискивал на карте столицы
европейских государств, меньших,
чем его кочевье. Запутавшись в
названиях стран, он в сердцах бросил
запомнившуюся мне фразу: «Такие
маленькие. Их фиг найдешь».
Молодая учительница, выпускница
ЦНСЗ, смутилась, но опытные члены

комиссии лишь понимающе прикрыли на секунду глаза или качнули головами.

Триста лет назад где-то по одной из многих возможных траекторий здесь прошли казаки-землепроходцы. Столетия назад на некоторых из тысяч оленьих пастбищ или лежбищ моржей вспыхивали и гасли схватки коренных народов, далеко в море прошли парусные корабли царских географических экспедиций. В первой половине двадцатого века по маршрутам аналогичным казачьим, но с востока на запад прошли несколько групп сбежавших заключенных или совсем выдающиеся одиночки. В тридцатых-

семидесятих очень редким несистематичным зигзагом прошли геологи. С тех пор эвелнов никто не беспокоил. Все контакты с современной цивилизацией устанавливали и регулировали они сами. Они могут сходить в поселки, а вот из поселков до них никто добраться не может. Трудно и некогда.

Примерно посередине между маршрутами эвелнов и угасающими из-за истощения золотых россыпей поселками на побережье живет иногда Шаман. Его национальность и возраст неизвестны. Летом сюда приходит на промысел бригада Кузьмы (9 человек). Люди очень

деловые, решительные и жесткие. Они работают много и бережно, чтобы и в последующие годы пользоваться этим же стадом лосося. Я-то знаю, что такие же заработки они могли бы иметь и поближе к Магадану, и их ежегодный приход не объясняется рационально. Но это — табуированная для обсуждений в бригаде тема. Капитаны судов рассказывают о том, что раз в несколько лет какой-нибудь из молчаливых отморозенных пассажиров просит высадить его на побережье, например, в пятистах километрах от Северо-Эвенска. Эвелны изредка рассказывают о встречах с одинокими

авантюристами, у которых есть здесь какие-то дела, но я с ними не встречался. Больше людей здесь нет.

В начале лета 1997 года я начал строить домик не слишком далеко от трассы, так как любой гвоздь, скобу, петлю приходилось нести на себе. Придавленный за зиму снегом стланик перекрывает тропы, и в мае-июне за ними приходится ухаживать. Любой, имеющий свои тропы, замечает, если кто-то еще начинает отгибать или подламывать ветви. К тому времени я был знаком со всеми людьми, живущими или бывающими в этих местах, и слышал от них о Шамане. С осени 1997 года Шаман жил в одной из своих землянок в

нескольких часах ходьбы от моего домика, и мы заходили друг другу.

Шаман производит (и сейчас) тревожащее впечатление своей внесоциальностью. Однажды

вечером, когда мы стояли на вершине и смотрели на далекий, оранжевый в лучах заходящего солнца Магадан, я глянул на Шамана и вдруг понял, что ему все равно, что будет с городом и людьми. Он не настроен враждебно, но не настроен и доброжелательно. Иногда Шаман ведет себя как добрый дедушка-учитель, иногда — мне кажется, что за человеческим обликом скрывается другое существо. Возможно, что многие десятилетия (?) жизни с другими существами

наложили на Шамана этот странный отпечаток.

Записывал в тетрадь сразу же и по возможности точно, но записи нельзя считать дословными. Разговаривать трудно, записывать на диктофон невозможно. Он живет не в нашем ритме, живет в своей вечности, может по полтора-два часа молчать после вопроса, кипятить и пить свои отвары, заниматься сортировкой трав или «амулетов», потом неожиданно ответить. Если я рассчитывал вернуться в город к определенному сроку, то мог и не дожждаться ответа. Но Шаман помнил вопросы и постепенно отвечал на них.

Мои рассуждения и знания горожанина вряд ли оригинальны, поэтому в приводимых в книге фрагментах я оставил только вопросы, чуть сократив их. Главное — ответы Шамана. Они, чаще всего, неожиданны, оригинальны и глубоки, но некоторые кажутся банальными. Сначала я хотел убрать «банальные» ответы, позже решил оставить и их, чтобы образ Шамана не был мною подретуширован. Хотя и без этого не обойтись: при подготовке публикации матерные выражения заменены синонимичными (в ущерб экспрессивности, но с сохранением смысла, например: «Это вряд ли»).

До сих пор публиковал только научные работы. Эту работу не считаю научной. Пока. Научные работы являются описаниями исследований и их результатов, теорий и моделей, объясняющих существующие факты и позволяющих находить новые факты. Наука — добывание новых, неизвестных ранее знаний. В настоящее время, до составления объяснительной модели, приходится сделать шаг назад — к простому описанию разговоров и взаимодействия с необычным человеком.

Сначала я обратил внимание на парадоксальную для обыденного сознания правильность его бытовых

суждений. Например, мы моем руки, возвращаясь из леса, Шаман — наоборот — возвращаясь из стойбища или поселка. Он считает, что на побережье чисто, а инфекция появляется в местах скопления людей. Логически правильно, но необычно. Потом уже я вспомнил, что и жители Магадана опасаются подцепить заразу в Москве, а москвичи — в провинции. Довольно скоро я убедился, что за такими «бытовыми» мелочами» скрывается целостный сложный и своеобразный образ мира. Наблюдая за «невозможными» для простого человека практиками Шамана, я решил, что столкнулся с системой

знаний, более широкой и совершенной чем моя. Необычные термины и практики тогда не очень удивили меня, но идеи, которые, на мой взгляд, не являются человеческими... До сих пор я думаю о проблеме их изложения».

Это заставило буквально «вцепиться» в общение с ним. Достаточно сказать, что для продолжения общения пришлось освоить практику долгих одиночных зимних переходов. Кто знает, что такое — колымская зима, поймет и уровень мотивации. Система знаний Шамана является открытой, то есть он активно усваивает новые знания и опыт.

К 1999 году стало ясно, что уровень сложности его системы понятий и деятельности, превышает мои сегодняшние мировоззренческие возможности.

Методологический тупик формулировался просто: «Как исследователь может изучать то, что сложнее его?». Простая формулировка не упрощала задачу поиска метода, и я «заметался» между подходами понимающей психологии и деятельностной методологией преодоления ограничений натурфилософии. Лишь через несколько месяцев удалось «вспомнить», что выход находится «в другом туннеле», в рамках СМД-

подхода. Подсказал этот выход много лет назад необычайно одаренный психолог, методолог и авантюрист Вячеслав Евгеньевич Сиротский при подготовке совместной статьи: «... замещение описания объекта моделирования описанием процесса моделирования как организации мыслительной деятельности — ход для ситуации, когда сложность описания объекта превосходит интеллектуальные способности исследователя, но он не отказывается от осмысленной последовательности действий по развитию описания модели».

В этом контексте предлагаемые записи можно рассматривать и как

попытку разворачивания модели по мере ее описания, и как рефлексивную подготовку описания процесса моделирования.

В психологии зоной ближайшего развития называется «уровень тех задач, которые ребенок не может решить самостоятельно, но может решить с помощью взрослого». Работая над проблемой изложения необычных идей, я понял, что для совсем новых идей необходимо создавать словесный и образный контекст. Над проблемой создания контекста для более отдаленных от нашей практики понятий я пока думаю. Вне контекста это просто похоже на бред и может сильно

дискредитировать для читателя уровень достоверности текста. Например, Тиуны (атмосферные существа, у которых на одно чувство больше, чем у нас) живут друг с другом, но иногда живут с группами камней аналогично нашему полигамному браку (процесс называется у Шамана «двойна»). Это можно было бы посчитать формой сексуального помешательства, но Шаман показал мне, как некоторые камни из группы «растут» (и буквально в размерах) от такого партнерства и «рожают» новые камни. Вне такого «брака» камни не проявляют признаков жизни, но, наверное, готовы к ней. Тиунов очень

много на Земле, но для нас «их нет, как нет нас на Земле Глубоководной Рыбы».

Такое знание не очень изменяет пока практику моей жизни, но теперь я стараюсь не разбивать камни.

Сегодня я точно знаю, что настоящее понимание мировоззрения Шамана возможно только через освоение его практик. В частности, после общения с Шаманом я стал замечать некоторые «неправильности» в образе жизни окружающих меня людей и, если просили, указывал на них и подсказывал, как исправить. Иногда это весьма эффективно помогало

избавиться от заболеваний, вызванных неправильным образом жизни. Например, однажды я машинально сказал студентке, тренировавшей на мне и одноклассниках, как ей казалось, «томный взгляд», что от этого у нее будет болеть голова. После занятий она пожаловалась на боли в затылке и попросила помощи. «Старайся смотреть прямо», — совершенно уверенно посоветовал я. Позже осознал, что на занятии невольно в какой-то момент скопировал косящий снизу взгляд студентки и почувствовал напряжение в шее и в затылке. В маленьком городе информация разносится быстро, и с

тех пор я много раз по просьбам знакомых уже сознательно поправлял взгляды, позы, рабочие и жилые места, режимы дня и недели, питания, отношений и т. д.

Некоторые из окружающих стали считать, что я научился у Шамана практике целительства, хотя ни о каком целительстве здесь нет и речи. Речь идет о практике внимания, произвольности, наблюдения и понимания, которая имеет «побочный» эффект профилактической помощи. Кроме этой практики, для излечения необходима практика волевого действия, суть которой я начал излагать в книге «Хохот Шамана» в

разделе «Аэродром подскока». Критическая совокупность новых практик позволяет по-другому структурировать реальность своей жизни, в результате чего и прежние практики, и прежние смыслы приобретают совершенно «иную окраску» или «реализуются по-другому» (здесь уже для изложения мысли мне не хватает существующих языковых средств, и встает задача их разработки). Необходимо помнить, что Шаман общался именно со мной, и что записи изложены мною не дословно. Это, безусловно, накладывает на текст отпечаток субъективности. Но другого текста нет.

После изданий в 2001 и 2003 гг. в Магадане и в 2004, 2006 и 2007 гг. в Москве книги «Хохот Шамана» некоторые читатели говорили мне, что записи похожи на тексты Карлоса Кастанеды. В связи с этим вынужден указать на то, что упорно не замечают «кастанедоведы»: тексты Кастанеды очень похожи на диалоги Сократа в изложении Платона. При этом в текстах Кастанеды нет никакого плагиата. Он просто описывал взаимодействие и беседы со значимым для него человеком, как это делал и Платон. Это определило сходство стилей. На стиль также повлияли мои многолетние практики

использования в процессе консультирования и преподавания основ когнитивной и рациональной психотерапии техник «сократовского диалога».

Сравнивая концепции Шамана и дона Хуана, укажу лишь на фундаментальное различие их в понимании сущности человека, которое определяет и различие их действий: дон Хуан считает, что человек - воспринимающее мир существо и использует «описания»; Шаман считает, что человек и другие живые творят мир, и использует «практики» (деятельность).

Различие между подходом К. Кастанеды и подходом Шамана не

является чисто теоретическим, а имеет весьма наглядное практическое значение: по К. Кастанеде человек, находясь в одном из возможных состояний сознания, не может вспомнить того опыта, который был приобретен в другом состоянии. Согласно подходу Шамана, вполне возможно опосредованное «восстановление» какой-то части такого опыта, так как «сотворенная действием реальность» остается и воспринимается в другом состоянии сознания. Последнее является принципиальным и для моей научной работы, так как «позволяет исследовать и описывать сознание не как совокупность

изолированных состояний, а как систему состояний сознания, связанную в единое целое деятельностью (активностью, практиками) человека». Более того, само восприятие развивается именно в процессе реализации практики. Пока очевидно доказанным является изменение (сотворение?) посредством действия, хотя во многих мистических учениях и свидетельствах говорится об изменении (сотворении) посредством сознания. Другими словами, в обыденном представлении считается, что на окружающий мир влияют наши действия, а наши слова и мысли не

оказывают влияния. Если же преобразование является одной из основных функций сознания, то приходится признать, что наши слова и мысли влияют на окружающий (сознание?) мир. Этот факт заставляет по-новому оценить значение молитв, мантр, наговоров и других пока «вненаучных» практик. Выражаю искреннюю благодарность членам нашей интеллектуальной «тусовки», частью уже разъехавшимся по России, с которыми мы много обсуждали мои полевые записи и составляли блоки вопросов для Шамана: начальнику Магаданской радиостанции ГТРК Владимиру Гоголеву, зав. кафедрой

социальных дисциплин
Магаданского филиала РГГУ
Андрею Губареву, предпринимателю
Олегу Задеренко, зав. кафедрой
психологии и психофизиологии труда
в особых условиях Морского
государственного университета им.
адм. Невельского (Владивосток)
Виталию Калите, декану социально-
гуманитарного факультета СМУ
Роману Корсуну, зав. кафедрой
философии Александру Леснову,
психологу ОРДПС по Магаданской
области Светлане Силантьевой, зав.
кафедрой психологии труда и
инженерной психологии МГУ им. М.
В. Ломоносова Юрию Стрелкову и
практикующему целителю Алену

Толстову.

Повторяющиеся настойчивые просьбы больных и их родственников организовать им встречу с Шаманом я не могу удовлетворить никаким способом. Это связано с практиками одновременного перемещения Шамана и во времени, и в пространстве, которые я не только не освоил, но даже пока не могу сколько-нибудь успешно описать. Проще, но и профаннее: сегодня я не знаю точно, где и когда находится Шаман, встречи зависят не только от меня.

Знакомство с Шаманом

После выхода книги «Хохот Шамана» меня часто спрашивают: «Как ты с ним познакомился?»

В начале общения с Шаманом (поздняя осень) я еще не вел записи диалогов, поэтому реконструирую ответ по памяти. Точной даты не помню.

Окончив основные подготовительные работы к обустройству домика, я первым делом решил изучить окрестности в радиусе пяти-шести часов ходьбы вокруг. То есть, чтобы вернуться в

тот же день. На север по побережью, примерно в двух часах ходьбы, я не раз замечал следы на снегу. Человек регулярно выходил на лед. Так делают все краболовы. Краболовки нужно проверять раньше, чем вся наживка будет съедена, и крабы расползутся. Я почти знал, что это следы Шамана. Проходя мимо, невольно отмечал наличие и следа в море, и обратно. Не приглашали, и я не поднимался к жилью. Конечно, и Шаман видел мои следы, но не заходил.

В один из солнечных дней я заметил, что свежих следов в сторону моря нет. Снега не было несколько дней, и еще просматривались старые.

Это необычно.

Одно из неписанных правил колымской солидарности: даже при небольших признаках настороженности обязательно нужно навестить соседа. Человек может заболеть, подвернуть ногу, мало ли что, и помощи ждать неоткуда. Я поднялся по старым следам к землянке, постучал в дверь и вошел. В землянке было тепло и чисто. Одетый Шаман лежал поверх постели, заложив руки за голову.

— Здорово, сосед.

— Здорово.

— Смотрю, следов нет. Решил проверить, не заболел ли кто?

— А, спасибо. Все в порядке.

Просто день такой.

— Какой?

— Не работать.

— Ну ладно.

— Чай будешь?

— Не, спасибо, пойду.

Однако, чуть отойдя от землянки, я почувствовал, что хочу пообщаться с этим человеком. Это не было желание пообщаться вообще, естественное при отсутствии людей. Я понял, что Шаману все равно, останусь я пить чай или нет. Он не будет расстроен, если я уйду, но и не будет напряжен от общения со мной. Я знаю и других отшельников, которые через месяц-другой одиночества или начинают прятаться

от людей, или, наоборот, от их общения невозможно отделаться. Независимость Шамана показалась мне любопытной.

— Вот, решил вернуться, однако. Давай свой чай.

Бубен Шамана

17.07.97

Когда я рассказал Шаману о методиках рассеивания сухого льда для конденсации осадков и о разгоне облаков метеоракетами, он искренне хохотал.

«Варварство выражается в невнимательности к миру и в непонимании. Но это иногда компенсируется энергией, — сказал он, отсмеявшись. — Не очень хорошо, так как нарушает гармонию среды».

— Как шаманы предсказывают погоду по звездам?

— Не только по звездам. Бубен гораздо более сложен, чем многим кажется. Он символизирует небосвод. Активизируя определенные части бубна, ты активизируешь солнце, луну или звезды над собой. А они активизируют бубен определенным образом. Нужно жить со своим бубном, чтобы чувствовать это.

— Как активизируют?

— Звук бубна действует как свернутая программа, символ, глиф для потоков мира.

— То есть не все равно, как и в какую часть бубна ударять?

— И еще «чем», «когда» и в «каком состоянии».

— Но на бубне это не обозначено.

— Конечно, клавиатура не нарисована (смеется). Но шаман помнит небо как картину, и видит эту картину на бубне.

— Это используется и для лечения?

— Конечно.

— Сегодня тысячи горожан колотят в бубны просто так. Это вредит им и окружающей среде?

— Редко. Бубен, изготовленный в другой местности, практически бесполезен. Он связан с небосводом места изготовления. Кроме того, колотушка должна быть особо подобрана к бубну. Горожане чаще

всего колотят не по бубну, по его муляжу, «кукле».

17.07.97

После обеда пришли два молодых эвелна. Они пришли к Шаману и с утра уже побывали у его землянки. Поздоровавшись с нами прикосновением ладоней, они неторопливо побеседовали с Шаманом на смеси русского и эвелнского языков. Я понимаю эвелнский, но мне трудно говорить, из-за того, что в их языке один наш звук может звучать по-разному. Внимание привлекли очень добротно сделанные ножны и чехлы для карабинов. Штучная работа. Наверняка, на рукоятках и прикладах

вырезаны интереснейшие сюжеты.

Эвелны очень вежливы. Отказавшись от приглашения зайти в домик, они традиционно спросили меня, где можно развести костер. Пока один из них занимался сбором дров, второй предложил поменять мои запасы чая на очень ровный большой кристалл александрита. У меня оставалось лишь три пачки, две подарил им. Пришлось попросить Шамана специально поговорить с эвелнами, чтобы не отдаривались.

У эвелнов есть предпринимательская жилка — хотели договориться со мной о доставке чая и других легких, по их мнению, предметов. Совершенно

естественно они приняли и мои объяснения об особом образе жизни и нежелании брать на себя обязательства. В городе такое редко кому объяснишь. Когда и второй эвелн ушел за дровами, я стал расспрашивать Шамана о них.

— Кто-то заболел?

— Нет, пришли поговорить со мной.

— Надолго?

— Утром уйдут. Разговор ночью.

— Могу я спросить, если не секрет?

— Исчезла одна звезда, наверное, шестой величины.

— Где исчезла?

— В небе. Сегодня первая половина ночи будет ясной.

— Это — катастрофа?

— Наверное. Много тысяч лет назад.

— Я видел эту звезду?

— Это — вряд ли. У тебя не такое зрение, как у местных.

— Они что, постоянно считают звезды?

— Они не умеют считать.

— ???

— Мы с тобой умеем считать, поэтому мы ничего бы не заметили. А они видят небо как картину, целиком, и заметили, что картина изменилась.

— Почему они пришли к тебе?

— Они хотят знать, что это за знак?

— А это знак?

— Конечно.

— Я могу узнать?

— Мне нужно дождаться ночи и самому увидеть эту часть неба.

— Часть неба имеет значение?

— В каждой части живут свои духи.

— В школе учил астрономию?

— Не только в школе. Астрономия не помогает, например, узнать погоду по небу, а знание о духах помогает.

— А сам ты не заметил изменений?

— Я смотрю в небо чаще тебя,

но не так часто, как местные.

— Они сами пришли, или их послали?

— Сами, двое.

18.07.97

Поговорив о звездах, мы долго сидели у костра эвелнов. На побережье звезды намного ярче, чем в городе, так как в небе нет отсветов электричества. Просто пелена звездная. Эвелны иногда напевали неторопливую протяжную песню, мотив которой удивительно гармонировал с картиной звездного неба, потрескиванием дров в костре и далеким шумом волн. Я записал перевод песни. Перевод принципиально не может быть

дословным, так как в эвелнском языке многие слова образуются в ситуации впервые и единственный раз по определенным правилам. И эта песня у другого костра повторится чуть-чуть в другом варианте.

Песня о жизни

Когда я молод был,

Каждый день открывался в
новом мире

И, засыпая, я хотел скорее
проснуться.

А сейчас я просыпаюсь в том же

мире,

И мне жаль звезд, которые
гаснут утром.

Хотя их у меня еще будет много,
Но их уже мало.

Последняя короткая фраза не
вмещалась в размер мотива и
воспринималась как начало нового
трехстрочного фрагмента. Поэтому
окончание получалось особенно
грустным, драматичным и
требующим продолжения. Также
грустны и драматичны переживания
эвелнов по поводу конечности жизни
и неожиданности неминуемой
гибели. Также, без страха, но с
тревогой и замороженным интересом
входит воин-эвелн в мир предков, в

котором проживает следующий цикл своей бесконечной жизни.

18.07.97

На корме байдары укреплена довольно большая для поделок из кости композиция из бивней мамонта и моржа. Закругленный фрагмент бивня мамонта, пересеченный по хорде моржовым клыком. Дорого. Непрактично.

— Зачем эта греческая буква из бивней?

— Талисман.

— Раскроешь?

— Городскому трудно понять.

Эвелны с байдарой в плавании — одно целое. В трудной ситуации упорны и плавучи, как морж, сильны

и яростны, как мамонт.

— Мамонт был яростен?

— Бывает.

— Откуда современные эвелны это знают?

— Не знают. Думают, что животное с такими клыками было очень яростным.

— Этот пережиток им дорого обходится. Тяжеловат талисман. И мешает.

— Не пережиток. Во-первых, он иногда используется как поручень. Во-вторых, талисман не раз спасал их.

— Как это?

— Плавание и охота опасны. Талисман придает уверенности в

трудных ситуациях, помогает не паниковать, действовать решительно и разумно. Считай, что это — психотехническое средство.

— А сам талисман ничего не делает?

— Ритуалы и мысли уже «накрутили» на него особую психоэнергетику. Она актуализируется, когда нужно.

— Эта психоэнергетика действует только на сознание эвелнов или еще на условия ситуации?

— И так, и эдак.

— Кто сделал талисман?

— Их шаман.

— Ты знаком с ним?

— И с ним, и с нынешним. Но тот уже далеко.

— В стране предков?

— Ну, можно и так сказать.

19.07.97

Почему практичные эвелны бросили свои дела и предприняли двухсуточное тяжелое путешествие ради единственной встречи с Шаманом? Можно понять, когда привозят больного или ищут потерявшегося родственника. Но поговорить о звездах....

— Зачем племена содержат шаманов?

— Не особо. Шаманы, как правило, бедны. И, чаще всего, сами охотятся, рыбачат или пасут оленей.

— Но им же платят за лечение, камлание.

— Потому что в это время шаман не может работать.

— Шаман в племени заменяет врача?

— Это тоже. Но не главное.

— А что главное?

— Представь себе стойбище древних чукчей, эскимосов или эвелнов. Это тридцать — сорок человек, которые всю долгую полярную ночь, весь год или даже несколько лет не видят других людей. Что бы ни случилось, не будет ни помощи, ни сочувствия.

— Жуть.

— Для тебя — да. Но они не

чувствуют себя одинокими.

— Почему?

— Благодаря Шаману они связаны со всем человечеством и даже больше — со своими предками, потомками, Духами... Они знают, куда и как пойдут после физической смерти, с кем встретятся, что будут делать. Искренне в это верят. И выживают благодаря этому.

— Ну и еще благодаря мужеству, силе.

— Без смысла никакого мужества не хватит.

— Да. Я бы тоже в тех условиях заботился о Шамане.

— Конечно.

19.07.05

Ты слишком раздерган, на себя не похож, — сказал Шаман. — В получасе ходьбы к Забияке (название залива) обвалило берег, и торчит кость мамонта. Сходи, не торопясь, у меня руки заняты.

Через час с небольшим я вернулся с тонким коричневатым обломком бивня, чуть менее полуметра. Если бы Шаман не предупредил, я бы принял бивень за обыкновенную корягу. Непонятно, зачем было таскаться из-за трех-четырех килограммов? Пусть бы валялся, когда-нибудь подобрали по пути.

Возле кромки прибоя, на

необычном месте Шаман развел невысокий костер, длиной около метра, шириной сантиметров тридцать.

— Это зачем?

— Лечить тебя, однако, будем.

— Так здоров я, однако.

— Говорю же, раздерган.

— И как лечить?

— Сначала в воду, чтобы смыть городские проблемы. Температуру воды я иногда измеряю. Никогда даже летом она здесь не поднималась выше восьми градусов. Обычно ниже. Такая вода действительно помогает забыть о проблемах. Как только начинаешь в нее заходить. Впрочем, искупаться я

все равно собирался, награвшись при ходьбе. Купание летом: двадцать пять-тридцать взмахов от берега, двадцать два-двадцать шесть к берегу. К берегу всегда почему-то получается мощнее и быстрее.

— Что теперь?

— Перешагивай огонь десять раз.

— Зачем?

— Вреда же не будет.

— Нет, даже теплее.

— Ну и шагай.

19.07.05

Через костер нужно шагать с юга на север. Потом обойти по часовой стрелке и шагать снова. При этом к Огню нужно относиться с

уважением, осторожно, но не бояться. Приговариваешь речетатив-обращение к Огню. Точный текст я не запомнил. Шаман говорит, что дело не в точности текста, а в том, чтобы внятно и с настроением передать суть. Примерно так: «Сожги, съешь болезни и наветы, Которые горят. Отгони, погони те, Которые не горят. Мы вместе, едины».

Напоминает виденные в детстве фильмы про обряды племен, только без идолов.

После купания в ледяной воде и последующего шагания я действительно успокоился. Часть волновавших меня проблем решилась

сама к моему возвращению в город, другие я решил довольно быстро.

Естественно, об этом необходимо было расспросить.

— Что дало шагание через огонь?

— Вода и огонь.

— Что «вода и огонь»?

— А что «курс». (Смеемся). Ты почистил то, что у вас называется аурой.

— Как почистил?

— Холодная вода хорошо смывает полевых паразитов. А которые не боятся воды, выжигаются огнем.

— Так, может, лучше ходить по углям, - как при некоторых обрядах.

— К этому нужно специально готовиться. Иначе обожжешься.

03.01.99

Под порошком хижины Шамана я сделал небольшую похожую на нору наклонную дырку, выходящую под крыльцо. По утрам закладывал ее длинным камнем, названным Затычкой, перед сном открывал. На всякий случай. Слишком многие отравились во сне угарным газом. Если печка ночью начнет чадить, большую часть угарного газа, который тяжелее воздуха, должно вытянуть. Правда, на полу ночью холодно.

Шаман ответил мне словами из анекдота, который я же ему

рассказал:

Петька и Василий Иванович в самолете.

— Петька, курс?

— Девяносто.

— Что «девяносто»?

— А что «курс»?

Шамал посмеивался и без меня дырку не открывал. Но мне так спалось спокойнее. Собравшись вздремнуть, я подкинул в печку дров и вытащил Затычку. Уже засыпал под мирное потрескивание дров, когда висящий в специальной нише на стене Бубен вдруг низко загудел. Я сел и уставился на Бубен. Гудение было отчетливым и ровным.

Казалось, что Бубен о чем-то предупреждал. Что-то я неправильно делаю? Или что-то с Шаманом? Не придет к утру, пойду искать.

Тревожно, не спится. Прибрался, написал план статьи, читал. Бубен продолжал гудеть. Стал читать свои доморощенные мантры. Тексты не важны, важен смысл и настрой. Бубен как бы прислушивался, стихал. Но едва я прекращал произнесение мантр, гудение возобновлялось. Вскоре я привык и занялся своими делами.

В сумерках пришел, наконец, Шаман. Не раздеваясь и не задавая вопросов, он подошел к Бубну, снял его со стены. Гудение прекратилось.

Минут пятнадцать Шаман постукивал пальцами по Бубну, извлекая звуки, похожие на гудение. Внимательно прислушивался. Затем повесил Бубен на место. Бубен молчал.

— Что это было?

— Дух Огня передал сообщение.

— А не Дух Воды?

— Не ерничай. Не у всех Духов есть чувство юмора.

— Да я не хотел никого обидеть.

— Это не обида, скорее выражение отношения.

— К чему? Какого?

— Что ты делал перед этим?

— О, о-очень важное дело —
лег спать.

— Вынул Затычку?

— Да.

— Это ж насмешка, и большая
честь для тебя.

— Насмешка над боязнью
угореть?

— Да.

— А в чем же честь?

— С тобой начинают общаться.

— Что мне теперь делать?

— Как и со Льдом. Веди себя
как обычно. Но будь теперь
корректнее и предупредительнее с
Огнем. И в мыслях тоже.

03.01.99

Несомненно, Шаман — не атеист. Но и не придерживается никакой из мировых религий. К Духам народов Севера относится уважительно, но не более. Может быть, у него своя концепция?

— У тебя есть религиозные убеждения?

— В целом — есть.

— Какие?

— Я же — шаман. (Смеется).

— Ты общался с продвинутыми представителями культов, знаком с каноническими текстами?

— Да.

— Почему же тебя интересует примитивный шаманизм?

— Шаманизм - самая древняя

форма религиозности. Даже официально — более шестидесяти тысяч лет. При кажущемся примитивизме, шаманизм более интегрален, чем современные дифференцированные религии.

— Почему ты так уверен в этом?

— Большинство религиозных учений, развивая одни аспекты, утеряло другие.

— Но была ли в столь древнем шаманизме духовность?

— Если бы высшие силы не стремились себя проявить с древних времен, сегодня не было бы развитой духовной жизни.

— А в чем видишь

ограниченность учений?

— В гордыне.

— Как это?

— Когда учение объявляет только себя абсолютно истинным, а все другое - ложными, оно впадает в гордыню.

— Но во многих развитых конфессиях есть высокообразованные и высокодуховные люди. Они мыслят и чувствуют не интегрально?

— На высоких ступенях в любой религии человек начинает быть целостным и понимать ограниченность частного.

— Почему же они об этом не заявляют?

— Кого не слышат, кого не
хотят слышать, кто считает, что не
поймут, кто боится...

Шаман в городе

28.09.04

Жизнь общества Шаман

описывает очень своеобразно.

Например, он говорит, что с 2000 по 2004 жил в «темной полосе».

Термин, насколько я понял, характеризует какой-то глобальный переменный процесс (темные и светлые полосы) в жизни общества.

— Почему «темная полоса»?

— Приходя в город через много лет, попадаю в светлую или темную полосы.

— Связано с уровнем жизни, порядка?

— С доминированием темных или светлых групп людей.

— Ну, отличить темные от светлых иногда очень трудно.

— Почему так думаешь?

— Нет критерия. Ни одежда, ни должности, ни уровень разговоров помочь не могут.

— Часто люди не замечают различий из-за их простоты.

— Есть простой критерий?

— Посмотри на наиболее успешных и пойми, почему считаются успешными.

— В разных группах разные критерии успешности.

— Есть общий один.

— Какой?

— Устремление к духовности или к свинье.

— Как это «к свинье»?

— При устремлении к свинье успешными считается те, кто комфортнее живет, слаще жрет и трахается.

— Да, даже и во многих властных структурах так.

— Но даже самым крутым не угнаться за хряком среди свинок в теплом хлеву.

— А почему «устремление»?

— За «победы» в жизненной гонке положен приз — достижение идеала в следующей. Индийцы называют это кармическим перевоплощением. Такие

«победители» вновь родятся
свиньями.

— Они же не хотят свиньями.

— Человек реально хочет не то,
что он об этом думает, а то, что
проявляется в его делах и поступках.
По делам и по жизни его.

— А сейчас какая полоса?

— Светает.

08.11.97

В вопросах Шамана о Москве,
Санкт-Петербурге, Риге и других
городах чувствуется наличие
своеобразной системы. Например,
рассказы о проверке документов в
Москве он слушал, зевая, а о
магнитных картах долго
расспрашивал и был недоволен

неполнотой ответов; вопрос о ценах он считал несущественным, а то, что в метро стало меньше красивых женщин — очень существенным. Мою версию о том, что красивые женщины пересели в автомобили, он одобрил, а версию о конкуренции как основе ценообразования — высмеял. Его высокий уровень социальной компетентности при отшельническом образе жизни удивлял меня.

— У тебя есть паспорт?

— Спрятан возле города.

— Откуда?

— Море и горы дают все. Когда

я нашел этот паспорт, его владельцу уже нельзя было помочь.

— А настоящий?

— Настоящие документы давно

истлели.

— Ты где-то прописан?

— Зарегистрирован.

— Как это делаешь?

— В следующий раз ты

немного поможешь мне и узнаешь.

— Как можешь знать, не бывая
в городе?

— Знаю города также хорошо,
как море или горы.

— Откуда?

— Я прожил в городах много
дольше тебя и еще собираюсь жить в
них.

— Как давно начал так жить?

— Сослали меня в Якутию еще

как правого эсера. Я сразу ушел на Восток, к океану.

— Сам?

— Договорился с Фогельманом для работы в его группе.

— Но и здесь люди жили: Охотск, Ола, Гижига, Марково...

— И здесь достали. В двадцатых я имел бартер с японскими компаниями.

— Здесь были тогда японские компании?

— Пытались торговать и работать.

— Не помнишь какие?

— Чите-Шока, помню. Потом по именам владельцев шхун помню

— Танака, Юзара, Кумакици.

Смотри-ка, забыл некоторых.

— При Сталине тебе это, конечно, припомнили?

— При Дальстрое, вылечил одного старого несчастного особиста. Он сказал, что грозит за этот бартер.

— Что он сказал?

— Что на «Генри Ривере» везут «мое дело» с приговором.

— Он был прав?

— Компаньоны, которые не решились уйти, умерли в лагерях.

— Может они, действительно могли сообщить японцам что-либо стратегически важное?

— Конечно. Здесь была целая рота медведей и дивизия зайцев.

— Как ты ушел?

— На юг, потом на запад по Охотскому тракту. Советские им уже мало пользовались. В Олекминске купил документы.

— Что ты брал у японцев?

— Все. Даже купил жену.

— Японскую?

— Тогда это было обычно.

— Именно купил?

— Я попросил, и через год мне привезли девушку.

— Много привозили японских девушек?

— В восемнадцатом— девятнадцатом веках японцы, китайцы, корейцы, американцы постоянно кого-нибудь привозили и

увозили.

— А русские?

— Русских, конечно, было больше. Они с пятнадцатого века приходили по суше всем отрядом или караваном, а не единицы, как с кораблей.

— Что стало с той японской девушкой?

— На следующий год отправил домой. Им очень плохо здесь зимой.

— У вас был ребенок?

— Нет. Быстро понял, что придется отправить. Боялся, что зиму не переживет.

09.11.97

Собираюсь в город. Нужно сделать крюк от землянки Шамана к

моему домику, забрать паспорт и в нем деньги на дорогу. Из леса иногда выходишь в таком виде, что могут и спросить документы. Шофера на этом участке трассы рассказывают друг другу обо мне всякие мифы: «На тысячу километров ни одного поселка, и мужик пеший на дороге голосует»... И выдумки всякие. Это неплохо. Предупреждены, не боятся, подсаживают. Со своей стороны, стараюсь поддерживать хорошие отношения: когда проставлюсь, когда с мелким ремонтом договорюсь и заплачу... Здесь важны не деньги, важно, что человек стремится быть благодарным.

Все же досадую немного, что не

взял паспорт, когда пошел к Шаману. О паспорте на побережье не думаешь, как о вещи из другой жизни. Вспомнил вчерашний разговор с Шаманом.

— Ты захоронил труп, у которого взял паспорт?

— С понятием. И крест поставил. Хотя не вижу в этом смысла.

— Зачем тогда?

— На нем крестик. Возможно, верующий.

— Не понимаю. Ему уже было все равно, для тебя бессмысленно. Зачем?

— Ему — не все равно. Для него есть смысл.

— Но он же был мертв, когда ты его нашел.

— Тело мертво, но при чем здесь смысл?

Несколько секунд мы молча смотрели друг другу в глаза, и я решил изменить вопрос.

— Зачем тебе его смысл? Ты поступил социально?

— Нет. Просто выполнил договор.

— Какой еще договор?

— Я взял у него паспорт и похоронил его так, как ему бы хотелось.

— Я что-то не понял в сути договора?

— Другими словами: отдал

несколько своих действий его смыслу. В благодарность за паспорт. Это просто кратковременное сотрудничество.

— Может быть, нужно было сообщить родне.

— Кто я такой, чтобы отнимать у людей надежду.

12.06.05

В такие яркие дни море синее-синее. Гораздо синее южных морей. Холодно, и не разводится столько всяких микроорганизмов. Чистое преломление света. Тот, кто привыкает к чистым цветам, звукам и энергиям, в городе начинает

нестерпимо скучать по ним. Человека тянет на побережье, в горы, в тундру, хотя он не всегда осознает — почему. Я привык, и мне трудно без моих регулярных переходов. Шаман привык, конечно, еще больше, но легко прожил, не выезжая, три года в городе.

— Как начинаешь приспособление к городу?

— Сначала как все — ищу временное жилье.

— А не как все?

— Смотрю ночью небо над освещенной площадью или улицей.

— Что там?

— На грани электрического света и тьмы можно иногда заметить

трепетание энергетических существ.

— Это кто?

— Еще нет названия на языке людей, но они определяют энергетику города, его ритм.

— Появляются по вечерам?

— Есть всегда, но так их легче заметить.

— Что делаешь с ними?

— Наблюдая их, воспринимаю ритм и гармонию города.

— А взаимодействовать можно?

— Они живые и осознают себя, но практика взаимодействия тебе пока не нужна.

— Почему?

— Ты боишься и будешь

напрягаться — воспримут тебя враждебно.

— Люди знают про них?

— Многие горожане чувствуют.

— Как?

— Иногда вечером, ночью или рано утром видят улицы особенно прекрасными или особенно жестокими.

— Да, и со мной бывало.

— В это время люди видят на грани света и тьмы энергетические существа города.

— Почему же не осознают?

— Вместе с осознанием приходит тревога. Существа [раздражаются] и удаляются. Для человека это как будто «вдруг»

пропала красота или смысл.

— Так они разные?

— Естественно.

26.09.04

Встретились с Шаманом в Москве в огромном стекло-бетонно-пластиковом здании, напоминавшем Пентагон. Он приехал по своим делам. Говорили на ходу. Между прочим, Шаман сказал, что впервые здесь и пару раз спрашивал встречных о расположении нужных офисов в здании. Минуты через три я полностью потерял ориентировку среди многочисленных запутанных коридоров, переходов, спусков и подъемов и просто ходил за Шаманом. Он же, наоборот, стал

прекрасно ориентироваться, и уже к нему стали обращаться за помощью встречные, ищущие входы, выходы или лифты. После очередной четкой инструкции Шамана, объяснившего женщине: «Направо до конца, там прямо по единственному коридору и в торце вниз», я поинтересовался.

— Так ты уже бывал здесь?

— Сказал же, нет.

— А как ориентируешься?

— В Москве, в общем, легче, чем на побережье. Особенно, если там густой туман.

— Но конкретно в этом здании.

— Здесь много дел. Поэтому я сначала объехал здание, запомнил деревья, щиты, другие дома. Теперь

достаточно взглянуть в окно, чтобы понять, где мы находимся.

— Долго, непривычно.

— Первый раз долго. Через несколько раз — мгновенно.

— Есть еще признаки, закономерности?

— Конечно. Как и у местности.

— Какие?

— Между хребтами всегда речка или ручей, внизу растительность гуще, чаще лиственные...

— Нет, признаки зданий.

— Лифты привязаны к опорным линиям, в торцах фрагментов всегда лестницы, туалеты, как правило, у входов и у

запасных лестниц, если коридор перекрыт, то на этаж выше или ниже почти всегда переход. Это уже пожарники требуют. Поброди полдня по незнакомым московским зданиям и вокруг, увидишь кучу признаков. На всю жизнь научишься.

02.05.98

За годы жизни на Колыме и Чукотке, Шаман повидал очень многое. Думаю, что он был бы бесценной находкой для историков региона, если бы согласился сотрудничать. Сам Шаман исторические факты считает несущественными, но, почти как закоренелый гегельянец, очень большое значение придает

практикам. Можно было бы назвать его и марксистом, если бы он не был еще более внесоциален. Шаман знает очень много уже ушедших в прошлое способов деятельности, и иногда, если мне удастся задать вопросы, рассказывает о них.

— Черпнул лотком, а дальше?

— Он качает лоток круговыми движениями, и вода смывает легкие фракции.

— Но это — песок. А как они извлекают чистое золото?

— Катают ртуть.

— А из ртути?

— Испаряют ртуть.

— Как испаряют?

— Костер и сковородка.

— Это же ужасно вредно!

— Всем, кто связался с золотом, конец.

— Почему? Есть же благополучные и защищенные золотопромышленники.

— Ты помнишь, как называется золото в таблице Менделеева?

— Aurum?

— Да, латинское название звучит близко к названиям в древнеиндийских языках. Золото влияет на ауру человека. Остальное — следствия измененной ауры.

— Человек может иметь прибыль, например, акционер, но не иметь дела непосредственно с золотом.

— Достаточно того, что он притягивает мысленный образ.

— В этих местах есть золото?

— Нет. Тут было, наверное, пять или шесть партий геологов.

— Какие?

— Не со всеми общался. Про Фогельмана уже говорил. Они мне рассказывали про экспедицию Богдановича. Потом американцы Смита шустрили, англичане и китайцы Ива, люди Танаки, но недолго, не были готовы к местным условиям.

— Это после Фогельмана?

— Да.

— То есть уже при Советской власти?

— Тогда еще власти не могли контролировать эти края.

— А советские?

— От Обручева были люди, потом очень большая экспедиция Дальстроя.

— И никто ничего?

— Здесь бы не было так тихо.

— А ты мыл золото?

— Нет. Золото нужно тому, кто хочет жить в городе. Не само по себе.

— Что значит «не само по себе»?

— В городах нужно не золото, а его символы — деньги. Умнее охотиться за символами.

— Где ты возьмешь деньги, когда пойдешь в город?

— Ты займешь мне на месяц жизни?

— Да.

— В городах ничего существенно не меняется, кроме узоров на деньгах. За месяц я найду доходное дело.

— Знаешь, ты давно не был в городах. Сегодня миллионы неглупых современных людей ищут доходное дело. Жесткая конкуренция, и у них ничего не получается.

— Говорю тебе: в городах ничего не меняется. Твои миллионы только хотят, но ничего не делают, или с большей-меньшей активностью функционируют в уже сложившейся системе. Любой

неглупый человек, который будет что-то делать, будет иметь доход.

17.06.05

Рассматриваю в бинокль склон горы, на котором поселился медведь. Следы выходят оттуда и уходят туда. Вроде бы обычный склон, но кусты кажутся дремучей, мрачнее. Первый раз, когда наткнулся на медвежий помет, подумал: «Странно, откуда здесь лошадь?». И продолжал идти, беззаботно насвистывая. Лишь минут через двадцать «вдруг» дошло, что это вовсе не лошадь. И мир сразу изменился.

В 2002-2004 гг. Якутии и в Хабаровском крае сильно горели леса. И медведи, соответственно, с

запада и с юга пришли к нам. Этот из беженцев. «Сами мы не местные, жить негде» и все такое. Я его ни разу не видел, хотя не раз слышал. Когда медведь наестся ягоды, у него в животе громко бурчит, будто свинья в кустах хрюкает. Но свиней и лошадей здесь нет, ни диких, ни домашних. Он, понятно, видел меня не раз. Медведь меня, как говорят студенты, «напрягает». И в прямом смысле — идешь такой напряженный, что потом шея болит. И в переносном — «ломает кайф» от ходьбы по лесу. Не хотелось бы его убивать, но желательно прогнать из этих мест.

Шаман хохочет над моими проблемами с мишкой. Он-то с ними

только что не целуется.

— Как ты обезопасил себя?

— Тебе не поможет. Не расслабляйся. Носи свисток, фальшвейер, а лучше — ружье.

— Но ружье «трахает». Особенно если рюкзак тяжелый.

— Лучше ружье... (Смеется).

— Хоть расскажи, к чему стремиться.

— Опасно. Впадешь в иллюзию, что сам можешь...

— Обещаю «нюх не терять». Буду с ружжом.

— Я понимаю, как себя вести с мишкой.

— Объяснишь?

— Это не объяснишь. В каждом

конкретном случае по-разному. Я понимаю больше тебя в устройстве мира. И, как частное следствие, в «устройстве» медведя.

— Знаешь, в университете меня учили, что медведь — «объективная реальность, независимая от нашего сознания».

— Я сдавал философию в мединституте. Она правильно учит, но не дотягивает.

— В чем?

— Там основная категория «отражение»? Но «отражается» в моем сознании далеко не все, а только то, что мне соответствует. И то не сразу.

— Как это «не сразу»?

— Взрослый, видит, слышит и понимает больше ребенка, хотя глаза и уши у него могут быть хуже. Просто он больше развился.

— То есть я могу в мире замечать и понимать только настолько, насколько я развился?

— Да.

— Можно примеры?

— Я могу разговаривать с деревьями и животными, а ты — нет.

— Ты знаешь их язык.

— Дело не совсем в языке. Если ты разовьешься больше, то увидишь в деревьях и животных много нового. Это позволит тебе понимать, как с ними общаться. А пока никакой язык тебе не поможет.

— То есть я не неумею, а не понимаю, не вижу как?

— Именно.

— Что мешает философам это понять?

— Глупым мешают слова: «объект», «объективная реальность» и им подобные.

— Чем?

— Они думают, что предметы такие и есть, как они их видят. И, конечно, тогда понимать им больше нечего.

— А умным что мешает? Есть же поумнее?

— Нет практики. Очень умный человек может вдруг понять, как общаться с деревьями, с облаками

или льдами. Но если он это ни разу не практикует, то или забудет, или сам же будет считать это фантазией.

— Откуда ты это узнал?

— Я сам философ. (Хохочем).

Эта цивилизация ошибочна...

01.01.05

Новый лед прирастает к кромке старого, поэтому возле кромки температура морской воды ниже нуля. Лежу на хрупкой кромке и смотрю в холодную прозрачную воду. Имея туристический коврик, можно пролежать довольно долго.

Кажется, что в серых, веками обкатанных волной и обточенных льдами камнях никто не живет. В зависимости от размера камни напоминают китов, моржей, нерп, лежащих на дне.

Замечаю стайку рачков или очень маленьких креветок. Они деловиты и активны. Как бы прыгают в толще воды, отталкиваясь от льда. Только не вверх, а вниз или в сторону. Понимаю, что жизнедеятельность креветочек протекает как раз в самом холодном слое воды. Настроив свой Nikon, делаю несколько фотографий, «мувик» и, довольный, отправляюсь к Шаману.

— Теперь-то докажу биологам, что могут жить нетеплокровные организмы при ниже нуля.

— Будет то же, что и с твоим «снежным пауком».

— Тогда не поверили, а сейчас

есть фото и «мувик».

— Некоторые поверили. И многие знают о планктоне и рачках, живущих у кромки льда. Но общая точка зрения изменена не будет.

— Да, наверное... Почему ученые стали так часто игнорировать очевидные факты?

— Не только ученые. Все общество. Это называется «политкорректность». Важна не правда, а согласие и уважение к любым чужим суждениям. А уж опровергать общепринятое — совсем дурной тон.

— Почему такое явление?

— Система борется за выживание и не приемлет

противоречащего.

— Какая система?

— Западная демократия.

— Ей-то чем грозит правда?

Она на этом стоит.

— Стоит не на правде, а на рынке. А правда в том, что она не может ограничить рынок.

— И что плохого?

— Заметил, что климат меняется?

— Да.

— Не ограничив рынок, невозможно ограничить выбросы в атмосферу. Этим Запад погубит все живое.

— То есть человечеству нужна для выживания другая система?

Шаман не ответил на риторический вопрос и занялся печкой.

— Но, может, люди сумеют договориться об ограничении производств?

— Скорей бы, а то поздно... И это будет уже не рыночная и не демократия.

07.11.98

Иногда Шаман пользуется необычными предметами. Например, деревянным прямоугольным блюдом, иглой из бивня мамонта, луком из китового уса или наконечниками стрел из обсидиана. Однажды он при мне изготовил, точно обкалывая кусок льда, ледяной нож и заколол

им же сделанную из снега, земли и веток тварь (зверя с рыбьим хвостом). Шаман утверждал, что такая полевая тварь привязалась к нему на полосе отлива, и он хочет наказать и отогнать ее, но не убить. Тогда еще я скептически относился к его разговорам о полевых животных, но мой скептицизм поубавился уже через несколько часов, когда мы вновь подошли к чучелу. Стояла морозная безветренная погода. Пока нас не было, чучело изогнулось, а ледяной нож наполовину вылез из него. Шаман вынул ледяной нож и разбил его, затем тщательно разрушил чучело.

На мои расспросы он ответил,

что берет иногда предметы на стоянках древних людей и там же узнает способы деятельности. Он знает тысячи таких стоянок и является мастером множества древних ремесел. Археолог повесился бы рядом с ним.

— Как можно найти эти стоянки?

— Они везде, где есть вода, охотничьи угодья или пастбища. Где еще, по-твоему, должны были жить люди тысячи лет? Со временем ты просто чувствуешь их.

— Есть материальные признаки?

— В пригодных для жилья пещерах, гротах на берегах жили

обязательно. Бугры с провалом и торчащими костями кита бывают на месте землянок.

Например, изготовленная им из глины и песка посуда звенит куда лучше импортных фарфоров.

— Насколько они древние?

— Две-три с половиной тысячи лет.

— А древнее?

— После оледенения люди старались селиться в местах, защищенных от зимнего северо-западного ветра, на берегах нерестовых рек или у переправ оленей, на побережьях повыше, где не доставали бы половодье или шторм. Это речные или морские

террасы.

— Столько признаков.

Наверное, таких мест немного?

— Не часто встречаются. Но если встретишь место с такой совокупностью признаков, древние там жили наверняка.

— Как давно?

— Пять-семь тысяч лет.

— А еще древнее?

— Люди здесь жили, в понятии человека, всегда. То есть, сколько есть люди, столько они здесь и жили.

— Почему же сегодня это под вопросом?

— Раньше не нужны были уголь, нефть или другие энергоносители. Сегодня люди

тратят на это большую часть заработка и мерзнут.

— Что же делать?

— Эта цивилизация ошибочна в том, что везде стремится создать одинаковые условия. Такой способ проигрышен, так как требует постоянного притока энергии. Скоро варвары будут изучать способы жить в тех условиях, которые есть.

— Кто это — варвары?

— Варвары — люди со столь низким уровнем культуры, что без своих приспособлений они не проживут в тундре и суток.

— А развитые цивилизации здесь были?

— Да.

— Почему же нет следов?

— Они на дне моря и на некоторых северных островах. Скоро найдут.

— Что за следы?

— Сейчас на больших глубинах могли сохраниться только остатки огромных сооружений. Например, аэродромов, туннелей, каналов. Рядом найдут и остальное.

— Как скоро?

— Еще при жизни твоего поколения.

Не могу не привести здесь фразу, случайно брошенную молодым эвелном в обыденном разговоре о ценах: «Ну, в тундре, конечно, с голоду не умрешь».

07.01.99

С точки зрения Шамана, эвелны являются более культурными людьми, чем мы. Я попытался получить более подробные пояснения.

— Наша цивилизация прошла те же стадии, что и эвелны, только раньше, однако. Почему считаешь их цивилизацию лучше?

— (Шаман улыбнулся моей стилизации под речь эвелнов) Они развивались в более трудных условиях, у них сильнее общинная мотивация.

— Русские тоже дольше других жили общинами. Какое в этом преимущество?

— У русских тоже общинное настроение было сильнее, чем у западных. Сейчас они проходят критическую точку поворота, однако. (Шаман опять улыбнулся)

— Что за поворот?

— На свободу личности.

— Так это прогрессивно.

— До определенных пределов.

Пока, однако, индивид считается с интересами вида.

07.01.99

Логика Шамана показалась мне убийственно точной. Сказать нечего. Еще хуже то, что Шаману было настолько легко ответить мне, что его больше занимало в диалоге слово «однако», чем содержание. Взяв

поролоновый коврик, я отправился на скамейку Шамана, попытаться увидеть волны льда. Прилив вспучил многометровые льдины, и через образовавшуюся трещину на лед вылезла толстая нерпа. Полчаса я наблюдал за самодовольным животным, которое не знает ничего про интересы своего вида, но каким-то образом их поддерживает. Мысль о слабом месте в рассуждениях Шамана пришла вместе с холодом, окончательно пробравшимся под куртку.

— Человек — не только биологический индивид.

— Когда «совсем свободная личность» перестает жить для

общества, общество разрушается.

— Как это проявляется?

— Например, техногенными катастрофами.

— Не вижу связи.

— Чтобы управлять сложными и масштабными техническими системами, например самолетом или энергостанцией, нужно на время полностью забыть о себе, посвятить себя служению другим через взаимодействие с системой. Современный человек, личность которого направлена на «самоактуализацию себя», не может этого. У него нет ни ценности, ни дисциплины самоотречения.

— И это ведет к катастрофам?

— »Независимая» личность все более отдаляется от мира, противопоставляется, самоутверждается за счет него. А мир все равно возьмет свое, иногда очень резко.

— Но человек живет не для абстрактного общества, а для родных, близких, друзей.

— Если орган начинает жить не для организма, а только для себя и соседних органов, организм быстро разрушится.

— Разумно живя для себя, личность взаимодействует с другими, идет обмен услугами, товарами, информацией.

— В этом другая сторона

опасности. То, что вы называете «личность», полностью направлено на отношения с другими людьми.

— Что в этом плохого?

— Человек должен быть направлен и на отношения с окружающими, и на отношения с Духом. Без людей, направленных на отношение с Духом, общество деградирует.

— У нас много людей борются не только за себя и близких, а, например, за права всех людей.

— Такие немного стабилизируют ситуацию. Но из них большинство таким способом просто презентирует себя окружающим, хотя и не осознает этого.

— Им это невыгодно. Зачем?

— В детстве им внушили, что заботиться о человечестве хорошо. Так они показывают окружающим и себе, что они хорошие. Хотя большинство из них искренни, мало кто следует за своим Духом.

22.02.06

В последние годы, в окрестностях Магадана опять развелось много куропаток, зайцев, лис, медведей и других животных. Это понятно. Среди моих знакомых-ровесников только один изредка охотится. А в предыдущем поколении — каждый второй.

Но когда я высказал эти соображения Шаману, он лишь

посмеялся.

— Местные жили профессиональной охотой тысячелетия и добывали зверя гораздо больше любителей. Дичь, однако, не переводилась.

— Действительно. Почему?

— Современные охотники убивают варварски, а местные — цивилизованно.

— В чем различие?

— Местные убивали только по необходимости. Соблюдали ритуалы и охоты, и разделки, чтобы душа животного не обиделась и вновь воплотилась в этой же местности.

— Чем же обижают сегодняшние охотники?

— На тех, для кого дичь — подспорье в семейном бюджете, те не слишком обижаются. В конце концов такой охотник думает о детях, то есть о жизни.

— А другие?

— Многие современные убивают для развлечения — это уже оскорбление. Не просят прощения, не соблюдают правил, плохо обращаются с телами. Душа животного после этого или долго не воплощается, или вообще уходит в другое место, даже в другие миры может от обиды. И души других животных уводит. В Магадане-то восстанавливается, а в других местах...

— Действительно, варварство. Хорошо еще, что обиженные животные не мстят.

— Мстят Духи местности.

— Как?

— Они отмечают убившего неправильно особым знаком убийцы. Этот знак опознается почти во всех мирах. Естественно, что убийца, везде до конца жизни встречает больше неприязни. Соответственно, живет хуже и меньше.

— Но многие охотники-любители и не подозревали об этом.

— Имеет значение не знание, а отношение. При искреннем раскаянии знак снимается, но годы, прожитые похуже, никто не вернет.

— Но человек не знал, не он виноват, а воспитание, система!

— (Шаман посерьезнел, взглянул исподлобья, потом поднял голову. Тут только я сообразил, что он опять пародирует гуру) Каждый рождается в определенной системе не просто так, но все рожденные могут развиваться. (Шаман улыбнулся) Больше не утомляй меня вопросами, ответы на которые есть в тысячах книг. Умей вовремя остановить вопросы.

Стройбатовское лето

1977

В семидесятых две трети Советской армии состояли из стройбатов. Большинство мужчин, рассказывающих, как они служили «десантниками-летчиками-моряками», тоже служили в стройбатах. Я служил в стройбате в 1977-79 гг. и этим горжусь. Ничего не разрушал, многому научился и два года строил.

В первое лето службы наш батальон занимался прокладкой кабельных линий вокруг крупного аэродрома. Экскаватором копать

траншеи было невозможно, так как на участках проходило много газовых и водопроводных труб, телефонных и других кабелей. Существовала (и, по-моему, сейчас бытует) пословица: «два солдата из стройбата заменяют экскаватор». Тщательно, с оглядкой копать штыковой лопатой многометровые неглубокие траншеи никто в роте не любил... кроме меня. Сослуживцы приходили в неистовство от однообразной тяжелой физической работы, пытались от нее увильнуть, удивлялись и благодарили, когда я предлагал им пойти за меня в наряд по роте, по кухне, в караул, а сам ехал за них копать.

Меня же привлекало именно длительное однообразие. На второй-третий день я сообразил, что можно много часов копать «лишь телом», а мыслями, душой «улететь» и от этой работы, и от сразу опостылевшей службы. Со стороны казалось, что соловон (Первые полгода в батальоне солдата называли соловонем, вторые полгода — молодым, третьи — черпаком, последние — дедом) добросовестно роет землю и полностью этим поглощен, а на самом деле я в воображении общался с родными и друзьями, мечтал, любил, строил планы, решал задачи, писал стихи и рассказы. «Возвращался» на свой участок лишь

несколько раз в день, когда попадался особо «сложный» камень, особо «хитрое» сплетение проводов и труб и, когда привозили обед. Так проходил-пролетал очередной день службы из моих 747 (Из-за постоянных разногласий, споров и конфликтов с офицерами мне пришлось 17 дней «тянуть макаронку», то есть прослужить на 17 дней больше положенных двух лет. Обычный расчет офицеров на то, что оставшихся в роте одиночек-макаронщиков будут избивать солдаты из последующих призывов в моем случае не оправдался: я никогда не бил солобонов и молодых, наоборот, заступался за них), и перед

сном я вычеркивал его в календарике.

Скоро офицеры, прапорщики и даже сержанты привыкли к моей «добросовестности», отправляли с суточным пайком (две булки хлеба и банка тушенки) на самые дальние участки, где меня никто не беспокоил. После первых конфликтов не беспокоили меня и старослужащие, которым казалось, что я работаю уникально тяжело и интенсивно. За час-полтора я тщательно размечал «шнуркой» (шпагатом) «траектории» траншей, и на участке оставалось лишь копающее тело. В перекурах, которые я устанавливал сам, варил молодую

кукурузу с полей и немного «тряс» (Два-три яблока или груши за день и всегда из разных садов. Больше не нужно было, так как все и так «принадлежало мне» и ждало завтра) сады окрестных деревушек.

За лето поздоровел, успокоился после университетских приключений, приведших к отчислению, выстроил четкие планы на будущее, сочинил кучу уникальных писем знакомым женщинам и несколько среднекачественных стихов для советских журналов. В конце лета даже стал заучивать слова из англо-русского словаря и решать в уме задачи по аналитической геометрии.

Когда в сентябре все траншеи были выкопаны, мне понадобилась неделя, чтобы психологически «вернуться» к суровой ротной действительности и как-то научиться нужной по работе на новом «объекте» специальности (кровельщик).

В феврале 2004, перечитывая записи разговоров с Шаманом, я долго размышлял, как это у него коптильня «сама строится моими действиями». Это помогло вспомнить, что и у меня летом 1977 траншеи «сами копались моими действиями». Возможно, что я тогда находился в состоянии, близком к состоянию Шамана во время строительства. Все же должен

отметить и разницу:

1. Шаман вообще ни о чем не думает в этом состоянии, а я интенсивно мечтал.

2. Шаман живет так добровольно сутками и годами (сам определяет ситуацию), моя же ситуация была вынужденной (адаптивной) и временной (по несколько часов).

3. Шаман делает так для того, чтобы быть в «потоке мира», я делал это чтобы «отрешиться» от службы. При этом понимаю, что тоже иногда «попадал в поток мира».

«Экстремал»

21.07.98

Как я уже писал, некоторые элементы поведения Шамана (пугали?) настораживали меня. Шаман расчетлив, рационален и скрупулезен, но иногда ведет себя так, что многие посчитали бы его полным фаталистом или, как сегодня говорят, «отъявленным: отморозком». Рефлексивная работа над некоторыми из страхов помогла мне трансформировать часть из них в небольшие исследовательские программки. Так было, например, во время плаваний на знаменитом

парусном шлюпе Шамана.
Нижеприведенный диалог записан
после перехода от полуострова Кони
к острову Завьялова.

— Почему нет спасательных
жилетов?

— Зачем в Охотском море?
(Магаданскому читателю ответ
вполне понятен, но людям из более
теплых краев следует пояснить, что в
Охотском море даже в разгар лета
обычный человек не проживет в
холодной воде более 10-15 минут.
Такое время почти все могут
продержаться и без жилета)

— Ну, как шанс для борьбы.

— »Бороться» лучше заранее.

— Как это?

— Учитывать и предвидеть погоду, волну, обеспечивать выживаемость шлюпа...

— Никогда не оказывался в воде?

— Несколько раз.

— Как выжил?

— Раз браконьеры успели; раз близко от берега — смог доплыть; раз выбрался на дно перевернутой лодки, под которым остался воздух, и пролежал почти день.

— Всего три раза?

— Падений с льдин или скал возле берега, когда можно сразу вылезти, не считаю.

— Ну, ты — отморозок.

— Отморозок — ты. Лезешь в

попынью просто так, вообще без нужды.

— Не просто так. Сначала стараюсь разогреться. Потом опыт. И всегда хорошо продумываю еще до прыжка, как вылезти назад. Это — моржевание.

— Падение с льдины не опаснее моржевания. Все зависит от отношения.

— Опаснее. В зимней неуклюжей одежде, которая еще и намокает. Такого опыта у «моржей» нет.

— Потренируйся в одежде, вот и будет опыт.

16.01.05

С годами я убедился, что Шаман

вовсе не собирается где-нибудь случайно погибнуть. Его отношение к жизни и смерти нельзя не только назвать наплевательским, но, напротив, он относится к этому гораздо серьезнее большинства людей.

Некоторые «ужасные трюки» Шамана вроде перевозки (дрейфа) на льдинах по ветру бревен и других громоздких вещей или спусков скольжением по ледникам сегодня уже не кажутся мне опасными. Весенний дрейф, например, оказывается, применим только в закрытых лагунах, из которых льдину вряд ли может вынести, и она почти неминуемо будет прибита к берегу

господствующими ветрами. Дрейфу можно помочь шестом или можно поспать-позагорать на льдине, лежа на туристическом коврике. «Отмороженный» спуск по снежным языкам с крутых склонов оказался после небольшой тренировки с палкой, выполняющей роль руля и тормоза, полностью регулируемым и по скорости, и по направлению. Опасно все это лишь без подготовки.

Возник обратный вопрос.

— Вообще когда-нибудь рискуешь?

— Все рискуют, даже переходя улицу.

— Я не об обыденном уровне, а большей степени опасности.

— Одному на побережье всегда опаснее. Приступ болезни, снимаемый в городе уколом, здесь может оказаться смертельным. То же — травмы.

— А кроме бытового риска?

— Полного контроля не будет никогда. Но у меня его больше, чем у простого человека.

— Как этого делаешь?

— Стараюсь предвидеть последствия, не испытывать зря ситуацию на прочность, не раздражать Духов местности, быть в потоке. Словами трудно описать.

— Это требует дополнительных затрат энергии?

— Наверное, хотя я давно

привык.

— Оправданно ли?

— Смотря, как собираешься умереть.

— Как?

— Лучше сказать не «умереть», а «перейти».

— Куда перейти?

— В царство мертвых, мир предков, загробную жизнь. Хоть горшком назови.

— Как-то ты слишком без уважения.

— Уважение — не в придыханиях и восклицаниях, а в реальной подготовке.

— Как это?

— Если тебе все равно, как

умереть, ты к этому не готовишься, хотя можешь много говорить, например, об уважении. А с уважением слова не столь важны, как реальная подготовка.

— Ты собираешься умереть определенным образом?

— Да.

— Будешь самоубийцей?

— Это вряд ли.

— Но ведь не мы выбираем время, место и способ.

— Mors certa, hora inserta. (Смерть определена, час не определен (лат.))

— Да понятно, в университетах обучались.

— Мы можем выбирать или

строить начало матрицы перехода.

В этот момент я испытал нечто сравнимое с мгновенным мысленным катапультированием вверх и возвращением в ситуацию. Казалось, я привык уже к тому, что Шаман весьма образованный человек. Годы жизни в Ярославле (2000-2004) сделали его и очень современным. Но на побережье возле костра непоколебимо спокойный Шаман с его неторопливыми четкими движениями, длинными паузами и простой чеканной речью настолько создавал образ древней мудрости, что обыденно употребленная им, в общем вполне к месту, современная терминология

резко переворачивала восприятие.

— Как же ты резко выходишь из образа терминологией.

— Не я. Это твой образ меня упрощен.

— Знаю.

— Ты тоже многих вводишь в подобное состояние.

— Знаю. (Хохочем)

Секс — наркотик

16.07.2000

Жить на побережье — много работать физически. Постоянно собирать, пилить и колоть дрова. Даже летом, если поленишься засветло, встанешь в два-три ночи от холода и будешь искать дрова в темноте. Если живешь долго, нужно начинать охотиться и ловить рыбу, постоянно чинить домик или печь, чистить все от сажи и нагара. Любая мелочь более энергозатратна, чем в городе: набрать чайник — выйти на мороз и набивать его снегом, да еще захватить снег в пакете, так как даже

хорошо набитый снегом чайник, дает лишь полчайника воды; стирка или помывка — воду нагреть...

«Ломка» (перестройка, приспособление) организма к таким нагрузкам происходит на третий-четвертый день. Хочется все бросить и уйти в город к горячему душу, полуфабрикатам и электроприборам. После «ломки» человек приспособливается, меньше замечает бытовые трудности.

О женщинах начинаешь думать к началу второй недели и к концу недели вспоминаешь о них постоянно. Наверное, именно это обусловило столь большое количество названий ручьев «Вера»

или «Анюткин», речек «Татьяна», «Ольга» или «Своенравная», вершин «Женская грудь», бухт «Желанная» на геологических картах и картах морских побережий. Шаман, кажется, не страдает без женщин.

— Как живешь долго без секса?

— Не так долго, как думаешь.

— Все же очень долго по городским меркам.

— Секс нужен не так часто, как кажется городским.

— Почему же такой культ секса?

— Люди заменяют им недостающие части своей жизни.

— Как? Какие?

— Например, человек,

живущий рутинной жизнью, перестает чувствовать себя живым. Секс дает ему ощущение жизни. Естественно, что он зависим от этого.

— А как иначе почувствовать себя живым?

— Дух, любовь, ненависть, творчество, вера, цель... Все, что поднимает человека над рутинной, освобождает от псевдозависимостей.

16.07.2000

Я прочел много книг по сексологии, физиологии и психологии сексуальных отношений. Но не встречал такой простой и очевидной мысли. Ценность секса

потому и казалось бесспорной, что он придавал жизни цвет и вкус. Фрейд много писал о разных занятиях как о суррогатах, сублимации секса. Шаман рассказал о том, как секс может быть суррогатом других жизненных ценностей.

— Почему секс дает ощущение жизни?

— Не сам. Ощущение жизни дает связь с миром. Связь с партнером на некоторое время заменяет это.

— Почему же люди не стремятся так к другим связям с миром, как к сексу?

— Он многогранен и легко

доступен. Для многих других связей с миром нужны усилия, воля, труд души.

— А сам секс не является связью с миром?

— Только часть ее. Как, например, жиры в пище. Они нужны, но не могут быть единственной пищей.

17.07.2000

Мысль Шамана проста, развиваю ее, как будто рассказываю студентам. Если секс становится суррогатом других аспектов жизни, то возможны два вида сублимации: сублимация секса и сублимация сексом. Так же и со всеми

остальными видами психологических защит. И с толкованием сновидений. В этом Шаман — специалист.

— Значит, Фрейд был не прав, утверждая, что наши сны — символизм бессознательного?

— Прав, частично. Это хуже, чем вообще не прав.

— Как это?

— Частичная правдивость скрывает то, что неверно.

— А что еще в наших снах?

— Инспирации, инвольтации. На русском нет точного термина, примерно — влияния.

— Кто на нас влияет?

— Духи, сущности, миры

высшие и низшие.

— Это не творения коллективного бессознательного?

— Беда, коли влияния высших миров трактуются как игра сексуальных инстинктов.

— А я думал, что сам творю все, что вижу во сне.

— А ты подумай, что такое «я сам»?

Об энергетике земледельца

17.09.05

В первый год жизни в Ярославле Шаман снимал домик на берегу реки Которосль. Соседи занимались обычными садово-огородными работами, и Шаман, прошедший большую часть жизни на Севере, с удовольствием обучился сельскохозяйственной премудрости. В начале лета я привез Шаману морем железную печку для новой хижины, заказанные им семена и инструменты.

Грядкам Шамана я сначала не

придавал значения, так как не считал работу на участке чем-то особенным. Сегодня внимание привлекла свежая великолепная редиска.

— Как хранишь редиску?

— Только с грядки.

— Третью неделю заморозки по ночам.

— Грядки в солнечном безветренном месте. И на ночь накрываю пленкой. Идеальные условия.

— Знаю. Колыма — лучший сельхозрайон.

— Зря смеешься. Во-первых, нет большинства досаждающих в Ярославле насекомых. Во-вторых, больше солнечных дней.

— »Мороз и солнце, день чудесный». (В этот момент я понял, как скучал по беседам с Шаманом. Мало с кем из знакомых можно было говорить и, тем более, шутить только ассоциативным рядом без дополнительных пояснений)

— (Шаман, как в и большинстве случаев, игнорировал иронию) Ты, между прочим, жрешь редиску третьего урожая.

17.09.05

Стал поглядывать. В окно хижины заметил, что Шаман вроде как танцует вокруг своих маленьких грядок. Если уметь шаманить над грядками, можно по три урожая и на полюсе вырастить.

— Этому тоже научился у ярославцев?

— Чему?

— Шаманить над грядками.

— Кое-чему научился, потом сложил «дважды два» и сам научил соседей.

— Расскажешь?

— Любой шаман чувствует энергию растений. А крестьяне имеют опыт выращивания, которого нет у шамана.

— Что дает такой опыт?

— Глядя на соседей в Ярославле, понял, что крестьянин со своим участком составляет как бы одно энергетическое целое, одну систему.

— Они это осознают?

— Чувствуют. И многое делают интуитивно.

— Что?

— Говорят ласково со всходами, чувствуют, как полить, подкормить...

— Это система.

— Нет. Говорю же, они не умеют шаманить.

— Ты объединил опыт шаманства с опытом выращивания?

— Чуть-чуть, однако. (Смеется)

17.09.05

Шаман отправился за своими травами, а я внимательно осмотрел грядки. Мысль о единой энергической системе крестьянина

со своим участком проста, но в голову раньше не приходила. Развитие мысли позволило сформулировать ряд новых вопросов.

— Хороший урожай зависит не только от труда, мастерства, но и от энергетического взаимодействия с участком, растениями?

— »Сумевший задать вопрос, знает и ответ«. (Произнося эти слова, Шаман так точно изобразил буддистского гуру, что я невольно рассмеялся)

— Человек с хорошей энергетикой может меньше трудиться и собрать больший урожай?

— Так бывает.

— Эта общая энергия и есть то, что называется «тяга к земле» у горожан, заводящих дачу, участок?

— »Сумевший задать вопрос ...»

— Они заряжаются энергией на даче?

— Они тоже строят со своим участком единое энергетическое тело.

— Но иногда работа на даче занимает массу энергии?

— Приводя в порядок участок, они приводят в порядок свое единое энергическое тело. Именно поэтому многие горожане работают на даче особо исступленно.

— А дети, молодежь? Они же

должны лучше чувствовать энергию. Но большинство из них не любит работать на участке.

— Во-первых, не все. А во-вторых, просто не нуждаются в энергетической поддержке до определенного возраста.

— Твои соседи-ярославцы как отнеслись к шаманству над грядками?

— Сначала скептически. Но после того, как я вылечил несколько их растений и защитил от насекомых — всерьез.

— И они танцуют теперь вокруг грядок, как ты?

— Один сосед танцует, но по ночам, чтобы его не видели.

Остальные делают отдельные пассы. Стыдятся. Все прогрессивное требует времени.

— Представил себе картинку из будущего: ярославцы на своих участках танцуют всякие танцы урожая, посева, всходов...

— Не только ярославцы. Это картинка и из прошлого, и из будущего.

18.09.05

— Так и с домашними растениями единая энергетика?

— Часто.

— Теперь понял, почему растения болеют, когда хозяин уезжает.

— И животные.

— У всех людей так?

— Есть предрасположенные к растениям, есть к животным, есть к другим людям.

— Из-за своей геометрии?

— Здесь ты путаешься. Тебе лучше говорить: «Из-за своей энергетики».

— Так и любовь?

— Отношения между людьми дополнены.

— Чем?

— Много структур общественной энергетики.

— Это ноосфера?

— Не только. Лучше, Джива.

— Что-то из древнеиндийской мифологии?

— Да, Вернадский близко подошел. Но кроме мыслесферы есть еще и переживание.

— То есть субъективность?

— Это на твоём профессиональном жаргоне.

Шаманский лес

19.01.06

Настало время написать кое-что о «танцах» Шамана. Танцы — условное название многообразных движений, сопровождаемых различными ритмами. «Танцует» Шаман каждый день от одного до пяти раз. Обычно от минут до получаса. Шаман не всегда определяет сам продолжительность танца.

Бубен используется редко. При лечении или другом специальном камлании.

— Когда начинаешь танцевать?

— Как почувствую желание.

— Чем это определяется?

— Есть танцы для собранности, если чем-то раздерган, расстроен. Есть для настройки. Есть совместные.

— С кем совместные?

— С морем, скалами, ветром, погодой, деревом, звездами... С теми, кто зазвучит.

— Как это — зазвучит?

— Ты — горожанин. У тебя или у соседей постоянно кричит телевизор, радио, пылесос, телефон, машины... Неудивительно, что чувствительность к звукам почти на нуле. Иначе в городе не выжить.

— К каким звукам?

— Дерево постоянно поет, камень. Когда они поют громко, я слышу и могу подпевать или потанцевать с ними.

— Как мне услышать?

— Посиди часик-два рядом с деревом и старайся его услышать. Лучше весной или в начале лета.

— А движения?

— Прислушайся к рукам, ногам, телу. И не запрещай им двигаться самим.

— А танцы для собранности?

— Услышь себя так же, как дерево. Потом попой тихонько и подвигайся в своем ритме. Если это удастся несколько раз, уже через неделю многие твои болячки начнут

проходить.

— А для настройки?

— Пока живешь в городе, лучше не практиковать.

— Почему?

— Невольно начнешь сонастраиваться с городской «грязью» и заболеешь.

— Поэтому ты больше живешь на побережье?

— И поэтому.

— Это тоже способ прохода в Шаманский лес?

— Как танец-настройка во сне.

— С кем?

— Ну ты — дерево. (Смеемся)

01.09.99

Шаман сделал мне амулет.

Основу составляла помещенная в пластиковую бутылку лохматая небольшая ветвь какого-то растения. По стечению обстоятельств я довольно долго не присматривался к этому растению.

Сегодня особый день — первое сентября, а я — преподаватель, только вышел официально в отпуск. В нашем университете начинались лишь практики, занятия — с октября. Так повелось с советских времен, когда студентов вывозили «на картошку» по разнарядкам Обкома партии. Разнарядок давно нет, но устраивающий всех график занятий, по умолчанию, сохраняется.

Все же хотелось в такой день

сделать что-то особенное, и, расположившись на солнечном склоне, я достал из рюкзака амулет и начал его изучать. Когда я хорошо разглядел растение в центре и обдумал увиденное, у меня, в буквальном смысле, волосы стали дыбом. Такого растения не могло здесь быть!

Древесный стебель был часто покрыт длинными крепкими острыми иглами, между которыми повсюду рос клочковатый розовато-серый не то пух, не то мех. Из-за этого растение казалось массивным и неопределенным. Несколько боковых отростков явно могли отламываться, как у кактуса.

Наверное, растение так и размножалось. Внешне все это напоминало огромную агрессивную шипастую гусеницу шелкопряда. Казалось, что это колюче-лохматое сооружение сейчас зашипит и кинется на тебя. Я представил себе такое растение длиной в метр и более и содрогнулся. Такими колючками защищаться не от кого! Хищников растения не интересуют, а ни один олень или птица и не приблизятся к такому.

Вдобавок ко всему, за несколько дней хранения в рюкзаке без воды на конце ветви и отростков проклюнулись зеленые почки. От любопытства я не стал дожидаться

Шамана, а отправился навстречу.

— Где ты взял такое
страшилище?

— Оно растет с юга у моего
Шаманского дерева.

— У тебя есть Шаманское
дерево? Где оно? Что это?

— Никто не покажет тебе свое
дерево.

— Ну, хоть местность.

— Ты пока не можешь бывать
там.

— Почему?

— Нет практики.

— Я не дойду?

— Нет практики. Считай пока,
что туда можно пройти лишь из
моего сновидения.

— Но ветвь реальная?

— Как этот куст.

— Я могу показать ее другим людям?

— Амулет твой. Делай, что хочешь.

Растение и сегодня стоит у меня на окне, прибавляя по сантиметру в год. Многие знакомые приходили посмотреть его. Посмотрев и потрогав, люди успокаиваются и больше не интересуются растением. Думаю, что и само растение, и рассказ о территориях, куда можно пройти лишь из сновидения Шамана, настолько немыслимы, что почти все предпочитают всерьез об этом не думать.

02.09.99

Ночью снилось мое дерево. В ярком лунном свете местность была почти узнаваема. Мучительно вспоминал эти места, зная, что, вспомнив, найду уже наяву. Но сон оборвался, когда я почти вспомнил. Запомнились лишь созвездия. До утра во сне решал задачу: с какой точки Земли (или не Земли?) звезды видны так? Зачем-то обязательно нужно найти свое дерево. Анализируя вчерашние записи, наткнулся на фразу Шамана: «Дерево есть у всех».

— У меня тоже есть свое Шаманское дерево?

— Не Шаманское. Свое дерево,

как и у всех.

— А Шаманское? Какое-то особое?

— Все деревья разные.

— Почему же шаманы считают, что особые деревья есть лишь у них?

— Не все, некоторые. Они неверно истолковали тот факт, что другие в их окружении не находят своих деревьев.

— Я могу найти свое дерево?

— Да.

— А другие горожане?

— Немногие.

— Почему? Чем я отличаюсь?

— Ты много лет ходишь по побережью один. Большинство горожан не любит этого и боится.

— Как узнаю свое дерево?

— Сначала вы много раз видите во сне. Потом просто идешь и узнаешь.

— С кем я вижусь во сне?

— Ты видишь дерево, а оно — тебя.

— Когда я найду его?

— Вы найдете. Когда будете готовы оба.

— То есть, и дерево может быть не готовым?

— Да.

— Как?

— Если ты не видел дерево во сне, ты не узнаешь его. Так же и оно может не узнать тебя.

— Что определяет готовность?

— Ты уверен, что не покажешь
свое дерево никому?

— Да.

— Зачем оно тебе?

— Не знаю. Не думал.

— Пока не готов.

02.09.99

Разговор с Шаманом продолжать
непросто. Нужно подумать. Целый
ряд вопросов Шаман останавливает
утверждением, что без
соответствующей практики я не
пойму ответов. Чтобы избежать этого
я составляю и заучиваю опросники
дома. Но невозможно предвидеть
повороты разговора. Пытаюсь
действовать и методом Шамана —
спокойно заниматься чем-нибудь,

пока «придет» вопрос.

Решил сварить уху из ручейной форели. Шаман научил хватать форель прямо рукой, но для меня слишком экстремально — замирать и следить в такой холодной воде. Все же не вопрос жизни и смерти. Народный способ мне больше нравится. Пускаешь поплавочек по течению у порожка и следишь за ним. Чуть выше дна плывет крючок с икринкой или с ручейником. Форель хватает и отпускает мгновенно в любом месте — чтобы подсечь, нужно полностью сосредоточиться на плывущем в солнечных бликах поплавочке. В этом секрет любой мастерской рыбалки —

сконцентрированная медитация.

На пару часов забыл и о шаманском дереве, и обо всем. Вопрос «всплыл», когда я закончил заправку ухи и присел у костра.

— Свое дерево реально или нет?

— Конечно, реально.

— Что ты имел в виду, когда говорил, что к нему можно добраться только через сновидение?

— Буквально так.

— В сновидении надо увидеть дорогу?

— Нужно идти к нему в сновидении.

— Но реально в это время я буду где-то спать?

— Нужно реально идти в сновидении. (Шаман задохнулся от хохота)

— Но тело будет лежать?

— Как же тело будет лежать, когда ты идешь? (Шаман, не прекращая хохотать, схватился за голову и упал на бок)

— Но как же я могу идти, если я сплю? (Я не понимал, над чем смеется Шаман, но хохот начал заражать и меня)

— (Шаман хохотал, держась за живот и перекатываясь через спину с боку на бок) Ох, ты меня сегодня доконаешь. Просто и спишь, и идешь.

— Что покажет видеозапись, если камера в это время будет

снимать меня?

— Идущего тебя и фон.

— Но я же сплю!

— (Шаман взревел и начал на пике хохота издавать утробные звуки) Конечно. И твоя камера попадет в реальность твоего сна, если только ты потащишь ее с собой.

— (Я засмеялся и вдруг понял сначала всю нелепость своих вопросов, затем и все ответы Шамана) Так я и притащу назад и все кадры, и все, что захвачу!

— Понял, наконец.

— И так ты принес мне ветвь для амулета?

— Много что принес.

— Я утащу туда от всех мою

женщину!

— Нет. (Шаман прекратил хохотать, и мы совершенно серьезно смотрели друг на друга еще слезящимися от смеха глазами) Ты только понял, но еще не был там. Опасно.

— Так не я создаю эту реальность?

— Не ты один. И сначала ты почти не влияешь. Ты проходишь туда, потому что там твое дерево.

— Я могу туда отвести других?

— Зачем?

— Не знаю. Пока не думал.

— Это дерево растет и через мир твоих предков, и через мир твоих правнуков. Потащишь туда

кого-нибудь?

— Если так, то нет. Как же оно так растет во всех мирах?

— Сквозь все миры. Это и дерево твоего рода.

— А всех людей?

— Это то, что в фольклорах называется «Шаманский лес» или «Заколдованные леса».

— Человек может повредить этот лес?

— Только фрагмент своего мира.

— А если он найдет дорогу к дереву?

— Такого окружающие называют Шаманом. Он не будет вредить своему дереву.

- А чужим?
- Это вряд ли.
- Почему?

— Предки или потомки будут защищать свое дерево и убьют его. И никто не знает защитных сил леса. Это просто самоубийство.

19.07.05

В годы отсутствия Шамана не раз возвращался мыслями к концепции Шаманского леса и родовых деревьев. Легче всего назвать эту концепцию метафорической, но реальная ветвь из Шаманского леса продолжает потихоньку расти у меня на подоконнике. За это время (после публикации 2003 г.) знакомые

биологи и натуралисты
повыпрашивали у меня множество
иголок, листочков и даже два готовых
к почкованию отростка. Никто не
смог идентифицировать растения.

— Ты не мог бы еще что-
нибудь принести из Шаманского
леса?

— Мог бы. И не только я. Но
тебе для прохода достаточно того, что
есть.

— Не мне. Для науки.

— Еще один из множества
необъясненных артефактов. На него
сейчас никто особо не обращает
внимания.

— Мое Шаманское дерево
сейчас есть?

— Как и все.

— Человечество постоянно увеличивается. Значит и Шаманский лес увеличивается?

— Не могу точно сказать. Деревья подрастают.

— Но ведь «программа» дерева заложена в семени. Значит и программа родов где-то заложена?

— Если в этих терминах, то важны и условия жизни дерева. Не все в семени. Лучше подумай, где программа семени, всех семян,

— Где?

— В программе программ всех программ семян. (Смеется) А вообще представления о деревьях у людей ошибочны. Реально дерево не растет,

а проявляется в нашем мире.

— И человек?

— Угу.

06.01.06

9 декабря 2005 года возвращался рейсом компании Даль-авиа из Хабаровска в Магадан. В самолетах с узким расстоянием между креслами стараюсь сидеть у прохода, чтобы иногда вытянуть ноги. Сидевшие ближе к иллюминатору женщины оживленно болтали. Я не прислушивался к разговору, машинально отмечал по интонациям его оживление и угасание. Вдруг разговор резко оборвался на повышении тонирования. Глянув на женщин, я понял, что их что-то

испугало, и посмотрел в иллюминатор. За бортом мелькала серая тень, то обгонявшая крыло, то отстававшая. Женщины умолкли, старались не смотреть ни в иллюминатор, ни друг на друга, ни на меня. Минуты две я наблюдал за маневрами двигавшегося рывками существа, напоминавшего маленькое серое облако с расплывчатыми крыльями, пока оно не исчезло из поля зрения.

«Видели?» — спросил я сидевшую ближе к окну. «Показалось» — твердо и уверенно ответила она, и вторая взглянула на нее с благодарностью. Спорить о том, что всем троим не могло

показаться, я, естественно, не стал. Такие случаи мало с кем можно обсудить, потому что слово «показалось» является наиболее удобным, не тревожащим ответом. Но не для Шамана.

— Что это могло быть?

— Какое-нибудь атмосферное существо или чье-нибудь сновидение.

— Атмосферные существа общаются со сновидениями?

— Некоторые из них являются самостоятельно зажившими сновидениями.

— Разве не все?

— В принципе — все. Но не все сновидения — человеческие.

— Да, пишут, что животные тоже видят сны.

— И растения, и духи, и минералы. И сами сновидения.

16.09.05

Откуда они появились, я не заметил. Обернулся вслед за Шаманом и увидел на фоне заката мужчину и двух женщин. Мужчина с коротким копьем. Таких копий я еще не видел. Острие копья похоже на лезвие большого обоюдоострого ножа. Явно железное. У одной из женщин за спиной лук с приспущенной тетивой из оленьих жил. В торбе, возможно, стрелы. Лица жесткие, как кулаки. Одеты почти полностью в одежду из шкур.

Но на той, что с луком, свитер под шкурой. У второй — военная шапка-ушанка. С кем-нибудь из пастухов ведут обмен. Или грабеж? Осанка прямая, горделивая. Вроде люди, а вроде — нет. Чувствуешь что-то чуждое.

С первого взгляда стало понятно, почему эвелны их избегают. И в разговорах не называют, только «они», «те», «их». Я сразу назвал их для себя «темными». Не из-за цвета кожи. Загорелые обветренные лица не смуглее эвелнских. Темен психический настрой. Казалось, вечер помрачнел и стал тяжелым в их присутствии. Не хотел бы я с такими встретиться без Шамана в их родных

местах, где еще не ступала нога цивилизованного человека. Это примерно три-четыре тысячи километров бескрайних гор между Магаданом и Якутском и западнее Якутска. Не могу утверждать, что съедят, но сочувствия не дождешься. Возможно, они вообще не считают людьми никого, кроме своего племени.

Общались они только с Шаманом. Меня не замечали, в том смысле, что взгляд их проходил мимо, не задерживаясь. Так мы смотрим на стиральную машину или кошку соседа. Я тоже старался не вглядываться. Не дай бог чем-нибудь задеть таких. Сначала порвут на

части, потом, может, подумают. Однако нет, не подумают.

Особенность их языка заключается в неразрывной связи звуков с жестикуляцией. Не как в итальянском, где жестикуляции акцентирует словесные выражения, а как будто жесты являются такими же словами языка, как и сочетания звуков. Звуки щелкающие, хрипящие, с короткими гласными и неожиданным тонированием. Дождались, пока Шаман изготовит нужную им смесь, кивнули и похрипели ему, не взглянув на меня, ушли. Вечер посветлел. Воистину, тартары какие-то.

— Это «сумеречные люди»?

— Они.

— Почему так мрачно-то?

— Это наиболее древние.

— Древнее эвелнов?

— Всех народов здесь.

— Как ты можешь это знать?

— По языку.

— Что особенного в их языке?

— Чем древнее язык, тем он

первозданнее.

— Как это?

— В первозданных языках

слова буквальны.

— Не понимаю.

— Например, слово «медведь»

означает «грозный спит всю зиму».

— А жесты?

— »Медведь» произносится

так «угроза (звук) — спит (жест) — зима (звук) — всегда (жест)».

— Здорово. Принципиально ново. А еще?

— Не ново. Все языки так начинались.

— Расскажи еще.

— »Бубен« — «гумм-денн».

Просто повторение звука.

— А жестами?

— Шаман показал жест, означающий, что ему некогда сейчас заниматься уроками языка.

— Трудно общаться с людьми, говорящими на таком языке.

— (Шаман смеется над моей подначкой) Зато заклинания гораздо сильнее.

17.09.05

16:30. Стоим на самой высокой вершине этого побережья. Здесь, как говорит Шаман, самый высокий (буквально, по физическому месту жительства) из местных, Горный Дух. Положили подарок, отдыхаем. Вид — как с самолета. Жесткий ледяной ветер, очень высоко, страшно смотреть на обрыв к океану, ощущение космоса. На восток — далеко внизу берег с белой кромкой льда, на запад — бесконечные хребты и ребра еще заснеженных гор. Черные пятна кустарника и каменных осыпей проглядывают из под снега на ближних склонах, но все дальние кажутся ярко-белыми и

окутанными синеватой дымкой.

На эту вершину никто, кроме нас с Шаманом, не залазил. Летом не продерешься из-за зарослей кедрового стланика, зимой — обломаешь лыжи о камни и стланик под снегом. Мы прошли на привезенных мною с Аляски дорогих снегоступах. Правда, Made in China, но не массовые дорогие вещи китайцы делают хорошо. Похоже на нашу конверсионную продукцию. Железный обод из прочного легкого белого металла, зубья из хорошего дюраля, металлические же шурупы и заклепки, надежная упряжь, и все это — не более трех килограммов. Даже Шаман одобрительно цокал,

рассматривая. В 1999 мы пытались сюда продраться на других снегоступах из «специального горного» пластика, который сломался на полпути. Под рыхлым снегом нога может встать на камень, ветвь или в яму любым углом. Слону ясно, что обод нужен металлический.

Вспомнились «сумеречные», которые как раз сейчас километрах в пятидесяти-шестидесяти от нас на западе движутся домой на деревянных снегоступах с ременной упряжью. Очень четко представил, как суровый мужчина неумоимо пробивает след, а женщины ступают в него, глядя на мерно покачивающуюся спину защитника и

повелителя.

— Как они идут сейчас на деревянных снегоступах? Ведь ломаются, наверное, каждый день.

— Сейчас как раз отдыхают.

— Откуда ты знаешь?

— Им идти несколько сотен километров. Много дней. Поэтому берегут силы.

— А потом в темноте меньше сил расходуется?

— В это время года важнее не свет, а снег. Вечером, ночью, утром примораживает, снег прихватывает, можно идти, почти не проваливаясь. А, примерно с двенадцати до восьми вечера снег рыхлый из-за солнца. Сил тратишь много, а проходишь

мало.

— Что-то я не заметил.

— Мы с обеда идем по хребтам. Здесь наст. К мягкому снегу спустимся к шести. До восьми очень-очень заметишь.

— Почему их до сих пор не «открыли».

— Они не хотят.

— Ну, мало ли, что они хотят. Других же открыли.

— Их речь более сильна, чем наша. Будет так, как они хотят.

— При чем здесь речь?

— Речь создает мир.

— И чем же она сильна?

— Я уже говорил — первозданна. И гораздо меньше

различие между словом и делом.

02.09.99

Именно в солнечные осенние дни тени в прибрежных скалах настолько густы, что кажутся пещерами, провалами. В июле, например, солнце и теплее, и ярче, но тени так и остаются тенями. А сегодня приходится вспоминать знакомые очертания скал, чтобы «не видеть» пещер там, где всего лишь тени.

— Почему осенью тени другие?

— Переходный период.

— Куда?

— Скалы, деревья, волны и многие другие вспоминают про

зимние сны и «прикидывают» их в тенях.

— Это просто тени?

— Для большинства — тени.

Для тебя могут быть проходы.

— То есть я могу сейчас куда-то пройти?

— Не сейчас, во сне.

— Как найти места проходов?

— Технология развивается и сама не знает — куда, сегодня есть простая, доступная многим техника.

— Танк? (Смеемся)

— Нужно найти на хорошей фотографии то, что в реальности или не видел, или не так смотрится.

— Это места переходов?

— И понимания, и общения.

— Так их очень много.

— Всегда много, не всегда была

техника.

— Ты ходишь в Шаманский лес
во сне?

— Иногда так.

Ритмика, долголетие

04.01.98

Когда зимой в лесу разводишь костер, снег тает, костер опускается вниз, и вода от таяния начинает заливать его. Чем больше топишь, тем больше заливает. Быстрее сразу выкопать яму для костра и людей. Приходится носить лопату и тратить время. Если мороз уже «прижал и давит», например, по пальцам, как тисками, поневоле начинаешь копать яму и готовить костер лихорадочно быстро, немножко на грани паники. Иногда даже невнятные скулящие звуки при этом вылетают. Зато когда

согреешься, наконец, становишься спокоен, как продвинутый даосец, как бы новыми глазами смотришь на окружающее.

Подкладывая ветки в костер, я обратил внимание на одно из действий готовившего «стол» Шамана. Он вынул из пакета вареное куриное яйцо, превратившееся на сорокаградусном морозе в ледышку, и, почти не глядя, одним ударом ножа расколол его на две равные части. «Усевшись, я попытался расколоть пару яиц своим более тяжелым ножом, потом еще тройку ножом Шамана. Ни одно яйцо мне не удалось расколоть ровно и без крошки. Это навело на мысли о

какой-то особой сноровке Шамана.

— Ты часто раскалывал так яйца?

— Не припомню. Да и не часто их приносишь.

— А как научился так ровно раскалывать?

— Не учился. Придет же такое в голову.

— Но как ты их колешь?

— Смотри. (Шаман небрежно ударил моим ножом уже не поперек, а вдоль по последнему целому яйцу, которое раскололось на две равные половинки)

— В чем секрет?

— У нас разные действия.

— В чем разница?

— Когда действую я, я действую целиком. А ты — частями.

— Какими частями?

— Например, одна часть тебя не уверена, что ты справишься с яйцом, другая думает, что и колотые яйца на морозе не пропадут, третья — вообще в Магадане с проблемами твоих собственных яиц.

— Но мои действия могут быть более комплексными, чем твои ситуативные.

— Твои действия могут быть только более размазанными. Например, вместо точного удара по яйцу ты истерично ударяешь по пальцам. Такая размазня делает человека немощным и старым.

— Что мне делать, чтобы научиться действовать, как ты?

— Не имеет значения. Можешь, например, колоть яйца. Главное: когда колешь яйца — коли яйца, а не лови ворон.

— Совсем любые действия?

— Совсем любые, но оптимальные.

— Но как?

— Начни это. Правильные действия сами выстроят тебя.

— Как это выстроят?

— И физически, и психически.

— Оптимальность — это точность, безупречность, тщательность или что-то другое?

— Ни одна из характеристик не

является единственной.

— То есть не обязательно тщательно, точно?

— Если будешь стремиться сделать что-то максимально тщательно, ты никогда не закончишь дела.

— Знаю: «ремонт нельзя закончить, его можно только остановить».

— В поговорках достаточно мудрости.

— Например, при ремонте что будет оптимальностью?

— Максимально много и хорошо на основе твоих ресурсов.

— В совокупности — времени, энергии, денег, умений, старания?

— Да.

04.01.98

К практике я приступил сразу же. За едой и при сборе рюкзака действовал размеренно и точно, но не медленно. Понравилось. Появилось ощущение твердости и надежности. Так же попытался протаптывать след. Получалось хуже, потому что невозможно предвидеть ямку под снегом или ветви стланика; никогда не знаешь — удержишься на снежном насте или неожиданно провалишься по пояс. Это сбивает дыхание, делает ритмичную ходьбу невозможной. В тяжелой зимней одежде, с рюкзаком и ружьем человек становится крайне

неуклюжим, барахтаясь в сугробах и выбираясь без опоры. Выберешься и на следующем же шаге опять провалишься по грудь, да еще зацепишься под снегом за ветки или корни. Или ударишься о камень.

Сменившись, чуть отдохнул, топая по следам Шамана, и стал наблюдать за ним. Шаман тоже проваливался и оступался. Реже меня, но есть. Однако, провалившись, он продолжал как-то «гладко и ловко» двигаться, выбираясь из сугробов, и, казалось почти не уставал.

— Как сохраняешь дыхание при постоянном сбое ритма?

— Просто иду в ритме зимней

хотьбы по лесу.

— Что за ритм?

— Ты привык к примитивному ритму для твердой видимой поверхности. И пытаешься использовать этот ритм здесь, где он неприменим. Неудивительно, что сразу выдыхаешься.

— Нужен более сложный ритм?

— Чуть более сложный и длинный.

— Как мне «поймать» его?

— Чуть-чуть учиться, однако, надо.

— Хоть общий принцип учения?

— В детстве пел песни из

четверостиший?

— Да. Причем здесь?

— Вспомни, как потом учился слушать более сложную музыку, джаз, например.

— Кажется, понимаю. Как начать настраиваться?

— »Отпусти» тело, пусть оно двигается максимально легко и удобно для этих условий.

— Но сразу отстану от тебя.

— Ничего, немного подожду.

04.01.98

За день мне удалось несколько раз «поймать» ритм ходьбы по зимнему лесу. Скорость возрастала всего процентов на десять-двадцать, но выросла выносливость,

возможность долго двигаться, не выдыхаясь! Это воодушевило и навело на размышления. Сколько людей погибло в тайге, в тундре, во льдах, песках просто потому, что не знали про существование более сложных ритмов ходьбы и не искали их!

— А в других делах тоже нужно искать оптимальный ритм?

— »Сумевший задать вопрос, знает большую часть ответа«.

— И в отношениях людей?

— Отвали. Дальше базар пустой.

08.03.98

Иногда Шаман резко отказывается обсуждать, казалось

бы, безобидные темы, как это было, например, с моим вопросом о комнатных растениях. Зато другие темы, которых многие люди избегали бы, Шаман может спокойно и подробно обговаривать.

— Ты не думал жениться?

— Не сможешь понять. Мои дети и внуки выросли, а подруги умерли. Но в жизни есть этапы развития, которые мужчины и женщины не могут пройти в одиночку.

— В целом ряде учений говорится о преимуществах жизни без партнеров.

— Почему, по-твоему, на Земле создано примерно одинаковое

количество мужчин и женщин?

— Не знаю. Почему?

— В старых легендах говорится, что мужчина и женщина — только половинки полноценного человека.

— Считаешь, что это правда?

— Правда, что мужчины и женщины во многих парах не являются отдельными людьми, а частями парной системы.

— Как это?

— Как младенец не является самостоятельным существом, а живет лишь в системе с мамой.

— Как складывается такая система «мужчина-женщина»?

— Годами, из тысяч привычек.

Например, если она забывает закрывать двери — он приучается проверять, он не может торговаться на рынке — она обучается этому...

— Обязательно нужно побыть в системе?

— Кто не был частью системы, не сможет быть цельным и один.

— Почему?

— Просто он не знает, как развивать себя до целого.

— Но ты сам живешь один?

— В городах живу как горожанин, в землянках — как отшельник. Ты поймешь после шестидесяти, если будешь здоров и силен.

— А я буду здоров и силен?

— Это — вряд ли.

— Что мне делать, чтобы быть здоровым?

— Первое — не делай излишнего.

09.03.98

Всегда знал, что Шаману очень много лет, но не заговаривал об этом, считая почему-то, что он не будет обсуждать вопрос о долголетию. После вчерашнего разговора я вдруг понял, что Шаман не видит в этом никакой тайны, которую нужно скрывать, и единственным препятствием к знанию может стать лишь наша деятельность относительно.

— Все-таки, что второе?

— Нужно, чтобы была энергия жизни.

— Где ее взять?

— Взаимная, сильная любовь.

— Елена Гарро?

— Что это?

— Мексиканская

писательница. Она писала, что время и любовь — одно и то же. Еще потом об этом писал Лазарев.

— Писатели —

(*непередаваемый синонимами
трехкоренной рифмованный курсив*).

Может, в этом и есть смысл. Но я говорю о мужестве жить.

— То есть люди, которые не любили взаимно, не смогут жить долго?

— Если они не пережили взаимной любви, у них не будет мужества нагонять волну своей жизни.

— Достаточно такого мужества?

— Его достаточно, чтобы учиться.

— Всем надо рекомендовать любовь?

— Любовь нельзя рекомендовать. Многие инстинктивно избегают любви, потому что она их покалечит или убьет.

— То есть мужество есть еще до любви?

— Ты же учился больше

двадцати лет, прожил полжизни в Москве. Ты забрался холодной зимой в это место, чтобы спрашивать меня о любви? (Смеется)

— А зачем еще стоило сюда забираться? (Смеемся оба)

— Это — как в твоей науке о способностях. Задатки мужества и игры есть, но развиваться они могут только в любви.

— Кто учит нагонять волну своей жизни?

— Человек учится сам.

— С чего начинать?

— Добейся чего-нибудь в жизни и откажись от этого.

— Начинать с асоциальности?

— Асоциальны те, кто не

любил и не может ничего добиться. Беглецы от общества. Какое мужество у беглеца?

— Нужно сделать карьеру, добиться признания?

— Не обязательно. Но чтобы твердо знать, что ты — не беглец от общества, желательно.

— Но потом практически невозможно отказаться.

— Еще невозможнее, чем ты думаешь. Нужно отказаться еще и от себя, добившегося успеха.

— Как же жить, отказавшись от себя?

— Не от себя, а от надувшегося от успехов. Только тогда ты и будешь сам, истинный.

— Другого пути нет?

— Если ты не откажешься, то будешь очень социальным. И не позволишь себе нарушать социальное правило о сроках жизни.

09.03.98

После обеда Шаман разгонял пургу (Этой зимой (с начала октября) мело уже 91 день), чтобы я мог выбраться к дороге и вернуться в город к началу занятий в университете. Он долго ходил с бубном вокруг землянки, ритмично завывая в тональности пурги. Иногда я не мог отличить звуки пурги от его голоса, иногда голос Шамана звучал ниже или выше, но тональность все время была близка к тональности

звуков пурги. Шаман натоптал след
вокруг землянки с одним
радиальным лучом на восток. Когда,
наконец, Шаман закончил установку
завтрашней погоды, я продолжил
свои расспросы.

— Этого достаточно для
долголетия?

— Нет.

— Много еще условий?

— Нужно жить по сердцу.

— А еще?

— Нужно творить свою жизнь.

— Не понимаю.

— Начни с того, что в твоей
жизни должно быть творчество.

— Стихи, картины, танцы,
наука?

— Можно начать с чего-нибудь из этого.

09.03.98

Разговаривая о долголетию, я стал спрашивать об употреблении мумие, меда и других веществ. Шаман сказал, что мумие он иногда встречает, но здесь его крайне мало. Мед за короткое колымское лето пчелы собирают столь мало, что сбор его быстро бы изжил сам себя — пчелы умрут от голода.

Сам разговор про мумие и мед не очень интересен, но его развитие оказалось принципиально важным.

— Все же, наверное, не все есть в твоём рационе.

— Организм может

вырабатывать почти все вещества.
Нужно лишь заставить его.

— Как?

— Три вида активности:
эмоциональная, физическая и
волевая.

— Не заметил у тебя поводов
для эмоциональной активности.

— Ты не чувствуешь так, как я.
И я не живу здесь постоянно. Нужны
новые впечатления, чтобы заставить
организм правильно работать.

— Если будет достаточно видов
активности, человек будет здоров?

— Он почти не будет стареть.

— Почему?

— После пятидесяти ты
поймешь, что молодой человек

всегда в форме, а старый как бы собирает себя для жизни каждое утро. Правильная совокупность видов активности позволяет дольше держать форму.

— После пятидесяти — нормальный средний срок?

— Средний у современного человека — после сорока. Но ты научился ходить зимой по тундре. Эта практика или отнимает у городского все, или добавляет десять лет формы.

— Откуда ты знаешь?

— Я старел и старел, и если бы я не стал осваивать особые практики, меня давно бы не было.

— Как ты узнавал, что

стареешь?

— Я жил в городе и отмечал все, что наступает в последний раз.

— Как это?

— Например, последняя игра в футбол — годы больше не позволяют играть. Последняя охота — возраст больше не позволяет охотиться. Последняя рюмка — здоровье не позволяет, последняя женщина — чтобы больше не пыжиться. Так современный человек дожидается последнего дня.

— Как ты переломил это?

— Мне повезло. Жизнь поставила в такие условия, в которых действительно нечего было терять. Я не выбирал это, и никто такого не

выберет. А раз терять было нечего, я начал новые практики. Большинство людей умирают от этого, но единицы на десятки тысяч выживают. Думаю, что подобных мне немало.

— Обязательно нужно все потерять?

— Не спеши, все само придет с годами.

— С чего ты начал новые практики?

— Я начал творчески относиться к своей жизни.

— Почему же большинство людей умирает от этого?

— Все действительно новые практики начинаются с кризиса.

— Это обязательно?

— Например, ребенок отлично ползает: быстро, точно, безопасно. Но вот встает на ноги и делает первые шаги: медленно, неточно, да еще падет и расшибается.

— Понятно. То, что ты говорил про творчество, дает правильную эмоциональную активность.

— Да. Но я говорил не только про творчество. Творчество помогает понять идею самого себя.

03.01.2000

Анализируя записи, обратил внимание на аспект гармонизации человека с внешним миром. Шаман не раз указывал на это, когда рассказывал о смысле камланиях бубном, распорядках, неизвестных

животных и характере действий человека. Угадывая за такими рассказами наличие концепции, я подготовил и запомнил список вопросов.

— У человека какой-то ограниченный ритм?

— Скорее набор или участок спектра ритмов, как участок цветового спектра.

— Чем это обусловлено?

— Телом.

— А ум, чувства?

— Представь себе механический манипулятор, который может двигаться с частотой пять раз в секунду. Он и должен получать не больше пяти команд в секунду. Если

он получит десять противоположных команд, будет просто дрожать.

— У других животных другой ритм?

— Если другое тело.

— Возможно как-то ускорить обычный человеческий ритм?

— Без специальной практики ты просто разрушишь себя.

— А замедлить?

— Можно, но в безопасном месте. Иначе, ты, например, попадешь под автомобиль или под движение ледника.

— Медитирующие йоги замедляют ритм?

— Я знал немного йогов. Похоже на то. Но не осознают, у них

другое понимание.

— А время?

— Правильно чувствуешь. Твое время тоже замедлится.

— А остановить его можно?

— Принципиально, да. Но так ты можешь просидеть века Буддой, сфинксом, или еще каким-нибудь чудом. И попадешь под ледник или потоп.

— Научи меня замедляться.

— Пятый десяток, а все учителя ищешь. Одна маленькая практика тебе доступна сегодня.

02.01.2000

До сих пор Шаман ничего мне не показывал. Я и не рассчитывал на это после завтрашнего разговора. Но

я должен был спросить.

— Ты рассказывал про «ускорение» А сам можешь?

— Практиковал.

— Покажешь?

— Смотри. (Шаман исчез и в тот же момент похлопал меня по плечу сзади)

— Я не ожидал. Ничего не заметил.

— Так и должно быть. (Шаман захохотал) Ты и не можешь заметить ничего вне своего спектра ритмов. Иногда лишь смутное мелькание в воздухе.

— Ты мог стать чемпионом по боксу или каратэ!

— Хочешь стать чемпионом

детсада?

— Мне трудно сравнить. Научи меня.

— Нет. Твое тело недостаточно прочно.

— Научи готовить тело.

— Завтра покажу одну маленькую практику.

03.01.2000

Показанное Шаманом упражнение было набором скорее медленных и монотонных движений, чем быстрых и резких. Через полтора часа я устал и физически, и психологически — монотония доконала.

— Сколько мне делать такие

упражнения?

— Для укрепления тела хорошо бы, если бы ты мог продолжать их два-три дня без перерыва.

— И не спать?

— Без перерыва.

— Но человек не может столько работать и не спать.

— Не работать, жить в этих упражнениях. Если это удастся, спать тебе не понадобится. Только болевые ощущения в связках или мышцах смогут остановить тебя. Но в следующий раз ты сможешь дольше.

— Как это дает силу или скорость?

— Тебе рано. Осваивай ритмичные упражнения.

— Что это даст?

— Древний чукча убивал дикого оленя без стрел, ножом. Он просто долго бежал за ним, пока олень не падал. Человек не быстрее и не выносливее оленя. Он может быть более ритмичным.

— Как долго нужно было бежать?

— Это не имело значения. Имело значение состояние, похожее на транс, которое ты можешь понять с помощью упражнения.

— А без транса?

— Подвернешь или сломаешь ногу.

— Все так могли?

— Любой молодой охотник со

здоровыми ногами.

— Был какой-то ритуал, практика?

— Как у всех народов мира. Охотник просил прощения, понимая, что и его когда-то догонит судьба, и наносил смертельный удар.

— Еще вопрос. Как ты все же ускоряешься?

— Не ускоряюсь. Замедляю мир для себя. Ты пока можешь это только во сне.

09.05.98

В 1998 я искал поводы для обсуждения темы долголетия. Чаще всего разговоры по моим «поводам» кончались практически мгновенно, и я долго не мог задать следующий

вопрос.

— Ты не видел сериал «Горец»?

— Нет. Почему ты спросил?

— Там главный герой бессмертен. Он живет с девушками и совершает подвиги.

— Это — подростковые мечты. Если бы кто-нибудь жил действительно долго, он бы не вмешивался в эту суету.

09.05.98

Чуть-чуть удачнее были прямые вопросы, но к этому времени (или сразу?) Шаман понял мой интерес и, по своей вредной привычке развлекаться по любому поводу, подшучивал над ним.

— Сколько ты собираешься жить?

— Я готов умереть сегодня.

— Но если ты не умрешь, сколько ты хочешь жить?

— Это зависит не только от меня. (Смеется)

— Но настолько, насколько это зависит от тебя?

— Как и любой йог.

— Это мне непонятно.

— Столько, сколько намерен оставаться в этом теле. (Смеется)

— Я не знаю йоги. Сколько ты хотел бы оставаться?

— Годы катятся, катятся, и они так похожи друг на друга, что я не знаю, сколько мне лет.

— Но ты можешь посчитать.

— Умом я знаю, сколько, но чувствую их как пять-семь.

19.07.98

Упоминание Шамана о его занятиях йогой позволило мне задать ряд вопросов, но разговор получился каким-то раздражающим, двусмысленным и пустым. Я хотел убрать его из этой публикации как ничего не значащий, но понял, что он значим, хотя эта значимость почему-то неприятна.

— Ты говорил, что ты — йог.

— Я — йог по-своему.

— Как это?

— Как в русских сказках Баба-

йога и Кощей Бессмертный.

(Смеется)

— Мои студенты дали бы еще пару версий названия «Баба-Яга».

— Какие?

— Например, есть версия, что была группа племен «йага», или, что на одном из диалектов старославянского слово «яга» обозначает воина.

— Смотри-ка, век живи, век учись. Моя версия шуточная, и я больше говорю о Кощее.

— Ты думаешь, что были реальные прототипы?

— Конечно. Люди боялись их как всего непонятного.

— Их убили добры молодцы?

— Возможно, какие-нибудь

авантюристы тех времен .

— Почему «Кощей» это допустил?

— Мы не знаем точно, допустил ли.

— А злодеяния, похищения Василис?

— Это — вряд ли. Они могли бы все организовать без ссор.

— Они были влюблены?

— Хочется, чтобы сказка была красивой? Мы не узнаем.

— Ты не похож на Кощея, скорее — на какого-нибудь ветерана из боевика.

— Прототип, возможно, был сухонький. Да и жил не в приполярных горах. Ты видел

худощавого моржа, нерпу, медведя?

— Скоро везде будут жить люди. Куда уйдут Кощеи?

— Наверное, уже мимикрировали и живут в городах. С другой стороны, здесь места будет полно.

— Со временем эти края освоят.

— Не раньше, чем изменится климат.

— Почему ты так думаешь?

— Когда ты учился, еще изучали «Капитал» Маркса?

— Изучали, при чем здесь это?

— Ты, наверное, плохо учился. Рубль, вложенный в развитие производства здесь, всегда даст

меньше прибыли, чем рубль, вложенный в более мягком климате. Здесь больше затрат на энергию, здания и содержание работника при равной производительности.

— Но здесь будут развиваться особые производства.

— Только заповедники. Все остальное будет дороже вложенных денег.

— Не знаю, как спросить. Где твоя любимая женщина?

— Она со мной.

19.07.2000

Скачала я думал, что здоровье Шамана во многом обусловлено его жизнью в экологически чистых условиях и натуральными, «без

химии» продуктами. Последующие наблюдения заставили в этом усомниться. Например, когда мы выпивали с браконьерами, Шаман не пропускал ни одной и закусывал со всеми даже весьма сомнительными консервами. В холодные дни он спал вместе со всеми в трюме возле чадающей «дэски» (дизельная электростанция), хотя я спать там не мог и предпочитал мерзнуть наверху.

— Ты засоряешь организм парами солярки.

— Организм сам очистится.

— Не лучше ли жить по-возможности в экологически чистых условиях?

— Лучше в меру.

— Экологическая чистота в меру?

— Человек не может вечно отгораживаться от мира. Мир все равно прорвется.

— Если будет развиваться экологическое сознание...

— Чепуха. Чтобы быть жизнеспособным, нужно приспособливаться к любой среде.

— И пусть все засоряется?

— Нужно одновременно и пытаться сохранять среду, и изменяться вместе с ней. Любое одиночное направление проигрышно.

01.01.99

Молчание Шамана и его многочасовое неподвижное сидение

является особой практикой. Однажды во время такого сидения я провел ладонью перед открытыми глазами Шамана и убедился, что зрачки не дрогнули. Закончив сидение, Шаман сказал, чтобы я больше так не делал.

— Ты видел ладонь?

— Все твои действия.

— Почему не сказал сразу?

— Был занят важным делом.

— Всегда контролируешь ситуацию?

— Нет.

— Опасно?

— Полный контроль все равно невозможен. Любой Леший имеет темп больше твоего.

02.01.99

Шаман очень расчетлив, поэтому практика, заставляющая его доверяться случаю, должна быть очень важна.

— Что ты делаешь в это время?

— Соответствую идее самого себя.

— Что за «идея себя»?

— Есть идея каждого человека: Иванова, Петрова, тебя, меня. И есть реальные воплощения: Иванов, Петров...

— И что?

— Чем больше реальные Иванов-Петров отличаются от своей идеи, тем больше они разрушаются.

— При чем здесь идеи?

— Идеи неразрушимы, они вне времени и пространства.

— Как это?

— Например, идея Платона о мире идей. Платона давно нет, а идея есть. Где Она? Когда? В тебе, мне, в московском профессоре философии, в Платоне? Вне времени и вне пространства.

— Идеи Иванова-Петрова тоже вне времени и пространства?

— Конечно. Поэтому они неразрушимы.

— Человек может быть неразрушим, соответствуя своей идее?

— Этого не знаю. Но, конечно, такой человек намного дольше

сохранит форму, чем обычный.

10.10.2000

Шаман уже несколько суток молча сидел за моим компьютером, отрываясь ненадолго поесть и поспать. Мы почти не говорили. Понимая Шамана, который встретился с компьютером впервые, я оформлял свои записи на кафедре. Зашнуровывая туфли, удивился, услышав, что он что-то говорит.

— Встань.

— Ты мне или компьютеру?

— Тебе. (Шаман сидел не оборачиваясь, пальцы его неторопливо стучали по клавиатуре, продолжая развивать «Цивилизацию-3»)

— В каком смысле?

— Ты просил рассказывать тебе практики долголетия. Вот одна из них: обувайся стоя.

— Но мне удобнее сидя.

— Сейчас ты изредка садишься на табуретку, чтобы зашнуровать ботинки, через год у тебя будет специальная табуретка для этого, через два — еще и скамеечка рядом с табуреткой, чтобы меньше наклоняться. К семидесяти ты вообще не сможешь обуваться самостоятельно.

— Согласен. (Я встал и обувался нагнувшись) Но это не такая уж и практика долголетия.

— Именно тысяча таких

мелочей и является практикой долголетия.

— Что-нибудь еще ты заметил в моей городской жизни?

— Да, ты ходишь медленно. Ходи быстрее среднего.

— А еще?

— Правильно чистишь зубы — прибавил десять лет, делаешь зарядку — еще десять, умерен в питании — еще, правильно мыслишь — еще. Ты уже понял про эти практики.

— Множество таких практик могут возвращать молодость?

— Нет. Но могут существенно продлить жизнь.

— А омоложение?

— Это другие практики. Далее

изредка противоречащие первым.

— Какие?

— Практики организации
особых форм активности.

10.10.2000

— Почему ты мне не сказал об
этих практиках год назад, когда я
просил?

— Как мог сказать, не видя, как
ты живешь в городе.

— Ну, про шнурки или что-
нибудь такое можно было.

— Это было бы не знанием, а
информацией, которую сразу
забываешь. Знание — то, что
сопровождается чувством узнавания,
понимания, и что ты можешь
применить. Тут у вас, кстати, больше

ценят информацию, чем знание. Это ошибка.

Шаман немного рассказал о принципах организации таких практик, но нужно ли это? Правильно ли вообще об этом писать? Правильно ли практиковать?

11.10.2000

Шаман иногда ест варенье или кондитерские изделия, но не ест сахар. В городе тоже стараюсь не есть, но после долгого перехода на морозе чай с сахаром кажется мне гораздо вкуснее.

— Почему не ешь сахар?

— Организм должен побороться за энергию, в том числе и

желудок. Сахар приучает к слишком легкому получению энергии.

— Так тебе нравится чай с сахаром?

— Нравился, но не нравилась мысль, что расслабляю организм. А потом стал чувствовать вкус чая или отвара, который забивается сахаром.

— Когда ты перестал есть сахар, почувствовал какие-то изменения?

— Когда отвык от сахара, смог его использовать как полезное вещество.

— Как это?

— Для быстрого получения дополнительной энергии.

— И другие это могут.

— Нет. Они настолько расслаблены, что для них сахар — обычный источник энергии. Не дополнительный.

— Можно превратить в полезное для себя вещество и другие виды пищи?

— Можно. Ты уже понял про эту практику.

02.01-03.01.2000

В темноте перед сном услышал вдруг явственно звук пилы по дереву. Прислушался — звук исчез. Кто мог здесь пилить кроме нас? Показалось.

Ночью проснулся от очевидно громкого и продолжительного звука пилы. Ситуация абсурдная: кто-то ночью в темноте приволок к

землянке дрова, не заходит при тридцатиградусном морозе и сильном ветре, но интенсивно и долго пилит. Проснувшийся от громких звуков Шаман присел у печки и стал подкладывать дрова. Он явно слышал звуки, но не обращал внимания.

— У тебя есть знакомый с такими привычками?

— Какими?

— Приходить зимой ночью и пилить дрова.

— А-а. (Шаман усмехнулся)
Это пилит наш общий знакомый.

— Но кто?

— Лед.

— Как это?

— Идет прилив. Вода поднимает сейчас у берега миллионы тонн льда. Воздух выходит толчками из полостей, приподнимая и опуская огромные льдины.

— Но ритмичность? Как движение руки с ножовкой.

— Скорее, как пульс человека. Что тут удивительного? Не море живет в нашем ритме, а мы — в ритме моря.

Туннели в пространстве- времени

05.01.06

Где-то в подземном
треугольнике «Театральная» —
«Охотный ряд» — «Площадь
революции» я постоянно плутаю,
уезжаю не туда, возвращаюсь. Хотя,
может быть, это начинается раньше
— с «Курской», «Новокузнецкой»
или «Кузнецкого моста». Бывало и в
студенческие годы, когда
«Театральная» еще была «Площадью
Свердлова», а «Охотный ряд» —

«Проспектом Маркса». Похоже, временные названия непринципиальны.

Обычно путаю переход и, не замечая этого, еду не в нужном мне направлении. Замечаю уже после кольцевой станции. Если выбираюсь на нужный радиус по кольцу, блуждания кончаются. Если через центр — могу и еще раз ошибиться.

В молодости легко списывал это на усталость, суету, задумчивость. Недавно в разговоре с коллегой выяснилось, что такое происходит не только со мной. Она объяснила свои блуждания тем, что заговорила с подругой. Но была в ее рассказе одна важная для меня деталь: поехав в

ненужном направлении, они с подругой встретили много «странных» людей. Я тоже всегда, когда ошибался, встречал много странных людей!

Помню, например, гротескного седого гражданина с очень надменным и презрительным выражением лица. «Встретимся в Большом театре!» — выкрикнул он, выходя из вагона. Кому?

Необыкновенно живой, как черная ртуть, африканский студент. Он несколько раз естественно метнулся из конца в конец вагона и настолько подавил всех своей энергетикой, что люди почувствовали себя разбитыми и

старыми. Всех, да не всех. Сидящий в центре вагона бородатый мужик, произвольно прокомментировал, легко перекрыв шум поезда, густым классическим басом: «В черном теле — здоровый дух». Есть такое выражение «гомерический хохот». Хохот пассажиров стоял в вагоне до станции, на которой африканец выскочил и исчез в толпе.

Вот странная группа молодых людей. От них настолько веяло агрессией, что все почувствовали себя неуютно. И одеты они были вроде правильно, но очень необычно. При этом невозможно ничего сказать об этой необычности. Черные куртки, брюки, туфли... Вдруг все они

установились на меня и мою рыжую магаданскую знакомую. «Сейчас будет драка» — предупредила она шепотом. Но я этого не чувствовал. Наоборот, чувствовал, что ни им до нас, ни нам до них не может быть никакого дела. И действительно, через пару остановок, молодые люди вышли, оглядываясь на нас, и навсегда исчезли из нашего мира.

Описаний странных встреч можно было бы здесь поместить довольно много. И все они происходили именно при ошибке направлением. В мае 2005 ошиблись вместе с сыном и вдруг оказались в совершенно старом вагоне, переполненном уставшими рабочими

в кепках, спецовках, сапогах и простых ботинках, ехавших домой после тяжелой заводской смены. «Как в тридцатых годах оказались» — резюмировал впечатление сын, хотя ни он, ни я в тридцатых не жили. Мы вышли из вагона, пересекли зал станции и поехали назад в современном вагоне с современными людьми.

Когда ошибки и странные встречи сложились, наконец, в целостную картину, вспомнились рассказы Шамана о туннелях и переходах между ними.

— При блужданиях я попадал в чужие туннели?

— Да.

— Это подтверждается только встречами со «странными людьми».

— Ты для них мог выглядеть не менее странно. Есть и другие подтверждения.

— Какие?

— Ты никогда не встретишь в чужом туннеле своих знакомых. Они передвигаются только по вашим туннелям.

— Но я же там был с сыном, со знакомой.

— Попали вместе.

— Если бы поехали с сыном дальше в вагоне с рабочими, что бы было?

— В чужие туннели обычный человек может попасть лишь

неосознанно.

— Почему?

— Осознанно он совершает привычные для себя дела, шаги и двигается только по своему туннелю.

— Но если я в следующий раз ошибусь, сяду в поезд, а потом осознаю и поеду дальше специально?

— Ты можешь необратимо далеко заехать по чужому туннелю, лишь довольно долго двигаясь неосознанно. И там человек, скорее всего, быстро погибнет от неспособленности.

— Все же что будет, если я осознанно продолжу движение?

— Если осознание вернется быстро, «тот же поезд» вывезет тебя

в твой туннель на ближайшей станции.

08.11.98

Решил для опыта освоить какую-нибудь новую для себя практику. Составил мантру для саморегуляции и произнес ее триста раз, стараясь чувствовать и представлять. Совершенно успокоился и вдруг заметил, насколько встревожен шныряющий вокруг белый горностаичик.

— Новая практика позволяет сразу замечать что-то новое, чего раньше не замечал?

— То, что случилось сейчас — редкая удача. Обычно практика

должна долго осваиваться и реализовываться для изменения мира.

— Почему мир изменяется?

— Сознание человека выделяет из множества свойств мира лишь те, которые полезны для его деятельности. Из этих свойств и строится образ мира. Соответственно, твой образ и образ другого одинаковы лишь в той части, где вы одинаково практикуете.

— Как это?

— Сравни оленя для эвелна и оленя для горожанина.

— Понял. Разнообразя практики, я буду увеличивать только свой образ или свой мир?

— Мир, осваиваемый через образ.

— То есть человек может начать жить в мире, отличном от мира других?

— Может заходить туда, когда захочет, и возвращаться. Так делают некоторые шаманы.

20.07.99

Появившееся ночью чувство тревоги не покидало меня все утро. Я не мог найти причину. Ни физические, ни астральные животные не могли мне угрожать при Шамане. Людей не было, по крайней мере, в радиусе ста километров. Некоторое время я смотрел на спокойного, как вода в утреннем

колодце, Шамана и неожиданно для самого себя спросил:

— Снежные люди есть?

— Да.

— Ты видел их?

— Да.

— Как они выглядят?

— Для человека очень
устрашающе.

— Они опасны?

— Нет. Мы им безразличны.

— Все же, как они выглядят?

— Представь себе человеко-медведя выше высокого дерева с горящими глазами и очень хищной мордой.

— Десять метров высотой?

Почему же их никто не может

поймать?

— У них на одно чувство больше, чем у нас. Человеческая охота на них была бы похожа на охоту слепых на зрячего.

— Значит, если несколькими дивизиями оцепить большой кусок тайги и плотно прочесать, их обязательно поймают?

— Не ищи приключений ...

— Но все же принципиально можно их стопроцентно поймать?

— Бесполезно. Они уйдут в свои туннели. Вся дивизия пройдет мимо.

— Что за туннели?

— Человек со своей геометрией и энергетикой может

передвигаться только по определенным туннелям на Земле, хотя ему кажется, что он передвигается свободно.

— Знаешь, я читал «Книгу песчинок». Там сказано о туннелях, сокращающих географические расстояния.

— Неудивительно. Все хорошие фантасты — экстрасенсы. А в твоей книге сказано, что эти туннели населены?

— Нет.

— Видишь. Да люди и не могут попасть в туннели других существ просто так.

— То есть снежные люди нам не встретятся?

— Те, кого называют
снежными людьми, могут
передвигаться по нашим туннелям
тоже, хотя это бывает редко.

— Снежные люди видят
туннели?

— Это — обыденность для
них.

— А другие существа?

— Птицы могут пролететь по
туннелю.

— Куда?

— Помнишь Землю
Санникова? Птицы весной летят на
север от побережья Ледовитого
океана, и никто не знает «куда».

— Да, сам видел. Это страшно
бесит орнитологов.

— Они летят на «Земли Санникова» через особый туннель.

— Как же ты повстречался со Снежным человеком?

— Я сам — Снежный человек.

— А обычные, не снежные люди, могут как-то узнать о снежных?

— (Пауза. Шаман заметил, что я иронизирую, но сразу же заметил, что я очень встревожен) Обычный человек не может осознать, что они находятся рядом в своих туннелях. В это время он испытывает особое чувство тревоги. Можно научиться выделять это чувство.

— Не понимаю.

— Когда ты проходишь мимо

муравейника, муравьи не осознают твое присутствие, хотя ты ударом ноги можешь разрушить их жизнь. Они испытывают особое чувство тревоги.

— То есть необъяснимая тревога обусловлена тем, что снежные люди находятся рядом?

— Не только тревога и не только они.

— Они сейчас рядом?

— Да. Скорее — она.

— Я спросил тебя, потому что почувствовал?

— Ты просто чувствуешь тревогу. А спросил, потому что почувствовал мое знание об этом.

— Почему они не захватят

планету?

— Тебе хотелось когда-нибудь захватить мир моржей или мир чаек?

20.07.99

Поняв причину своей тревоги, я успокоился и стал пытаться ощутить присутствие. Шаман подсказал мне, чтобы я прошел пять шагов влево и вперед. Когда я, вытянув руки, сделал пятый шаг, Шаман покатился со смеху. Мне стало грустно, я опустил руки и пошел дальше, чтобы не сказать грубость. Почти сразу же возникло ощущение, будто я наткнулся на какое-то уплотнение воздуха. В тот же момент по лицу и груди будто скользнула невидимая мягкая щетка, и уплотнение исчезло.

Резко прекратился смех Шамана. Я оглянулся и увидел, что он машет мне рукой.

— Что это было?

— Я не хотел, чтобы ты дошел до нее. Но ничего страшного. Она ушла без раздражения.

— Это могло быть опасно?

— Это — вряд ли. Ты же не раздражаешься, когда в ногу тебе ткнется полуслепой щенок. Скорее, ты погладишь его.

— Куда она ушла?

— Просто с твоего пути. В то место, куда человек попасть не может.

— Вообще не может, или существуют практики?

— Да, всякие пентаграммы-гексаграммы. Но учти, что они, как правило, приводят на используемые дороги и тропы, аналогичные нашим. Вероятность встречи слишком велика.

— У меня такое ощущение, что нечто подобное бывало и раньше.

— Ничего удивительного. Каждый человек может задеть какое-нибудь существо, или они могут задеть нас.

20.07.99

Смотрю на море, горы на далеком острове, пытаюсь представить себе в прозрачном воздухе идущие во всех направлениях туннели, наполненные различными

существами. Чаше всего представляются люди: современные и древние, разных национальностей и... цивилизаций.

— А люди все ходят по одним и тем же туннелям?

— Нет.

— Но ведь все люди могут встретиться.

— Нет. С людьми из твоих туннелей ты будешь встречаться постоянно, хотя кажется, что вероятность встречи мала. С другими не встретишься никогда.

— Да, я часто встречаю в метро магаданцев, хотя в Москве почти невероятно оказаться случайно в одном вагоне.

— Чаше, чем простая вероятность?

— Намного.

— Скоро наука должна будет взяться за эти туннели.

— Почему я попадаю именно в эти человеческие туннели, а не в другие?

— Японские рыбаки говорили: «Карма».

— А ты?

— Ритм, скорость, узоры, энергия.

Мои долгие попытки чувствовать снежного человека привели к результату. Зимой 2001 года я чувствовал, как они дважды проходили мимо Магадана. Первый

раз это была группа из трех существ (человек), проследовавшая от мыса Чирикова по Марчekanской сопке на материк. Второй раз — одно существо (мужчина) ночью долго смотрело на Магадан с Марчekanской сопки. Его почувствовали часовые расположенной неподалеку воинской части и напряженно смотрели в темноту. Существо перенаправило их агрессию в сторону города. Кроме меня, в Магадане еще два или три человека чувствуют их и мое чувство, но не могут себе этого объяснить.

22.07.2000

Внимательно осмотрев предметы со стоянок древних людей, Шаман иногда сам делает подобные. Сегодня он потратил пару часов на скалывание кремня для наконечников стрел. Кремний скалывается длинными тонкими пластинами с помощью специального костяного отжимника. Потом Шаман принес несколько длинных прямых веток и задумался, глядя на них.

— О чем задумался?

— Да есть кручина.

— Скажи?

— Ах, барин. (Шаман

ухмыльнулся) Сделать наконечник — полдела. Древний охотник мог на

любой стоянке сделать несколько. Главное — хорошо поставить наконечник на древко.

— Так мир для древнего охотника был бесконечной россыпью боеприпасов?

— Да. С этим забот не было. Им было комфортнее, чем многим сегодня кажется.

— Что еще там было комфортнее?

— Мир был еще и неиссякаемым источником пищи. Взрослый мужчина-охотник мог спокойно кормить семью из пяти-шести человек. При этом шкуры, рога, когти, челюсти и кости были его постоянно растущим богатством.

А когда старшие сыновья подрастали хотя бы лет до десяти, семья вступала в период благоденствия.

— Чем так мог помочь ребенок?

— Начинал ловить рыбу и охотиться на мелочь. Отец мог уже иногда думать не о повседневном ужине, а о постройке байдары, улучшении жилища или о стратегии крупной охоты. Таким образом, ребенок высвобождал старшим время и энергию для маневра и развития.

— А ты зачем занимаешься стрелами?

— Занимаясь их практиками, я проникаю в их реальность.

— Условно?

— Чаше условно. Но точная практика может построить туннель между витками их времени и моего.

Я начал диалог практикуемой нами иногда лингвистической игрой. В игре второй, непроговариваемый пласт диалога определяется структурой известного обоим текста (в данном случае «Вот мчится тройка удалая...»).

22.07.99

Следующий блок вопросов я формулировал около часа, наблюдая, как Шаман расщеплял концы веток, устанавливал наконечник и обматывал оленьими жилами.

— Время существует, или люди

его выдумали?

— Так, как представляют сегодня люди, не существует. Существуют узоры, кристаллы, которые на твоём языке можно назвать приблизительно пространственно-временными.

— А прошлое, настоящее, будущее?

— Отдельно их нет. Прошлое существует для будущего.

— Так будущее предопределено?

— Не знаю. Знаю, что есть существа, которые «плетут» кристаллы будущего из прошлого.

— Что это за существа?

— Люди относятся к таким

существам.

— Человек не может контролировать или строить свое будущее?

— Частично может.

— Но как?

— Своими действиями в настоящем.

22.07.2000

Внезапные появления Шамана на поляне возле моего домика стали настолько привычными, что я перестал о них задумываться. Сегодня я увидел у ручья следы медведя и был насторожен. «Вежливый» шум шагов Шамана заставил меня резко подскочить и обернуться. Наверное, именно

поэтому факт появления Шамана
опять привлек мое внимание.

— Почему разные существа
передвигаются в разных туннелях?

— Можно сказать, что мы
своими перемещениями в
пространстве-времени «рисует»
узоры строго определенных форм.
Например, ты принадлежишь к
«узорам Шара», другое существо — к
«узорам Куба». И есть только
несколько определенных точек, где
Куб пересекается с Шаром, то есть,
где вы могли бы встретиться.

— Все люди принадлежат к
«узорам Шара»?

— Нет. Это как пример.
Многие твои знакомые «рисуют»

другие узоры, поэтому ты их можешь встретить лишь в определенных местах и в определенное время.

— Я могу специально отправиться в точки пересечения для встречи с человеком известных или требуемых мне узоров?

— Да. Это уже делается интуитивно.

— Как?

— Например, юноша думает о качествах мечтаемой девушки. Если он сумеет действовать сообразно с интуицией, его «вынесет» в точки пересечения именно с ней.

— Так можно будет искать родственников, преступников?

— Так будет.

03.01.2000

Практика: максимально

отрешиться от суеты, успокоиться, сосредоточиться и смотреть на снег. Больше ничего не делать. Через несколько минут человек будет знать, где проходит занесенная снегом тропинка. Не торопясь идти по тропинке, доверяя своему знанию и телу. К сожалению, человек через некоторое время внушает себе, что так почувствовать тропинку невозможно, сходит с нее и проваливается в глубокий снег. Тогда нужно выйти по своему следу на тропинку и начать практику с того места, где потерял ее. Через два-три дня можно ходить по занесенным

снегом тропинкам почти безошибочно.

Шаман утверждает, что при тренировке так можно идти или бежать не только по тропинке, но и по следу человека или другого существа.

— Почему так?

— Все мы оставляем туннели в пространстве-времени, как след в глубоком снегу.

— Насовсем?

— Почти. Туннели «заносит» метелью времени как наши следы.

— А есть «безветренные» места?

— В таких местах человек чувствует след древних так, будто

они прошли сегодня.

— Такое у меня было возле Чертова Пальца (название скалы на одной из вершин).

— Там как раз безветренное место. Многие древние лазили на Палец, как и ты.

— Летом пойду туда практиковать «чувствование древних».

— Учти, что некоторые из них были весьма продвинуты и практиковали «чувствование будущих».

22.07.2000

Конечно, я не собираюсь проникать в реальность древних

чукчей или эвелнов, но мысль об этом показалась очень интересной. Да и вообще, древние практики могут быть весьма полезны и сегодня, особенно на побережье. Решил начать учиться у Шамана древним практикам. Но, чтобы он не иронизировал над всем замыслом, спросил конкретно.

— Могу я научиться какой-нибудь простой и полезной древней практике?

— Конечно.

— С чего мне начать?

— Сделай к ужину пару ложек.

— Объяснишь?

— Берешь ровную ветку, расщепляешь один конец, вставляешь

туда створку мидии и заматываешь
конец оленьими жилами. Ложка
готова.

— Здорово! Уникально! Почему
же современные туристы и полевики
этого не знают?

— Они мыслят своими
практиками.

Найдя подходящие створки
мидий и гребешков, я, не торопясь,
сделал две удобные ложки и
половник из большой глубокой
створки гребешка. Через сезон
предметы выглядели настолько
належными и старыми, что часть
знакомых считает их найденными на
древних стоянках. Еще я понял, что
для древнего охотника мир был и

неиссякаемой россыпью бытовых
предметов.

Крабители: поэт и краболунг

Ловить крабов — «крабить». Неизвестно, кто придумал этот глагол. Все браконьеры и краболовы его знают. Но в городе никто не употребляет, кроме инспекторов природнадзора. Похоже, термин создан самими краболовами. Не специально, в работе. И не промысловиками с сейнеров, добывающих краба тоннами, а именно береговыми одиночками.

Труд их, на мой взгляд, довольно тяжел. Крабители сами изготавливают и чинят краболовки,

на весельных резиновых лодках проверяют их, извлекают краба, меняют наживку. Наживку (рыбу) еще наловить нужно. Варят краба (дрова, костер, котел), чистят, крабовое мясо закатывают в банки. Потом несут в рюкзаках (от 30 до 60 кг) уже полные банки в город, сдавать перекупщикам. Десять или тридцать километров. В городе рюкзаки грузятся продуктами, банками, крышками, снастями, одеждой, инструментами, свечами, мелочевкой — и пешком назад. Любая одежда быстро превращается в просоленную, пропотевшую и закопченную робу. Крепкая, желательно с толстой рифленой

подошвой обувь — в «гады».

Солнце, море, ветер, сажа и хижины делают лица «черными». К такой небритой, обросшей роже слово «крабитель», фоносемантически близкое к слову «грабитель», прикипает родней родного. Близость семантики обуславливает и то, что ни у кого из одиночек нет лицензий, и они даже слышать о лицензиях не хотят. Самим крабителям их название нравится, и иногда они «пишутся» (рисуются, строят поведение и образ) под него. Так имя влияет на человека, а название на группу.

У любого крабителя всегда с собой необходимый на побережье

довольно большой нож, у некоторых — обрез или еще что-нибудь на случай встречи с медведем. К проходящим людям относятся дружелюбно-настороженно, но одиноким молодым женщинам ходить там не стоит.

Один из «летних» краболовов ставит под скалой навес и железную койку с панцирной сеткой. Она привезена на лодке с заброшенной военной базы. Таких коек уже давно не выпускают. Когда соседи уходят в город, он добирается иногда до ближайшей хижины и топит печку. Чтобы поспать ночь-другую в тепле. Но сам хижину не строит. С холодами этот крабитель уходит в

город, и железная койка ржавеет
рядом с торчащими жердями для
навеса.

Подойдя ближе к его опустевшей
стоянке, читаю на огромном валуне
написанный углем стих:

Вот я пишу рукою молодою,
Чтобы потом, на склоне лет.

От этой жизни, бурной и
веселой,

Какой-нибудь остался след.

Представил себе, как он это
пишет, одурев от одиночества, и
повеяло неприкрытой тоской. Он
действительно считает свою
одинокую жизнь под открытым
небом бурной и веселой? Или бурной
и веселой она бывает при

возвращении в город?

Краболунг — авторитетный крабитель, внешностью и манерами напоминающий кинематографический образ матерого скандинава. Не современного, а средневекового варяжского разбойника. Крабитель все же, а не изнеженный европеец.

Кличка настолько необычна, что я ею заинтересовался. Когда Краболунг только появился, его окрестили Лунатиком из-за привычки смотреть иногда ночами на луну. Но резкие черты лица, манеры, движения, удачливость и лихость настолько не

соответствовали образу лунатика, что уже к концу сезона родилось слово Краболунг. Как обычно, никто не знает, откуда оно взялось. Просто все его так стали называть. Еще говорят, что в начале Краболунг на скандинава не очень походил. Но по всему — кличка ему понравилась, и со временем образ стал соответствовать. Не специально, жизнь так выстроилась. А говорят, что слова не магичны.

Краболунг много читает. При свечах. Он «метет» все доступное читиво: знакомые отдают, библиотеки списывают, на заброшенном судне находит... В его хижине лежат детские книжки пятидесятых годов

издательства «Учпедгиз» (вот уж некоммерческое название); русская классика, списанная из библиотек организаций; современные «фэнтэзи» и детективы; бесплатные книжки религиозных сект; женские романы и раздерганные подшивки толстых литературно-публицистических журналов ... Избранная библиотечка невелика, а остальное после прочтения идет на растопку.

Крабители не любят рассказывать о себе, расспрашивать не принято. На наколки стараются не обращать внимания. Указывающий на свои наколки считается ненадежным. Рассказчики ценятся,

но это рассказы о приключениях, смешных или странных случаях, другой жизни. То есть не о путях известных друг другу людей. И так все знают, что народ тут разношерстный — от не сумевших приспособиться к социуму неудачников, до скрывающихся от суда или следствия жиганов; один ушел от долгов, другой — от опостылевшей жены. Кто-то обиделся на общество; кто-то, в соответствии со своим учением, считает, что на данном этапе развития ему необходимо одиночество. Откуда ты взялся и куда ушел — твое личное дело.

Живут крабители бедновато. От

заработка к заработку. Их труд и оборудование — на уровне девятнадцатого века. Зарабатывают на крабе только промысловики на современных судах, особенно продающие краба за валюту иностранцам с борта на борт или в японские порты. Вырученного же крабистом-одиночкой едва хватает на жизнь и снасти. Это их присказка: «От моря только горе».

Обычно крабист умирать зимой в хижине. Через несколько дней, недель или месяцев соседи обнаруживают тело в промерзшей хижине и хоронят его на берегу, ставя простой крест без надписи.

Лечение

29.01.98

Возможно, что моих записей хватило бы на издание книги вроде «Рецепты от Шамана», но сам я не пользовался этими рецептами. В эту публикацию практические советы без изменений включены, лишь если они попали в один день с важным диалогом.

— Как ты готовишь этот папоротник?

— Солил.

— Как?

— Слой папоротника, слой соли, сверху пресс, чтобы он дал сок.

Через неделю сок сливаешь,
ворошишь папоротник и заливаешь
рассолом.

— Сколько соли?

— Пока не перестанет
растворяться.

29.01.98

С годами выяснилось, что круг
общения Шамана неожиданно
широк. Сегодня я бы даже сказал,
что, живя на берегу, Шаман общается
со всеми окружающими его людьми.
Некоторые виделись с Шаманом
лишь раз как больные или
ухаживающие за больными, другие
общаются редко, но регулярно. Ни
эти люди, ни Шаман не находят в
таком общении ничего

удивительного.

— Где ты вообще берешь соль, крупу?

— Кузьма привозит.

— Почему он это делает?

— Почему ты приносишь мне вещи?

— Они не нужны нам в городе.

— Но ты долго несешь их на себе. А патроны, горелка?

— Это подарки.

— Почему ты это делаешь?

— Я хорошо к тебе отношусь.

— И они хорошо относятся. Я лечу их и подсказываю, где, сколько рыбы можно взять.

— Откуда знаешь про рыбу?

— Есть правила, признаки,

вообще и местные.

— Расскажи чуть.

— Например, речка не должна быть перекрыта сетью больше трех дней в неделю. И не подряд.

— Почему?

— Рыбе нужны проходные дни, чтобы не переводилась.

— А местные?

— В окрестностях Магадана рыба идет хорошо в нечетные годы, плохо в четные.

— А в других местах?

— Надо там пожить, почувствовать. Севернее, может быть, правило четности не так сильно выполняется.

— Еще есть какие-то

признаки?

— Горбуша ходит в год с брусникой, не ходит с грибами и шишкой.

— То есть грибы ходят с шишкой в четные?

— Не всегда. Четность — более общий признак.

— И у отдельных речек есть приметы?

— Конечно.

— Ну ты шамааан. (Смеюсь)

— Хоть горшком назови.
(Смеемся вместе)

— Так браконьеры платят тебе продуктами?

— Это — не плата, а отношения. Ты бы еще крупу в

деньги перевел. Кроме того, Кузьма считает меня колдуном.

— Тебе нравится, что тебя называют Шаманом?

— Хоть горшком ...

09.03.98

В чем никак нельзя заподозрить Шамана, так в сентиментальности. Он запросто мог поговорить с куропаткой и, окончив разговор, пообедать ею же. Раз я сказал ему, что предпочитаю охоту без общения, но Шаман лишь пожал плечами и напомнил о разведении кур и коров. И вдруг на окошке его хижины я увидел веточки в банке.

— В первый раз вижу среди тайги веточки на окне. Зачем?

— Зимы еще много. Часто нужны активные вещества

— Как ты их добываешь из веточек?

— Это — ольха. Суточного урожая пыльцы с семи сережек хватает на лекарство взрослому.

— Ты ешь эту пыльцу?

— Эта — горькая. И слишком сильна. Лес и так полон лекарств и витаминов. Зимой можно жевать стланик, почки березы, ольхи или шишечки. Пыльца — для мазей и смесей при лечении.

— Ты прочел это в книгах?

— Ни в одной книге не сказано о круглогодичном сотрудничестве с растениями. Для этого нужно долго

прожить с ними.

09.03.98

Наверное, Шаман — единственный «лечащий врач» на сотни километров. Он не может ни с кем консультироваться, у него нет медицинских книг и стандартных лекарств. Но он всегда действует так, будто точно знает, что делать.

— Ты лечишь все болезни?

— Только те, которые преодолел сам.

— Но говорят, что ты лечишь многие болезни.

— Болезней не так много, много вариаций.

12.12.02

Странные для Колымы осень и

зима. Стабильно стоит уже больше месяца 25-30 градусов мороза, но снега нет. Выпадал немножко в начале октября, почти весь раздуло. Холодно, пыль. Явные климатические аномалии. Травы и ягоды хрустят под ногами как стеклянные. На редких снежных застругах переплетение медвежьих, волчьих, лисьих, заячьих, мышиных и птичьих следов. В декабре на Колыме звери не спят и не сидят в норах! Как бы не померзли без снега. Тревожно.

Недалеко от прежней землянки Шамана поселился один из браконьеров. Бригада помогла ему сделать землянку. Оставили рыбу,

крупу, соль, три ящика свечей и бочку солярки. Он ухитрился сжечь все за месяц. Свечами воздух в землянке нагревал, чтобы за дровами не ходить. Навещаю третий раз. Медитировать он не умеет и учиться не хочет — другое воспитание. В результате говорит сам с собой и мне невероятно «приседает на уши». В городе казался крутым. Не свихнулся бы.

Наверное, у него не хватает жиров в пище. В одном месте кожа на лице треснула, проступили фрагменты мимических мышц, как в анатомическом атласе. Храбрится, не хочет со мной идти в город. Принес ему сала, жирной колбасы, майонеза

и растительного масла. Знаю, что все съест быстро, вместо того, чтобы растянуть на зиму. Перезимует с моей помощью до прихода бригады и больше не захочет так жить.

Шаман бы не стал помогать. Во сне общался с ним.

— Почему не помочь?

— У него низкий уровень культуры. Быстро превратится в иждивенца.

— Но он живет трудно. Набрал кубометр мидий и стог морской капусты на зиму. Жиров нет.

— Нужно, чтобы он не ждал твоей помощи, а боролся.

— Если я принесу ему мешок мороженных кур, он бороться не

будет?

— Скорее всего, тогда замерзнет.

— Почему?

— Или он будет бороться за жизнь каждый день, или не сможет.

— «Куры» помешают бороться?

— Должна быть стабильность борьбы. «Куры» позволят временно не бороться, как свечи и солярка. Из-за них он чуть не замерз, так как сразу не приобрел привычку запасать дрова. Вспомни судьбу ушедших коренных народов: они прекрасно жили до того, как к ним пришла «помощь» западной цивилизации.

— Но он сам из западной цивилизации.

— Это — Колыма. Он мог бы частично выживать где-нибудь в обильной сибирской тайге или в тамбовском остаточном лесу. Здесь частично не получится. Или он полностью задействует все свои ресурсы в борьбе за жизнь, или сдохнет.

— Ох и суров ты. Вообще не нужно помогать?

— Наоборот: хочу, чтобы он имел шанс. Можешь давать гостинцы. Но немного и несистематично. Чтобы он на них не рассчитывал. Пусть рассчитывает только на себя.

09.03.99

Шаман не стремится ничего скрывать, но говорит со мной,

медленно подбирая слова. Это напоминает мне мои объяснения сложных концепций студентам, не владеющим терминологией. Я прекрасно знаю, что ограничения опыта не дают объяснить многое, даже при владении языком. Как объяснить семилетнему про любовь, например? Просто говоришь знакомые для него слова, которые так и остаются словами.

— Почему ты не пьешь чай?

— Пью, когда захочу.

— При мне не пил ни разу.

— Я пью кипяток и отвары.

— Откуда ты знаешь о травах?

— Из книг, из жизни.

— А как ты составляешь новые

отвары?

— Чувствую, что надо делать. Иногда мне снятся составы. После этого я просто знаю.

— Но как ты делаешь отвары для больных?

— Они болеют тем, чем я уже болел, и я знаю, что нужно.

10.03.99

Присматриваясь к лечебным процедурам, я следил и за состоянием Шамана, предполагая, что он как-то влияет на больных. Ничего необычного в его внешности не было, но после лечения он, примерно в четверти случаев, был сосредоточен и даже грустен.

— Что заботит тебя после

процедур?

— Не заботит, напоминает.

— Что?

— О том, как начал лечить.

— Можешь рассказать?

— Встретил однажды в городе знакомую по юности. Когда-то она была слишком красива, а я слишком застенчив. И не подходил к ней. При встрече ей было сорок, она выглядела плохо и была тяжело больна. Ночью проснулся, вспомнил про нее и вдруг понял, как полечить на расстоянии.

— Вылечил?

— Облегчил.

— Ты знал, где она находилась в тот момент?

— Не имеет значения.

— Зачем тогда больных привозят к тебе?

— Можно и без этого. Кто-то может рассказать, что-то показать. Но гораздо увереннее и лучше, когда вижу.

— Почему ты вдруг понял, как ее лечить?

— Очень сердечно пообщались. Воспоминание было тоже очень «сердечным», и очень хотел помочь.

09.05.99

Шаман предложил мне забрать несколько килограммов красной икры для родственников. Раньше он не говорил о хозяйстве, но я предполагал, что, живя в столь суровых местах, Шаман ведет

жестокую борьбу за существование. Это предположение заставляло меня захватывать лишние продукты и не налегать на угощения Шамана. Сегодня выяснилось, что мои предположения неверны. Наоборот, Шаман думает, что он живет в хороших условиях, а я в городе тяну с большим напряжением.

— В городе прожить легче. Оставь икру себе.

— Скоро будет новая. Хорошо бы вы съели эту до июля. В городе потруднее прожить.

— У тебя так много икры?

— Солю одну бочку в путину. (Стандартный деревянный бочонок — 50 л. Икра тяжелее воды) Если

разделить на все дни года — около ста пятидесяти грамм на день. Ни один человек столько не съест.

— Что ты еще заготавливаешь на зиму?

— Бочку грибов, пару бочек лосося, бочку разнорыбицы, парутройку банок краба, бочонок брусники морожу, по банке рябины, голубики, потом папоротник, морская капуста, шишка, шикша, красный корень, черемша, дикий лук... Глянь в леднике.

— Теперь понял, почему ты не взял витамины. А тогда подумал, что из-за щепетильности насчет химии.

— С витаминами здесь получше.

— Килограммы ценнейших продуктов на день! Зачем Кузьма тебе привозит крупу, картошку? Зачем мы охотились?

— Крупы, картошка, хлеб — углеводы. Охотимся редко, это — практика.

— Значит тебе не нужны продукты, которые я приношу?

— Разнообразие радует. Апельсин, лимон, томаты, киви эти интересны. А консервы или концентраты...

— И сколько времени у тебя уходит, чтобы кормиться год?

— Если считать рабочий день по пятнадцать часов, то дней десять-двенадцать.

— Десять дней кормят год?

— Говорю же, в городе жить потруднее. Зря ты пренебрегаешь добычей.

— Теперь призадумаюсь. Почему так?

— В городе ты должен покупать родне и себе то, что не нужно для жизни: модные вещи, технику, мебель, напитки, подарки... Всего не перечесать. Здесь ты свободен от этого.

— Но это нужные вещи. Отношения, уровень, престиж, наконец.

— Тебе пока лучше жить и практиковать в городе.

09.05.99

Солнечные склоны в крутых распадках уже хорошо прогреваются днем. Появились проталины. На них сухо, так как вода моментально стекает с крутого склона. Высокая, желтая с осени трава и множество кустиков с прошлогодней брусникой. Я так увлекся брусникой, что подскочил на месте, когда молчавший неподвижный Шаман вдруг спросил:

— Что ты говорил о «жестокой борьбе за существование»?

— Ну, в столь суровых условиях нужно бороться за выживание.

— Имей в виду: как только начнешь бороться — это первый шаг к смерти.

— А не бороться, так сразу замерзать?

— Не бороться и не замерзать. Просто действовать в гармонии с окружающим миром.

— Как?

— Не противопоставлять себя Природе, даже не думать об этом. Природа всегда тебя победит.

— Но без напряжения сил не обойтись.

— Обойтись. Старайся делать то, что нужно, «по течению» дня, часа, мига.

— Но как?

— Начни, старайся чувствовать и поймешь.

16.06.98

Наблюдая за общением Шамана с больными, я обратил внимание на «привязку» его действий к приливам и отливам, фазам Луны или Солнца, ветрам, камням, растениям, животным и рыбам. Предполагая, что Шаман использует какие-то местные потоки энергии и существ, я решил, что умения Шамана должны быть не универсальными, а «местными».

— Ты мог бы лечить, например, жителя Украины?

— Не сразу. Надо пожить там, почувствовать воздух, воду, ритмы.

— Но врач лечит в любом месте.

— Я учился в Хабаровске и

работал участковым. Медицина в кризисе.

— Что ты имеешь в виду?

— Сегодня врач — не целитель.

— А ты — целитель?

— Я не вмешиваюсь, если меня не просят. И я лечу не болезнь, а человека с его миром.

— Любой может лечить, если научится?

— Нет. Больной должен верить целителю.

— Что-нибудь, кроме сложившейся репутации, влияет на доверие больного?

— Репутация мало что значит. Главное — сила действий.

— Что это?

— Целитель должен быть уверен в том, что он делает.

— Откуда больной знает об уверенности целителя?

— Местные — стихийные герменевты, они сразу это чувствуют и не будут лечиться, если целитель не уверен. Да и ты можешь чувствовать.

— Мне говорили, что ты пляшешь с бубном и камлаешь.

— Довольно часто. Бубен, наверное, войдет в арсенал врачей будущего.

— Для чего?

— Большинство болезней
присходит из — за
рассинхронизации человека с его

миром. Танец и песни с бубном помогают человеку снова синхронизироваться.

— Никогда такого не слышал. А как же вирусы, бактерии?

— Вирусы, бактерии, психосоматика — материальные проявления потери гармонии с миром.

— Но как бубен вводит человека в гармонию?

— На твоём профессиональном сленге это называлось бы вроде «настройка динамического стереотипа».

20.07.99

Шаман уверенно смешивает из своих заготовок, минералов, свежих

растений, насекомых, морской и земной живности лекарства от болезней. Сотни, а может быть, и тысячи составов, которые никогда не повторяются.

— Откуда ты знаешь, что то, или иное вещество является лекарством?

— Все является лекарством или ядом в зависимости от дозы.

— Ну да, и водка?

— В малых дозах, начиная с капель и притинок, водкой можно многое лечить. В больших — сам знаешь.

— А откуда ты знаешь, что и как лечить ольхой, а что и как стлаником?

— Они сказали мне.

— Что-то мне они ничего не говорили.

— Твое сознание забито суею. В этом состоянии ты не можешь ни спросить растение, ни услышать его.

— Как-то я могу начать практиковать с растениями?

— Береза может поделиться с тобой энергией, а ольха или осина — забрать часть плохой энергии. Но не увлекайся. Они могут забирать и нужную тебе энергию.

— А почему ты все время делаешь разные лекарства?

— Принципиально разных немного. Но одинаковыми они быть

не могут.

— Почему?

— Чудак-человек. Я же лечу разных людей, в разные дни, при разной погоде, Луне, море...

20.07.99

Изрезанная береговая линия и сопки создают множество небольших водоразделов, по каждому из которых стекают ручьи. Шаман ходит с котелком и кружкой от ручья к ручью, пробует воду на вкус, глядит на свет. Я тоже пробовал. На вкус вода чуть-чуть различается, но определяешь это не сразу, лишь на третий-четвертый день после прихода из города. Шаман говорит, что за четыре дня меняется заметное

для самого человека количество воды и солей в организме. И сам знаю: первые три дня в городе замечаешь, что вода в кране из застойного водохранилища, хлорирована и проходит по ржавым трубам. Потом перестаешь замечать.

Когда привыкнешь к чистым горным ручьям, если сосредоточиться, замечаешь, что в одном ручье вода чуть горчит, в другом чуть-чуть щиплет, в третьем — необыкновенно вкусная. Это объясняется разным солнечным, лунным и звездным режимами ледников и ручьев, разным составом торфяных болотца на вершинных плато и минеральным составом

горных толщ, через которые вода с ледников и болотец фильтруется.

«Вкусную» воду мы используем для чая или ухи, другие Шаман использует для своих снадобий.

— Какое значение имеет вода для лекарств?

— Вода совместима с травами и с человеком. Например, стараюсь делать отвары и настойки на той воде, на которой растение и выросло.

— Что это дает?

— Так лучше восстанавливаются свойства растения. Как кровь вливать — своя лучше донорской.

— Так просто. Почему официальная медицина это не

использует?

— Использует частично. Сам прописывал больным разные минеральные.

— А для трав в аптеках?

— Где, кто, как, когда собирал эти травы? Может даже травы мучились при этом.

— Но горожанин не может сам собирать.

— Тогда лучше талую. Она немножко похожа на весеннюю.

— А как сделать, чтобы травы не мучились при сборе и сушке.

— Нужны специальные говоры.

— Научи меня.

— Не запомнишь без долгой практики. Пока просто проси

прощения, объясняй, что не все
выкашиваешь, и что — для чего
нужно. Обязательно оставляй
достаточно травы на развод и
выполняй обещанное.

— Как влияет выполнение
обещаний?

— Иначе травы, горы, море и
все-все сделают тебе «предъяву».
(Шаман улыбнулся, но улыбка
относилась только к термину)

Голос льда

05.11.99

«Володя» — окликнул меня голос однокурсницы, в которую был больно и неуправляемо влюблен. Боль давно прошла, и самоконтроля побольше. Но голос раздался так неожиданно, так тепло, что я дернулся и оглянулся. Плеснувший на руку из кружки горячий чай вернул к реальности.

За спиной уходили вверх крутые обледенелые скалы, впереди до горизонта простиралось замерзающее море. Кое-где волна еще колыхала мелкие лепешки льда и

шугу. Следующая волна стала выдавливать воздух в многообразные трещины и улитки между льдинами. На этот раз лед крикнул несколько раз протяжно, пронзительно и насмешливо. Он как бы торжествовал, что так удачно меня «зацепил». «Развлекаешься» — усмехнулся я в ответ, и поймал себя на том, что всерьез разговариваю со льдом как Шаман. Настало время обсудить это.

— Как ты говоришь со льдом?

— Отвечаю на его вопросы и спрашиваю.

— Он знает тебя?

— Уже знает и тебя.

— Но он же меняется каждый

год.

— Не совсем так. Для него смена подобна реинкарнации, только он помнит предыдущее. Новый, но тот же.

— Почему он помнит?

— Структура его кристаллов остается в воде неизменной.

— Что можно спросить у льда?

— Все. Но он будет просто пищать или трещать, если ты не нравишься.

— Как ему понравиться?

— Льду нравятся люди, подобные ему.

— Как человек может быть подобен льду?

— Энергия человека и льда —

вихрь, стихия. Попробуй почувствовать. Лед не жестокий, но очень жесткий, и очень насмешлив, не терпит сантиментов и фальши.

— Но я не такой.

— Когда ты идешь днями один по льду, ты собран, сконцентрирован, тверд. Ты — такой. У костра ты расслабился, и лед подшутил над тобой.

06.11.99

Сижу на скамейке Шамана и пытаюсь увидеть волны льда. Нет уверенности, что вижу.

Лед отвечает на вопросы как Шаман. Не сразу, через несколько часов или дней. Возможно, на ряд вопросов он ответил, когда я уходил

греться или спать. Для диалога нужно многие часы сидеть на скамейке. Элементарно замерзаю. Шаман говорит, что я мерзну, так как не могу сидеть в полной неподвижности. Он одет полегче, но сидит сколько хочет.

— Что можно спросить у льда?

— Пока можешь просто говорить вопрос. Что угодно.

— Но это глупо. Сижу в сотнях километров от людей и вслух задаю льду вопросы.

— Начни с этого. Или ничего не делай, тогда ничего не будет.

— Может быть, когда долго слушаешь шумы, воображение само формирует из них ответ?

— Отчасти. Лед не хочет говорить твоим языком. Он формирует энергию ответа, а уж она гоняет воздух в звук. В звуке услышишь ответ, если готов.

— Может это не лед отвечает, а мы сами?

— Смотри. (Шаман что-то прокричал криком, похожим на усиленный крик огромной чайки)

Лед ответил сразу же серией уходящих вдаль и вновь приблизившихся криков.

Городская запись:

Несколько недель мело так, что я не мог выбраться из города. Организм, привыкший к длительным переходам, требовал физической

нагрузки. Пошел в зал бывшего политехнического института (сейчас — часть Северного международного университета), где пару лет назад играл с преподавателями в волейбол и футбол. Все, приходящие в «наши» часы раньше играли или продолжают играть за какие-либо команды. Я ожидал, что двухлетний перерыв отрицательно скажется на моих навыках, но с удивлением отметил, что играть стал лучше: резче и точнее. Может быть, из-за общения с Шаманом?

— Твоя «мудрость» повлияла на мою игру?

— Нет, Лед.

— Как это?

— Ты прошел уже сотни или тысячи километров по обледенелой кромке льда и скалам, рискуя соскользнуть в море. Десятки тысяч раз в тяжелой одежде с рюкзаком ты сохранял равновесие, скользил, цеплялся, подтягивался, изворачивался, протискивался... Тело привыкло решать эти задачи. Сейчас ты ловок почти как древний чукча-охотник, только навыков нет.

— Лед повысил мастерство игры?

— Ловкость, точность, равновесие, силу — базу. Ты, наверное, даже излишне прыгал по залу?

— Да, как-то было комфортно,

хотя и душно.

— Еще бы. В легком спортивном костюме на ровном и не скользком полу.

— Что-то, кроме льда может улучшить мою «базу»?

— Обледенелые скалы, тяжелая одежда и груз — лучший тренер. Лучше только сознание.

17.11.99

Лед внушает тревогу. Раньше ходил по зимнему льду безбоязненно. Тут и танковая дивизия пройдет. Но сейчас... Лед может разозлиться или захочет поиграть. Или, наоборот, обнять. Шаман смеется над опасениями.

— Лед делает, что хочет?

— В определенных пределах.

— Он может утопить меня?

— Кто ты такой, чтобы лед

пошевелился.

— Но ответил же тебе сразу.

— Могу говорить на языке его

энергий. Льду скучно, он отвечает.

Но не пошевелится и ради меня.

— Как ты научился его языку?

— Не язык. Энергия

высказывания. Я облакаю смысл

высказывания в энергию звука,

близкую звукам льда.

— Как хотя бы что-то понять

об этой энергии?

— Боюсь, в нынешнем

состоянии у тебя непреодолимое

препятствие.

— Хотя бы о препятствии?

— Твой ум настолько недисциплинирован, что отвлекается ото льда, даже когда ухо зачесется. А нужно, чтобы он не отвлекался из-за холода.

— Если я не буду отвлекаться на холод, я себе что-нибудь отморожу.

— Если ты действительно забудешь про холод, его не будет.

30.12.99

Шаман прав. Лед действительно здорово тренирует. Когда задумался над этим, «увидел» как легко прохожу некоторые участки обледеневших скал сегодня. Вспомнил, как два года назад со страхом и с трудом лез по этим

участкам на четвереньках под добродушное хихиканье Шамана. Раз это так, надо присмотреться к другим двигательным задачам, которые тело Шамана решает походя, а мое — с трудом. Первое, что заметил: Шаман перед новым трудным участком оглядывается назад.

— Зачем ты оглядываешься перед трудным участком?

— (Долгая пауза. Или я стал уже лучше понимать молчание Шамана, или мне показалось, что Шаман перед ответом решил понаблюдать за своим поведением) Когда идешь по льду в неизвестное трудное место, думай о том, как

вернуться, если решишь вернуться и выбрать другой путь.

(Теперь молчу я. Это почти очевидно, но я никогда не формулировал словами. Шаман, проявляя свое умение «читать мысли», приходит мне на помощь) Не расстраивайся. Ты только потому смог задать вопрос, что почти знал ответ.

— Этот принцип обратного пути не только для льда?

— Мы никогда и не стали бы говорить только про лед. Потому и общаемся.

30.12.99

Оттепель. Крупными хлопьями идет снег и медленно тает на одежде

или ветвях. После тяжелого перехода сижу на скамейке для наблюдения за льдами с закрытыми глазами, улавливая приятное ощущение таящих на лице снежинок. Шаман молча сидит рядом. Открыв глаза, наблюдаю, как он долго внимательно рассматривает снежинки, на своей рукавице.

— В детстве тоже любил рассматривать снежинки.

— В детстве мы все многое чувствовали, почти знали.

— Что мы знали про снежинки?

— Мы чувствовали что в миллионах их узоров может быть есть ключ к пониманию всего мира.

Это завораживало.

— Действительно есть какой-то ключ?

— Узоры снежинок, кристаллы льдов и все кристаллы устроены также, как ты или я. Разглядывая кристаллы, многое узнаю о людях.

— В каком смысле?

— Твое тело состоит из таких же узоров, сознание тоже.

— Взрослыми мы это забыли?

— Взрослыми мы перестали доверять чувствам как дети. А рационально мы это не узнали.

— Как мне узнать это рационально?

— Сначала смотри.

Через час я почувствовал, что

узнал что-то новое. Это не внушение. Я действительно стал изредка видеть человека как кристалл.

13.12.2000

В самые морозы печку приходится протапливать каждые пять-шесть часов даже в хорошо оборудованной землянке Шамана. В моем домике — каждые три-четыре часа. А в постройках краболовов возле Магадана, наверное каждый час.

Эти постройки никогда не планируются, они уникальны. У меня накопился целый альбом фотографий такой бич-архитектуры.

Сначала на месте ночевки возле «удачных мест» строится летний

навес, потом стены от ветра. «Слабые» места постоянно укрепляются и утепляются тем, что принесет море. К зиме навес еще подпирается, чтобы не провалило снегом, стены обиваются разномастными дощечками, вязкими мешками, подсыпаются, обматываются обрывками канатов... В следующие годы в случайном порядке появляются лари, пристройки, тамбуры. Рядом строится новый летний навес, чтобы не варить краба в землянке... Понимаю теперь, почему зимой добытки живут и «крабят» в одном месте по двое-трое, хотя это невыгодно. Нужно собирать много

дров и дежурить по ночам, топить печку.

Нам с Шаманом тоже приходится ходить по ледяному припаю за дровами. Припай твердый и ровный. Мы волочем по нему выбитый из льда плавник, оставляя в снегу длинный извилистый след. На следующий день этот след бывает весь исчеркан поперечными полосками, которые вне следа встречаются довольно редко.

— Что за полосы?

— След зимних чаек.

— Какие чайки?! Ветер тридцать метров при морозе тридцать градусов!

— Зимние чайки слишком

тонки для ветра, он им не помеха.

— Почему я не видел ни одной?

— Они очень тонкие.

— Я бы видел хоть линии.

— Когда ты видишь обычную чайку снизу, у нее длинные широкие крылья. Но вот чайка летит прямо к тебе или от тебя. Ее крылья кажутся тебе тонкими, как листок бумаги. Зимние чайки еще раз в десять тоньше. Нужно долго и внимательно присматриваться, или иногда замечаешь их случайно.

— Их много?

— Не меньше летних.

— Почему же люди не знают о них?

— Охотники и рыбаки, конечно, изредка замечают. Но думают, что померещилось. Некоторые просто не считают нужным об этом говорить.

— Почему?

— Ты же не рассказываешь знакомым летом, что видел чайк. Слишком обыденно.

— Куда зимние чайки деваются летом?

— Никто не знает.

Сидим с сыном в резиновой лодке метрах в трехстах от берега. Он лицом к морю, я — к берегу. Холодно, ветрено, жесткий барашек на гребне стучит в борт и брызгает. Но разнорыбица идет хорошо. Только

успевай вытягивать донку.

«Почему не ходим на охоту?» — спросил сын. «Не будем же мы для развлечения убивать живого зверя» — начал было разглагольствовать я. Но тут сын спросил: «А рыба?»

Вот парадокс. Про рыбу то же самое никогда в голову не приходило!

Сзади зашумела большая волна, и сын как-то неестественно спокойно произнес: «Папа, сваливаем отсюда, Косатка». Оглянувшись, увидел только столб воды, поднятый выпрыгнувшей и упавшей в воду акулой. Ей достаточно чуть задеть лодку, и нам до берега не доплыть — вода слишком холодная. Сын греб к

берегу, я вытягивал якорь (камень в сетке) и донки.

Умом мы знали, что Косатка не нападает на людей. Нет ни одного свидетельства. «Но свидетелей и не могло остаться» — мелькала полушутливая, полутревожная мысль.

С берега еще полчасика наблюдали, как Косатка прыгала на месте, где стояла лодка. Наверное, это знак. С тех пор рыбу ловим редко и мало, только на уху.

Шаман и рыбачит, и охотится. Не часто, но регулярно.

— Не жалко убить куропатку, нерпу?

— Спроси такое у эвелна.

— Ну, им без этого не выжить.

— И им, и лисе, например.

— Считаешь, что убийство естественно в природе?

— Развлечение убийством неестественно. А хищников не мы придумали.

— Это у животных. А у людей?

— На Севере без этого никак нельзя было. Растительной пищи не хватило бы.

— Это раньше. А сейчас?

— Сейчас это выбор.

31.12.99

Шаман может остановить или изменить уже начатое действие, или начать неожиданно новое действие. Часто он обосновывает такое странное поведение «получением

знаков». Иногда это трудно перенести. Кажется, что разговоры про знаки выдуманы, чтобы обосновать явное сумасбродство.

— С чего ты решил, что что-то является знаком?

— Просто знаю намного больше тебя.

— Очень убедительно. А главное, это можно сказать по любому поводу.

— Не нервничай. Спроси, и я объясню тебе про знаки, которые увидел.

— Ладно. Вот сейчас почти темно. Пять вечера, кругом лед. Ты видишь какие-нибудь знаки?

— Например, нерпа слева от

нас.

— Да нерпа — дура! Она-то здесь при чем?!

— При том, что мы забираем вправо.

— Зачем?

— Слева — трещина во льду или полынья, иначе нерпа не вылезла бы здесь. Это знак тебе для изменения траектории и осторожности.

01.01.2000

Замечаю странную вещь: когда Шаман укажет на какое-либо отношение между явлениями мира, вещами, людьми, все становится понятным и ясным. Но сам я этих отношений не вижу. Поскольку не

собираюсь всю жизнь прожить рядом с Шаманом, нужно научиться самому выявлять такие отношения.

— Откуда так много знаешь?

— Смотрю.

— И я смотрю. Но, пока ты не покажешь, ничего не вижу.

— Тренируйся.

— Как? Чему?

— Наблюдай в привычной обстановке то, что раньше не замечал.

— Как Кастанеда?

— Что Кастанеда?

— А что «курс»? (Смеемся) Он пытался по новому представить себе окружающий мир, когда спускаются сумерки.

— Не знаю, как Кастанеда. А ты здесь или он не наблюдательны. Сумерки не спускаются, а поднимаются из земли.

— Вот опять. Когда ты сказал, я сразу это понял. Но сам не замечал. Что делать, чтобы замечать такие вещи самому?

— Попробуй для начала находить новые штрихи, детали в своих хороших знакомых, на привычном рабочем месте, в своей комнате...

— Что это даст?

— Когда научишься, продолжим эту тему.

29.10.2000

Осенью 2000 года Шаман

разобрал свою землянку и закрыл место кустарником с осыпей. Стало понятно, почему он строит землянки, а не домики.

В октябре Шаман жил у меня, выправлял документы, шил одежду и сутками играл в компьютерные игры. Он мог бы работать модельером уникальной по удобству и функциональности спортивной и рабочей одежды.

Однажды, когда мы пили чай, в гости зашел мой давний знакомый, считающий себя человеком творческим и неординарным. Он не был у меня несколько лет, что не помешало ему явиться, как всегда, без предупреждения. Шаман почти

не обращал на него внимания, что «зацепило» знакомого, и он стал, по своей привычке, ничего не зная о Шамане, советовать ему пересмотреть свою «пустую» жизнь. Шаман внимательно выслушал советы, еще более «зацепил» знакомого парадоксальными замечаниями и рефлексивной надстройкой и, в свою очередь, дал ему ряд рекомендаций. Зная, что без расспросов Шаман дает методические рекомендации только тем, кого считает больным, я был удивлен. По моим прикидкам Шаман не был в городе более пятнадцати лет, и он уверенно «лечил» современного человека. В его словах

было настолько много того, что эвелны называют «сила слова», что мой нигилист после выполнил очень тщательно все рекомендации. Он изменился довольно быстро (за три —четыре месяца) и весьма неожиданно. Наверное, неожиданно и для себя самого.

— Знакомый (З.): И как же мне начать?

— Шаман (Ш.): Начни с малого. Спланируй изменения.

— З.: Тысячу раз я это делал, ничего дельного не планируется.

— Ш.: Ты ни разу не выполнил ритуал планирования.

— З.: Может ты, о мудрейший, расскажешь мне сей древний ритуал.

— Ш.: (Шаман не реагировал на иронию) Прежде всего, сходи в баню и сделай себе аккуратную модную прическу.

— З.: Это зачем?

— Ш.: Потом купи себе модные хорошие туфли. Есть деньги?

— З.: Есть-есть.

— Ш.: Если денег нет сейчас, помой и почисть эти.

— З.: Очень интере-е-есный ритуал!

— Ш.: Купи себе хороший фирменный одеколон, ручку «Паркер» и хорошей, лучше финской, бумаги.

— З.: О, ближе к делу.

— Ш.: Чисто вытри стол,

положи на него пачку бумаги и ручку «Паркер».

— З.: Ну, Вы совсем утрируете.

— Ш.: Надень новые туфли, глаженные брюки, свежую рубашку, сбрызни новую прическу одеколоном, выключи телефон, убери часы и сядь за стол не менее чем на полтора часа.

— З.: Это действительно ритуал. Вы не смеетесь?

— Ш.: Возьми из пачки лист и напиши на нем «Паркером» сверху «Планирование реальных действий».

— З.: Вы смеетесь.

— Ш.: Через две минуты тебе захочется вскочить и побежать по своим неотложным делам.

Продолжай сидеть и думать о линии своей жизни.

— З.: Что это даст?

— Ш.: Еще через две минуты тебе захочется записать твои творческие озарения. Отбрось их, как и предыдущую суету. Продолжай сидеть и думать о линии своей жизни.

— З.: Что Мне думать о линии жизни?

— Ш.: Еще через две минуты ты поймаешь себя на том, что думаешь о посторонних вещах. Отбрось и эти мысли. Продолжай сидеть и думать о линии своей жизни.

— З.: И что это даст?

— Ш.: Несколько раз тебе придется отбрасывать посторонние мысли и спокойно возвращаться к мыслям о линии жизни.

— З.: Так что это даст?

— Ш.: Ты когда-нибудь делал так?

— З.: Нет.

— Ш.: Эта новая для тебя практика — начало культурного действия планирования.

29.10.2000

Когда знакомый ушел «в баню», я спросил Шамана:

— Ты считаешь, что он больной?

— Это — больше по твоей части. Сейчас он — социопат. Но у

него есть воля.

— Как ты это увидел?

— Приучайся и ты под слоем случайного и мелкого видеть существенное в человеке.

— Почему именно две минуты на мысли?

— Ты же рассказывал мне про свои опыты о произвольном усилии.

— Твои рекомендации похожи на методики Гурджиева.

— Я сам — Гурджиев. (Шаман захохотал)

— То есть ты — как Гурджиев? (Хохочем вместе)

30.10.2000

Стоим на ветру у автовокзала, ждем рейсовый автобус, на котором

уезжает Шаман. Будет добираться на перекладных: Сусуман, Нерюнгри, Якутск и еще дальше на запад. Из Магадана сейчас иначе не выбраться. Навигация закрыта, железных дорог нет, при покупке авиабилета записывают паспортные данные, что Шаману не нравится. Он уезжает в другую страну, в другие, чем были отношения, когда он в последний раз уходил на побережье. Шаман, как всегда, спокоен. Ему, наверное, интересно увидеть и пожить в «новой серии» социума. Немного завидую. Шаман давно выполнил все свои социальные обязательства и свободен от них, так как потом не набирал новых. Завтра он начнет

осваивать новые для себя практики и перемещаться в новый мир.

— Как человек становится консервативным?

— В повседневной жизни человек похож на автомат. Например, годами моется, бреется, ест совершенно одинаково, не замечая этого.

— Это плохо?

— До определенного предела неплохо.

— Что за предел?

— Если человек долго не меняет ничего в своей жизни, автоматизм проникает в его мышление. Например, он начинает повторяться, думая, что говорит что-

то новое. Окружающие замечают это.

— Как бороться с этим?

— Изменяйся, совершенствуй свои практики, осваивай новые. Человек — не пруд, а искрящийся бурлящий поток.

— Еще вопрос. Твой Хохот — особая практика понимания?

— Смотри-ка. Только три года прошло, а ты уже заметил. (Хохочет)

— Автобус-то маленький и серенький.

— Так незаметнее. (Хохочем вместе)

Люди оглядывались на меня, но я еще некоторое время смеялся и махал рукой вслед автобусу. А в автобусе хохотал Шаман и махал мне.

Океан непроявленный

06.10.2000

Просматривая свои записи, иногда нахожу диалоги, которые сам не могу понять до конца. Не из-за почерка.

Диалоги непонятны по другой, пока не объясненной причине. В период разговора с Шаманом и несколько дней после я прекрасно понимал все. И, судя по записям, задавал вопросы и даже спорил. Теперь же, через несколько лет, чувствую, что не понимаю до конца.

Однако существует и другой

опыт. После обсуждения диалогов с другими, часто открывается новый смысл («пласт смысла»), который был от меня скрыт непосредственно во время разговора и записи. Я проанализировал психологические механизмы такого «открытия» и, когда позволяет время, сознательно и систематично использую их. Это позволяет лучше расшифровывать, понимать и дополнять ранее опубликованные тексты. С этой же целью начинаю публикацию и части не до конца понятых диалогов.

— Волной море дышит?

— И Земля, и ты.

— Читал, что Мировой океан

— живое существо.

— Все живое — часть океана.

— И ты?

— И ты.

— Слушай, так ты же говоришь
об Океане непроявленном!

— Конечно.

— И он соединен?

— Ты знаешь.

— Волосы дыбом встают. Это
нумен нуменов?

— Нет. Нумен нуменов раньше.
Это, если нужна аналогия,
нуменальная среда.

06.10.05

Хотя льда еще нет, скамейка для
наблюдения за волнами льда уже
сколочена. Листва на склоне стала
яркой, желто-оранжевой, местами

огненно-красной. Смотрим поверх деревьев на темно-синие, почти серые волны. Ночью были заморозки, и поверхность воды как бы загустела, стала более вязкой, тянучей. Волны лишены ряби и кажутся плавными, медленными, серебряно-литыми. Солнечный свет не отражается, а проникает внутрь волны и светит оттуда. Завораживает.

Теперь понимаю, что рассказывая про волны льда, Шаман объяснял лишь малую часть. Да и как бы он мог тогда без многолетней практики объяснить? «Как объяснить семилетнему про любовь, например? Просто говоришь знакомые для него слова, которые так и остаются

словами».

Потом я увидел, как эту же скамейку Шаман использовал для работы над «соответствием идее самого себя». Сегодня утром Шаман несколько часов сидел по-другому, повернувшись влево. Другая практика?

— Что это было?

— Не все в городской жизни складывалось наилучшим образом.

— Вспоминал?

— Поправлял.

— Поправлял прошлое?

— Только свое. Кто я такой, чтобы вмешиваться в чужую жизнь?

— Как ты можешь поправить то, что уже произошло?

— Понемножку. Создаю другой образ ситуации.

— Но ты можешь об этом только вспоминать.

— Могу вспоминать, потому что ситуация влияет на мысли. Но и мысли влияют на ситуацию.

— Но она уже прошла?

— И прошла, и существует всегда.

— Как всегда?

— Она теперь не исчезнет.

— Она уже исчезла.

— И прошлое исчезло?

— Да... Но ты мыслишь сейчас, а ситуация в прошлом.

— Во-первых, ситуация продлена в «сейчас», раз я о ней

думаю. Во-вторых, ты забыл, что мир идей вне времени. Сам учишь этому студентов.

— Учу же по Платону.

— А я практикую по Платону.

— Конечно, ты же сам —

Платон. (смеемся) Эдак все, кому не лень, будут изменять прошлое.

— Все так и делают. Только малоэффективно, потому что неумело и несистематично.

— Но это же... хаос.

— Не волнуйся. Мир — самосохраняющаяся система. Иначе он бы не просуществовал так долго.

— Тогда другая опасность. Пытаясь изменить прошлое, человек может разрушить себя, становясь

«поперек» потоков мира.

— Это обязательно напиши.
Лучше не практиковать, чем практиковать неумно.

— А что же делать?

— Каждый решает сам.
Большинство — молятся.

— А исправляя будущее, нужно поворачиваться вправо?

— Непринципиально. Важно, чтобы соответствовало твоей концепции времени.

Рецепты Шамана

Некоторые из изложенных ниже рекомендаций разбросаны в диалогах, но удобнее читать их собранными в одном. К рекомендациям Шамана я отношусь очень осторожно. Здесь начинаю описывать только те, которые опробовал сам, или сам видел, как это делают другие.

Подсвечник в палатке на снегу, в грунте

Много раз видел, как в палатке люди опрокидывают свечу из-за простого движения полога. Устойчиво свечу поставить просто.

Берется относительно ровная палка, чурбачок. Один конец заостряется, этим концом палка втыкается в снег (в землю). Второй конец расщепляется накрест двумя надрезами. Расщепы расширяются на нужную ширину вставляемыми щепочками. В центр вставляется свечка.

Ложка, половник и блюдечко на побережье

При отливе всегда можно найти створки мидии или гребешка почти любого размера. Нужная створка вставляется в расщепленный конец палочки, ветки, который заматывается ниткой (леской, жилкой, проволокой, вязкой)

нитью и пр.) Ложка или половник готовы.

Крупные створки могут служить блюдами и, при необходимости (если забыли), рюмками или чашечками.

Шланг из пластиковых бутылок
Северо-Восток России —
гористая местность с большим количеством осадков. Как правило, ручьи стекают к океану с крутых прибрежных склонов. Место для постоянной стоянки выбирается недалеко от ручья, но часто именно у самого ручья стоянку не поставишь из-за особенностей рельефа местности. Воды же иногда требуется довольно много для чистки

и варки рыбы, крабов, грибов, мытья посуды, стирки и пр. В XX веке воду приходилось носить на себе. Сейчас ситуация изменилась.

В последние годы шторма выносят на берег много пустых пластиковых бутылок. Если срезать у бутылки дно и верхнюю часть, получится полый пластиковый цилиндр. Вставляя эти цилиндры друг в друга (просто руками), мы делаем шланг нужной нам длины (обычно — до 10 м). Ставя такой шланг повыше в ручей, можно направить поток воды в нужное место (где работаешь, куда удобнее подходить, мыться...) Если на зиму вынимать шланг из ручья, то он

получается довольно долговечным. На одной из моих стоянок такой шланг служит уже третий год, и я лишь несколько раз заменял отдельные пластиковые цилиндры.

Увидев такой «шланг» на стоянке, некоторые знакомые стали их делать у себя на дачных участках.

Кремниевый нож, наконечник, скребок

Если нож утрачен или забыт, можно изготовить его из кремния. Присмотревшись к куску кремния, увидите, что от него можно откалывать тонкие пластины. Этому человек обучается за несколько проб. Лучше всего наносить удары сверху вниз, используя отжимник из

металла (например отверточку), кости или кусочка кремния.

Древние умельцы могли откалывать тонкие (2-3 мм) пластины длиной до 30 см. Для изготовления временного ножа длиной 5-10 см такого большого умения не требуется.

Следует быть осторожным, так как пластинки иногда получаются очень-очень острыми. Если есть возможность, оберните чем-нибудь тот край, за который держитесь. Учитывайте, что каменный нож более хрупок, чем металлический.

В случае крайней нужды короткие кремниевые пластины можно использовать как

наконечники для дротика или стрелы. Наконечник устанавливается в расщеп древка. Затем расщеп обматывается крепкой нитью (скотчем, лейкопластырем, изолентой, проволокой, жилами животного, крепкой водорослью, распущенной нитью каната или троса, или другим подходящим материалом). Чуть побродив даже по самому дикому побережью, вы всегда найдете вынесенные морем обрывки сетей, канатов и пр.

Растительная пища и витамины зимой, весной, в начале лета и осенью на Колыме и Чукотке

В Магадане снег лежит, бывает с середины сентября до конца мая.

Конечно, когда появляются жимолость, голубика, морошка, брусника, шиповник, смородина и другие ягоды, витаминные добавки становятся ненужными. Но в снежный период и еще недели две-три — зелени очень мало и кажется, что без употребления привозной зелени или витаминов драже может начаться авитаминоз. Аптеки и магазины есть только в населенных пунктах. Как же обходиться большую часть года на побережье, в тайге, в тундре?

На самом деле, в любое время года на Колыме можно найти и пищу, и достаточно много витаминных прибавок к пище. Шаман

рассказывал очень много, но я опишу здесь лишь те, что попробовал сам. Начну с тех продуктов, которых у нас «навалом», постепенно переходя к более редким. Большинство из этих растений есть и в других областях, но там другая частота их встречаемости. Следует также учесть, что в центральных районах страны далеко не все папоротники и хвощи съедобны, есть и ядовитые.

1. Кроме шишек съедобны молодые ростки и завязи шишек кедрового стланика. Если есть сахар, то из молодых шишек готовят сироп, просто залив густым сахарным раствором.

Примерно в середине июля

стланик «пылит» (дает пыльцу), иногда настолько много, что на одежде при прохождении через кусты появляются желтые полосы.

Пыльца стланика является биологически активным веществом, которое можно в небольших количествах добавлять в чай или в другую пищу.

Общеизвестен витаминный настой из стланиковой хвои, который можно готовить круглый год: нарезанную хвою заливают кипятком, закрывают и оставляют на ночь. Готовить большое количество настоя не нужно, так как его полезно употреблять только свежим (в первые сутки— двое).

2. Весной и в самом начале лета молодые побеги и почки лиственницы съедобны. Небольшие количества можно есть прямо на ходу.

В экстремальной ситуации (голод) зимой можно воспользоваться способом коренных народов Севера: со спиленного ствола лиственницы снимают кору и соскабливают твердый белый слой (некоторые считают, что это — затвердевший сок). Его крошат, варят и едят.

3. Почки ольхи легко доступны зимой и съедобны. Много их не съешь, так как они безвкусны и «вяжут». Но несколько почек в день

значительно витаминизируют рацион. В экстремальной ситуации (голод) помогают дольше сохранить бодрость.

Пыльца ольхи является биологически активным веществом. В любое время года можно ставить у окошка в воду несколько веточек ольхи с шишечками. Очень скоро появятся знаменитые длинные ольховые сережки, переполненные пылью. Пыльца легко сбивается и собирается на лист бумаги, пакет, блюде. Пыльца имеет горький вкус, поэтому для профилактики достаточно употребить раз в сутки пыльцы с одной сережки.

4. Молодые ветви тальника

(ивы) обдирают от коры и обсасывают. В соке много витаминов, он имеет чуть сладковатый привкус. Дети во всех пионерлагерях (детских лагерях) Колымы знают это.

5. Листья и почки березы и свежие, и сухие можно использовать круглогодично для приготовления витаминного настоя (чая).

Березовый сок и витаминный, и питательный продукт. Его можно собирать на побережье, как только сойдет снег. Если сок выпаривать на слабом огне, можно получить очень сладкий сироп. В экстремальной ситуации (голод) снять кору, сделать отверстие и высасывать сок. После, отверстие следует плотно заткнуть и

замазать.

6. Листья брусники можно употреблять для чая в любое время года. Под снегом и до середины лета хорошо сохраняются ягоды брусники. Ягоды брусники, кроме общеизвестных свойств, обладают еще одним очень ценным свойством — брусника не портится. Для создания витаминного запаса на зиму, кроме общеизвестных способов (при отсутствии сахара), можно предложить еще один — просто выложить бруснику слоем в одну ягоду для просушки. Или, так как бруснику мы собираем в сентябре, просто заморозить.

7. Молодые, еще красные побеги

иван-чая можно использовать для салата, солить или мариновать. Из высушенных корней иван-чая можно натолочь муку и печь лепешки. Цветы и листья используются для заваривания чая. При нужде можно есть сердцевину взрослого стебля и очищенные корни.

8. Общеизвестны способы приготовления салата из листьев, стеблей и цветков молодого одуванчика. Салат из одуванчика немного горчит, поэтому можно использовать традиционные способы уменьшения горечи (вымочить в соленой воде, облить кипятком). В пищу также можно использовать корни одуванчика.

9. Веточку багульника можно вскипятить в чайнике (котелке), что придаст чаю приятный вкус. Использовать небольшое количество багульника.

10. Чай из свежих листочков голубики.

11. Цветки ромашки также используются для приготовления витаминного чая.

12. Дикая петрушка съедобна в любом виде с начала июня до конца августа.

Сушеную добавляю во все, что готовлю, как обыкновенную петрушку. Также наблюдаю, как магаданцы собирают ее мешками.

13. Мокрец обычно растет на

огородах, но можно его встретить и в лесу во влажных местах. Стебли и листья можно употреблять в салат в больших количествах или варить.

14. Кроме ягод морошки можно использовать молодые листья в небольшом количестве для салата. Чашечки и листья также можно добавлять в заварку.

15. Кроме ягод шиповника в пищу можно употреблять лепестки цветов шиповника.

16. Листья (молодые и средние) и молодые побеги смородины (черной и красной, свежие и сушеные) употребляются в составе чая в любое время года. Считается очень эффективным средством

против авитаминоза (цинги). Ягоды смородины тоже можно сушить, но, в отличие от брусники, на железном листе на печке или в духовке.

17. Чай из почек тополя.

18. Из листьев, стеблей и бутонов молодого клевера (до цветения) можно делать салат. На более поздней стадии все растение (кроме корней) можно варить или жарить.

19. Папоротник в окрестностях Магадана собирают с десятых чисел почти до конца июня (если лето холодное). В более позднее время можно собирать свежий папоротник возле ледников. Обычно в пищу употребляется молодой росток

папоротника с нераскрученным завитком. Свежий папоротник жарят, как грибы с теми же предосторожностями. Считается, что папоротник богат белком.

20. Нетипичной (очень питательной) пищей являются жареные или печеные молодые колоски молодого хвоща. Хвощ, как и папоротник, быстро приедается. После схода снега можно есть клубеньки хвоща или варить их как картофель.

21. Листья и молодые стебли пастушьей сумки съедобны.

22. Длинный щавель (конский) можно есть в сыром виде или использовать для приготовления

супов и бульонов.

23. Вареные молодые листья подорожника употребляются для салатов и гарниров.

24. Дикий горошек (мышиный горошек) растет почти везде на Колыме и съедобен, как и обыкновенный горох.

25. Дикий лук (лук прямой) употребляется в пищу просто как лук.

Кроме того, его цветки съедобны.

26. Ягоды можжевельника (зеленого, синего и черного цвета в зависимости от года созревания) можно найти в любое время года, так как они созревают несколько лет. Их

можно жевать или заваривать.

27. Чай из сушеных листьев малины.

Приложения

Вариант помощи при невротической импотенции

Браконьерский мир тесен (или «слой тонок»). Все из бригады Кузьмы слышаны о моих друзьях, с которыми мы работали еще летом 1972 и 1973 года. Послушать бригаду, так мои друзья с тех пор стали чуть ли не живыми легендами браконьерского мира. Из-за этого браконьеры и ко мне вначале отнеслись с большим пиететом, думая, что я имею такой же статус в

своём мире среди психологов. Мои объяснения того, что статусы психологов расставляются в Москве, а не в Магадане, на них не действовали. Лишь дни совместной изнурительной работы и редкие «банные» субботние вечера с выпивкой постепенно «сломали барьеры».

Когда рыбы мало, браконьеры не спеша занимаются различными хозработами, по вечерам часами рассказывают за чаем всевозможные истории и мифы из их бурной жизни. В бригаде уверенно считали (прямо знали), что месяцы интенсивной физической работы в холоде, воде, железе и рыбьей чешуе отрицательно

вливают на мужскую потенцию. Я не придавал этому мифу большого значения пока двое (по отдельности) не пожаловались мне на проблемы потенции в городе и не попросили помощи.

Должен объяснить, что быт и нравы браконьеров в буквальном смысле слова круты даже для сегодняшних жестких времен. Приведу лишь один пример. В первые дни сезона в бригаде завелись лобковые вши. Выяснить, кто притащил их из города, не стали. Справились уникально просто, не беспокоя такими «пустяками» Шамана. Все обрили. Каждый обильно опрыскал себя во всех

потенциально опасных местах из баллончика дихлофосом. Также были опрысканы постельные принадлежности и вся одежда. Через десять минут все вымылись с мылом и этим закончили решение проблемы. Кожа была покрасневшей несколько часов. Запах дихлофоса стоял в жилом отсеке весь сезон. Никто кроме меня не замечал.

Таким же образом (прямо и радикально) бригада решает возникающие иногда проблемы (с потенциальными конкурентами в своем районе, с недобросовестными перекупщиками и пр.) При этом рыбаки весьма бережно относятся друг к другу, легковерны,

чувствительны и внушаемы. Вынужденная жесткость жизни порождает у некоторых внутреннее напряжение, разряжающееся уже в городе проблемами и неудачами, в том числе и в сексуальной сфере.

Физиологической проблемы не было. Здоровью этих мужиков мог бы позавидовать железный лом. Как психолог я прекрасно видел классический невротический круг: давно не видевшие женщин и поверившие мифу о снижении потенции рыбаки тревожатся, боятся, что не получится. Чем больше тревожатся, тем хуже получается. Чем хуже получается, тем больше тревожатся... Видеть-то видел. Но

также видел, что моими «коронными» методами когнитивной и рациональной терапии здесь помочь не удастся. Явный сильно действующий субкультурный миф и люди, больше привыкшие действовать, чем рассуждать. Посоветовался с Шаманом.

Метод, предложенный Шаманом, был не менее прост и эффективен, чем стилевые методы бригады. Он предложил не бороться с неверным мифом, а дополнить его. С нашим дополнением миф звучал так: «Месяцы интенсивной физической работы в холоде, воде, железе и рыбьей чешуе отрицательно влияют на мужскую потенцию. Но

если в это время и в первые дни в городе делать специальную гимнастику, потенция, наоборот, накапливается».

В «специальную гимнастику» (20-минутный комплекс) я включил тонизирующие и общеукрепляющие упражнения из йоги, каратэ, чукотских танцев и придуманные мною упражнения на укрепление сфинктерных мышц. Занимались по три — четыре раза в неделю все, кроме Кузьмы, который и так уникально уверен в себе.

В тот год браконьеры подарили мне бочонок икры.

Катамнез: и до сих пор считают себя суперменами. Иногда мне что-

то рассказывают о своих «подвигах», забыв уже, кто их научил «секретам».

Неизбежность опасности прогресса

Интеллект не развивается без решения проблем, как тело не развивается без физической нагрузки. Обычно проблемы сами находят нас. Если они усложняются, интеллект развивается сильнее, если нет...

Но что происходит, если в какой-то период жизни проблемы решены? Человек или «лежит на боку» и деградирует, или ищет новые

проблемы — путешествует, враждует, строит и т. п. И если проблемы настоящие, рискует по-настоящему.

Интеллект и решаемые проблемы всегда находятся на грани: на острие возможностей по отношению друг к другу. Так же и интеллект человечества. Если люди отступят перед какой-то проблемой, начнется деградация, если нет — создаются все более сложные проблемы (сегодня — экологические, геоклиматические, геополитические), увеличивается риск. И никогда нет гарантии решения.

Таким образом, именно интеллектуальное развитие человека

(и человечества) ведет его к все новым проблемам и опасностям, требует этих проблем и опасностей для развития. Другого пути нет. Рефлексия, возможно, позволит сделать этот процесс, который ни в коем случае не должен останавливаться, более гармоничным.

Еще о состоянии Шамана

Вечером 2 июля 1998 года позвонил друг. «Володь! А-аби-да какая!» — кричал он высоким от волнения голосом в трубку, слегка заикаясь.

Весь прошлый сезон друг строил избушку на полуострове Кони. Перевозил морем бревна, сам выволакивал их на высокий берег, в одиночку поднимал на стены. Потратил уйму времени, денег и энергии. Весной и в начале лета он по разным обстоятельствам не мог пожить в своей избушке. Наконец, в начале июля выбрался.

Когда, заглушив мотор и вытянув его в лодку, он стал подгребать к берегу, оттуда раздались предупредительные выстрелы. «Вали отсюда! Здесь наша территория!» — кричали с камней двое мужчин. Когда друг все же попытался высадиться, они прострелили борт

лодки.

Взяли ружья и пошли в пятницу вшестером на двух «Прогрессах». Высадились с двух сторон в паре километров от избушки, подошли к ней одновременно. Мужиков и было всего двое. Они не решились с нами конфликтовать. Извинялись, обещали больше не появляться. Не верилось, но и не закапывают же за такое?

Друг врезал им пару раз уже без злобы, и «захватчики» ушли в горы.

Первые две ночи мы дежурили по очереди, потом надоело. Целый день гонялись за горными баранами. Я кстати, мог бы пару раз барана «снять», но не стал. А тем, кто стал бы — не везло. Вечером, выйдя на

лодках из-за мыса, увидели, как ярким костром полыхает наша избушка.

Заглушили моторы и некоторое время смотрели на пожар молча. Слышен был лишь отдаленный крик чаек и плеск волн о борт лодки.

«Красиво как» — вдруг произнес друг, и я с удивлением глянул на него. Друг с замороженным выражением лица, не отрываясь, смотрел на берег. Две линии берега с огоньками пожара качались вместе с волною в его зрачках. Я снова глянул на берег и увидел «глазами друга» фантастически прекрасную картину. На фоне темно-зеленых вечерних гор, оранжевых бликов солнца на зелено-

синей воде и розовых закатных облаков пожар на взгорье казался живым ярким цветком. Цветок достиг апогея своего расцвета и качался на грани пика жизни и начала увядания. Он отчаянно пытался выбрасываемыми вверх лепестками найти источники жизненной силы, чтобы не уходить из этого нереально прекрасного мира. Безднадежная, но неистовая борьба-цветение продолжалась на наших глазах минут десять, после чего пожар начал медленно спадать. Еще гудел огонь, и вздымались иногда отдельные языки пламени, но исход был ясен.

Друг погоревал, потом забыл. А

я до сих пор, глядя на него, вижу в выражении его лица отсвет завороченности, которая ведет его по жизни.

До встречи с Шаманом думал, что это врожденный дар. Но то, что у друга мелькнуло на минуты и пропало, у Шамана есть всегда. Он предельно спокоен, собран и навечно очарован прекрасным, огромным, разнообразным и бесконечным во временах и пространствах мире. Шаман сказал, что он научился этому. И я когда-нибудь научусь.

Интервью «Российской газете» (№ 25, 02.06.2004)

Владимир Серкин — профессор, возглавляет кафедру психологии в Северном международном университете в Магадане, опубликовал более 80 научных работ. Серкин — человек в Магадане известный. Но популярности на Севере и за его пределами ему добавило еще одно немаловажное обстоятельство.

Так случилось, что в 1997 году он случайно начал общаться с

человеком, которого местное население называло шаманом. Владимир строил охотничий домик в месте, достаточно отдаленном от города. Единственным человеком, живущим "неподалеку", был шаман, землянка которого находилась в двух часах ходьбы от домика. Результатом этого общения стала книга "Хохот шамана". Ее дважды переиздали в Магадане, а в этом году небольшим тиражом выпустили и в Москве. Презентация книги в столице прошла в Манеже незадолго до того, как он сгорел. А автора — Владимира Серкина — критика окрестила "русским Кастанедой", потому что его книги по аналогии с трудами

Кастанеды состоят из диалогов с человеком, живущим в другом измерении.

До встречи с Владимиром, читая его книгу, я нарисовала в своем воображении портрет эдакого старичка профессора, чем-то похожего на магаданского помора. Но когда мы увидели друг друга, я была поражена тем, как он молодо выглядит — лет на 37 — и первое, что спросила:

— *Сколько вам лет?*

— Сорок восемь.

— *Мне показалось, что человек, который писал книгу, старше.*

— Но я в душе старше. Даже своих 48 лет.

— Меня в книге привлекло место, где вы пишете про шамана: мол, он в том возрасте, когда национальные черты уже стираются, и непонятно, сколько ему лет: ему можно дать от 45 до 60. Он что, вам открыл секрет управления возрастом?

— Он просто живет, какой уж тут секрет.

— Тогда почему вы написали — "человек ли он вообще". Он что — дух, сверхчеловек?

— Это сложно пока объяснить. Я пытался, но пока не понимаю, как писать. Шаман сравнивает человеческую жизнь с волной. То есть речь идет об энергии. Человек,

как волна энергии, и это гораздо
главнее, чем человеческое тело.
Человек — это самосохраняющийся
вид энергии, замкнутое
пространство. А если он
противоречит своей энергии, своему
образу, то он, естественно, сам себя
разрушает, стареет, слабеет. Шаман
так долго живет потому, что он
хорошо осознает свой
энергетический образ. И поэтому
может его воссоздавать.

— *Еще перед тем как
встретить шамана, вы писали
диссертацию, посвященную
исследованию "невроза отложенной
жизни". Что это такое?*

— Когда человек считает, что

сейчас он еще не живет, а лишь готовится к настоящей жизни, которая наступит потом, когда он создаст условия. Иногда такой сценарий длится достаточно долго — человек планирует, как переедет в Москву, купит квартиру, машину... Это может тянуться десять, пятнадцать лет, а у некоторых занимать и всю жизнь. В результате человек не решает насущных жизненных проблем. И начинает себя вести как невротик, который от нормального человека тем и отличается, что тот стремится проблемы решать, а невротик их откладывает, объясняет и так далее. А когда груз нерешенных проблем

несколько лет, общаясь с ним, вел записи. Раньше думал, что буду их разбирать и сопоставлять с известной мне литературой. Но потом посмотрел, что многого из того, что я записал, вообще нет в мировой литературе про шаманов. И я даже понял, почему: все наблюдали шаманов со стороны, а я-то с ним жил. Не все время, но три года. И хотя я занимался маленькими практиками, а не основными, но получилось такое включенное наблюдение. Поэтому и материал получился уникальный.

— Но у Кастанеды, который написал 12 книг, в которых он описывает свое общение с

шаманами индийского племени яки, тоже такое включенное наблюдение.

— В некотором смысле да, но там же другой пейзаж.

— *А про Кастанеду — это был пиаровский ход для раскрутки книги или вас действительно так называли?*

— Почему? Впервые меня так называли в "Огоньке", где публиковали отрывки из книги. Хотя меня раздражает, когда меня называют "русским Кастанедой". Думаю, что сравнили для того, чтобы определить жанр. У Кастанеды тоже есть учитель и ученик, но Кастанеда — антрополог, а я — психолог. Хотя это сравнение, на мой взгляд, лобовой ход, абсолютно мешающий

настоящему пониманию. У нас абсолютно разные концепции мира, разное отношение.

— *Вы говорите о практиках, которым вас научил шаман и которыми вы пользовались. Что имеете в виду?*

— Только бытовые вещи — рыбу ловить, птицу, тропу искать, оленя догонять. Шаман может поставить ловушку, над водой пошептать, и там будет полным-полно рыбы, он может посвистеть, и все комары улетят из землянки, он может пошептать, и мыши, которые завелись, тоже уйдут.

— *А лечить?*

— Лечить — побочные эффекты. Я просто подсказывал

людям некую оптимизацию поз, жестов, обустройства рабочих мест. И получалось, что у них проходили боли, исчезали симптомы той или иной болезни. Люди решили, что это — лечение, хотя здесь никакого лечения нет.

— Меня в книге "зацепило" место, где шаман говорит о значении бубна: "Большинство болезней происходит из-за рассинхронизации человека с его миром. Танец и песни с бубном помогают человеку снова синхронизироваться".

— С бубном все гораздо сложнее, чем я написал. Бубен можно купить и в Москве, но это будет

просто барабан. Когда настоящий шаман готовит бубен, он делает его с привязанностью к той местности, где собирается работать. На бубен накладывается карта местности и карта звездного неба. И когда неба не видно, то шаман все равно видит его на своем бубне. У них же образное мышление. Он может держать по бубну, то есть по звездному небу, направление, может предсказывать погоду. Это я еще подробно не описывал. И вообще это нигде не описано.

— *А охота на оленя с точки зрения чувства ритма?*

— Шаман научил меня тому, как древние чукчи убивали оленя без

стрел. Человек бежит ритмично — и все. А олень — он пробежит немного и остановится, поэтому выдыхается гораздо быстрее, чем человек, который бежит равномерно и держит дыхание. Поэтому, если у охотника ноги и легкие здоровые, то он загоняет оленя насмерть. Олень ложится, а охотник подходит к нему и убивает. Охотник не выносливее, не быстрее, а просто ритмичнее, чем олень. Шаман часов пять-шесть бегал за оленем. Он учил меня упражнениям на ритмичность.

— *Вы можете загнать оленя?*

— У меня другое мировоззрение. Я не охочусь на оленей. Если, конечно, вопрос жизни

и смерти встает, то, наверное, могу. А так — зачем это делать?

— *Вы не до конца ответили на мой вопрос: что изменилось в вашей жизни после общения с шаманом?*

— Я стал гораздо спокойнее. Мне давние знакомые говорят, что я вроде как моложе стал. Но это трудно связать и объяснить. Сменились приоритеты, и это тоже тяжело объяснить.

— *Какие сейчас приоритеты?*

— Вот я тоже в книжке писал — о прикормленной норке, есть у меня такая недалеко от Магадана. Если раньше в выходные, думая о делах, я решал, чему отдать предпочтение — престижной социальной работе или

кормлению норки — то сейчас у меня и сомнений нет, что надо сходить покормить зверька, потому что он живой, а все эти социальные вещи — они неживые.

Потом стали появляться и другие мысли. Вот у нас много борются за права меньшинств, женщин, угнетенных народов или обиженных людей. Я думаю, что в конституциях будущего должны быть четко прописаны права минералов, растений, животных. То, что мы делаем сегодня, — это произвол. Окружающая нас среда абсолютно бесправна по отношению к нам.

— *А кто будет следить за соблюдением этих прав, если за*

правами человека не очень-то следят?

— Вообще-то природа следит сама за всем. Но здесь следить в основном будут сами люди. Если человек ведет себя негармонично, он очень быстро разрушается. Это нам доказывает, что окружающий мир следит за своими правами. Ты его разрушаешь, он тебя разрушает. Ты его бережешь, он тебя бережет.

— *Шаман* — сегодня тема конъюнктурная. Вы думали об этом, когда писали?

— Да я живу далеко, ко мне никто не приезжает — чего я буду думать об этом. А уж если приедет...

— *Каково было отношение*

шамана к тому, что вы пишете книгу о нем?

— Ему было все равно. Лишь бы на него прямого указания не было. Да и мне тоже. Я начал это в середине девяностых. Какая конъюнктура? Я вообще-то участвовал в выборах и губернаторов, и депутатов Госдумы, и даже еще депутатов последнего Верховного Совета. В этом смысле насчет пиара и конъюнктуры я соображаю. Если бы я хотел сделать конъюнктуру, то я бы сделал. Постепенно, конечно, информация расходится. Но найти меня трудно, если я этого не хочу.

— *В моем представлении шаман*
— *это не только тот человек,*

который лечит. Шаман — может быть синонимом слова колдун. То есть тот, который держит и берет на себя всю духовную жизнь своего племени.

— Я поясню. Шаманизм — это наиболее древняя из известных нам форм религии в истории человечества. Памятники шаманизму сохранились с тех пор, когда ни о какой развитой религии говорить не приходилось. Потом религии развивались и приобрели что-то новое по сравнению с шаманизмом. Но в то же время по религиям идет такое разделение мира: есть неверные, а есть — правильные. В этом смысле шаманизм был

интегральным учением, объединяющим все, а религии усилили частное, но потеряли общее. Для меня шаман — это человек, который это общее держит, понимает, живет в этом. В то время как религии держат только часть целого.

— *Что шаман думает про отношения мужчины и женщины? Вы в книге ему задаете вопрос: "Где твоя любимая женщина?", он отвечает: "Она всегда со мной". Поясните это.*

— Это тоже я не описывал. Чувство любви между мужчиной и женщиной создает обоюдную энергетику. Это знакомо многим.

Мои знакомые старые люди говорят: "Пока мы вдвоем, нам не страшно, мы себя хорошо чувствуем. Но мы боимся, что кто-то из нас умрет раньше, и тогда второй быстро разрушится". Почему? Потому что создали совместное целое. А когда шаман говорит про любимую: "Она здесь", он имеет в виду, что совместное целое сохраняется. Он с ней общается. Она с ним тоже. Хотя он это не афиширует, но я так это понимаю.

— *Как повлиял шаман на вашу личную жизнь, на работу?*

— Отношения с близкими, с родней стали душевнее. В работе я в некоторых аспектах стал мягче, а в

некоторых — жестче. Я заведующий кафедрой, всегда чувствовал ответственность за людей. Я им помогал без разбора и прощал без разбора. Через несколько лет после общения с шаманом я перестал это делать, потому что помощь и прощение без разбора не растят человека, а развращают. Хотя я и прежде это знал, но до конца это понял, именно общаясь с шаманом.

Я стал думать о том, чтобы отношения со мной вели человека не столько к материальному благополучию, сколько к душевному. У меня сменился набор студентов, которые пишут дипломные и курсовые. Потому что я, как

завкафедрой, наверное, больше всех из преподавателей демонстрировал успех, насколько вообще для студента может быть успешен преподаватель или ученый. И ко мне шла такая категория студентов — старательные, хорошие, но при этом желающие научиться какому-то социальному успеху. Сейчас наряду с ними ко мне идут студенты, которые хотят развивать свою душу. И я сам стал их выделять и внимательнее к ним относиться.

— *То есть, гуру и ученики?*

— Нет, преподаватель не может и не должен быть гуру. Я всегда говорю студентам, что ваша первая задача после диплома — это

психологически от нас освободиться.

— Почему северные народы в своей книге вы называете эвелнами? Я вообще не слышала о такой народности, вот про эвенков знаю.

— Это — собирательный образ. Есть эвены, есть эвенки, а эвелнов нет. Это как в "Земле Санникова" — ангелоны. В первом издании я писал эвены, но когда вышла книга, то чукчи, коряки говорят: "Это ж ты про нас писал, а почему ты нас назвал эвенами?" Ну и со второго издания я стал писать эвелны, чтобы никто не обижался.

— Вы много времени проводите в лесу. Мне про вас рассказывали, что вы ходите через лес к океану,

посмотреть на него. Идете сутками, по грудь в снегу, спите в землянке, топите там печку. При любой минусовой температуре. И еще студентов с собой берете. Никто из вас не болеет?

— Если человек сильно болеет, он не идет. А если немного, то сходит и придет здоровым.

— При какой температуре вы купаетесь в океане?

— Купаюсь, если есть вода в океане и она не замерзает. Минус два-три градуса. Если человек в такой воде находится дольше четырех минут, он не выживает, перемерзает спинной мозг. Я просто окунаюсь.

— Считается, что в нашей

жизни ничего просто так не бывает. Зачем вам была дана эта встреча с шаманом? Шаман искал ученика и транслятора?

— Вопрос есть, я еще не продумал на него ответ, а надо бы. Шаман отличается от обычного человека как раз тем, что, приобретая новое знание, он не забывает старое. В этом смысле он энциклопедичен. Ведь в чем заключается процесс старения с точки зрения памяти? Мы, получая высшее образование, забываем большую часть школьных знаний. Идем на работу, забываем то, чему учили в вузе. Идем на другую, приобретаем новый опыт, теряем то,

что было на старой работе. Когда человек начинает терять больше, чем приобретать, это уже старение. Шаман для меня уникален тем, что он ничего не теряет: ни опыт, ни знания.

Он еще помнит эсеров. Советская власть не сразу взялась всех расстреливать. Первое время они по царскому методу пытались всех ссылать подальше, а потом, когда обострилась гражданская война и классовая борьба, принялись за жесткие репрессии. Он помнит эти периоды. Учился он в Уссурийске, в артиллерийском училище, — и это он хорошо помнит. И чему учили, помнит. В Хабаровске,

в медицинском, учился — тоже все в памяти. На Северном флоте служил. Интересно рассказывает, как очень долго он стоял в группировке войск на Северном Кавказе. Война шла, а они в полной боеготовности стояли и ждали, вдруг Турция нападет. А наших людей на фронте не хватало. И он все это не теряет.

— *Шаман действительно настолько самодостаточен? Есть ли у него чувство одиночества?*

— Это не передать. У нас в языке терминов нет. Он настолько хорошо и сильно связан с окружающим миром, что неодинок и не кажется одиноким. Он в этом смысле постоянно растворен не

только в окружающей местности, а, возможно, и в более широком мире. Поэтому он никак не одинок. Он переключен на другой уровень коммуникации. Ему достаточно интересно и с людьми, и с животными.

— *К шаману приезжают издалека?*

— Нет, не приезжают. Книжка-то вышла с условием, что я ее издам после его отъезда. Я это условие выполнил, так что к нему никак не доберешься. Ко мне и раньше приходили и знахари, и целители. И даже появлялись люди, которые выдавали себя за шамана. Университет-то один, кафедра

психологии — одна. А я — человек естественно-научной ориентации и всех этих экстрасенсов в Магадане критиковал, гонял. К 1997 году я уже пришел к твердому убеждению, что все они — жулики и шарлатаны. Пока шамана не встретил.

— Вы, отвечая на мои вопросы, говорите про то, что вы не написали. Может быть, хотите сделать еще одно издание?

— Да, я вам рассказал некоторые вещи, которые не написал. Могу еще. Например, не выходя из своей землянки, по изменениям бубна шаман может многое рассказывать о том, что происходит вокруг. Бубен — это весьма

непростая вещь, когда он на своем месте. Мне грустно, что многое невозможно передать — ни языковых средств не хватает, ни других. Занимаясь психосемантикой, психолингвистикой, я прекрасно понимаю, как нарисовать семантическое поле, лингвистическую структуру построить. А что говорить о других людях — трудно все объяснять и понимать.

— *Было бы желание, и можно любую идею проповедовать.*

— Я и не выступаю как проповедник. Я описываю как свидетель. У меня все эти записи лежат в большом ящике из-под

телевизора. Две трети ящика. Я их вытаскиваю, когда есть свободное время, каждую неделю, еще что-нибудь напишу. Хочу написать книжку "Шаман в городе", потому что шаман овладел компьютером и ушел в город на какое-то время.

— *А если с ним не встретитесь больше?*

— Он достаточно много рассказывал о городской жизни и своем отношении к ней. Есть что написать. Но пока лучше пишется другое.

— *Почему книга называется "Хохот шамана"?*

— Потому что у меня первое время выписался такой образ

иронического наблюдателя за мной, за нами. Такой вот хохоток в веках. Сначала у меня его образ был демонизирован — мол, он сидит несколько веков и наблюдает за нами, похохатывает. Потом я отказался от этого. Но, очевидно, первый образ остался и вошел в название. Шамана все представляют как мрачную личность, которая гортанным голосом что-то поет в засаленном чуме, в грязной комлейке, прыгает у костра с сажей и стучит в бубен. И ни о каком юморе речь не идет. А этот человек очень ироничный, веселый. И у меня много раз болел живот от смеха при общении с ним. Так что для меня

было очень большой проблемой, как это передать.

— *В том, что я прочитала, философии много, а юмора — не очень.*

— У шамана своеобразное чувство юмора. Помните, я описываю, как я пришел к нему, пожаловался на аллергию, а он заставил меня прыгать. Суть процесса — от движения кровь разгоняется. Аллергия проходит. Я прыгал, а он улыбался. Но на это не обижаешься — ведь помогает же! И он меня учил и дело делать, и развлекаться: одно другому не мешает. Он считает, что этому полезно научиться не только мне, но

И ВСЕМ ЛЮДЯМ.

Интервью на «Радио Свобода» (2004 г.)

Евгения Лавут:

Гость нашего сегодняшнего эфира — психолог, профессор Северного международного университета в Магадане Владимир Серкин. В 91-м году он создал и возглавил кафедру психологии Магаданского университета, опубликовал более 80 научных работ. В 1997 году Серкин начал общаться с человеком, которого местное население называло шаманом. Результатом этого общения стала книга "Хохот шамана". С

Владимиром Серкиным беседует
корреспондент Радио Свобода
Татьяна Ткачук.

Татьяна Ткачук:

Владимир, как и почему вы,
профессиональный психолог, вдруг
заинтересовались шаманами?

Владимир Серкин:

Как психолог я заинтересовался
не шаманами, шаманами
интересуются этнологи или
социологи, а я заинтересовался
одним человеком. Это произошло в
97-м году, когда я построил дом
достаточно далеко от города,
охотничий домик. И волею судеб так
оказалось, что единственный
человек, которого называют

шаманом в той местности, он жил в своей землянке примерно в двух часах ходьбы от моего домика. А поскольку людей в том районе не то чтобы мало, а вообще нет большую часть года, то мы стали много общаться. Три года я с ним плотно общался.

Татьяна Ткачук:

Вы можете для слушателей "Свободы" его описать — как он выглядит, сколько ему лет?

Владимир Серкин:

Выглядит он: где-то рост 176, вес килограмм 85, он выглядит как ветеран-борец из боевика. Лицо очень обветренное, жесткое. На первый взгляд ему можно дать от 45

до 60. Он на той стадии, когда возраст национальные черты сглаживает. Во что он одет, это как бы немножко портит образ шамана. Последние три года он одевался в то, что я ему приносил из своей городской одежды. Когда он ушел в город, жил месяц у меня, он себе пошил. Кстати, он мог бы хорошим модельером работать рабочей и спортивной одежды, очень функциональной.

Татьяна Ткачук:

Скажите, Владимир, вот вы говорите: "шаман придет, он может появиться". А куда он уходит в промежутках между тем, как вы его видите и имеете возможность с ним

общаться?

Владимир Серкин:

Он мне сказал, что будет жить в большом русском городе и заниматься новыми практиками, которые во времена советской власти были ему недоступны. Когда я спросил, какой? Он сказал: "Я поработаю официантом или открою свой ресторан".

Татьяна Ткачук:

То есть у него есть паспорт, он вполне социализирован, может устроиться на работу?

Владимир Серкин:

Паспорт он себе сделал, пока жил у меня в Магадане. Я почему сказал, сколько ему на вид, я не могу

сказать, сколько ему лет. Знает города очень хорошо. Когда я его спрашивал, он сказал: "Я знаю города лучше тебя. Так же, как я лучше тебя знаю побережье, горы, тундру, потому что я прожил дольше тебя". А мне самому уже 48 лет. Я действительно убедился, что он решает социальные задачи, в том числе те, которые не все люди решают, — делает себе документы, может очень эффективно.

Татьяна Ткачук:

Скажите, Владимир, кто вам вообще сказал, что он шаман?

Владимир Серкин:

Его все так называют.

Татьяна Ткачук:

А, может быть, он сам себя так называет?

Владимир Серкин:

Нет, ему все равно, как его называют. Я его спрашивал, когда я еще интересовался его отношением с браконьерами, откуда такое уважение, он говорил: "Я их иногда лечу и говорю, где что и сколько брать, чтобы они могли и в будущем году работать и через год". "А еще, — говорит, — они меня считают колдуном". Я говорю: "Тебе приятно, что тебя называют шаманом?" "Да хоть горшком назови..." То есть ему это достаточно все равно. Когда я с ним пожил, я увидел, что на побережье, в тайге, в тундре

достаточно много людей бывает или сезонно, или кочуют, они все его знают, он всех знает, и они все его называют шаманом.

Татьяна Ткачук:

Насколько мне известно, исследовать все, что связано с шаманами и с их образом жизни, начали где-то в 19-м веке. Первые исследователи писали, что на них общение с шаманами производило невероятно сильное эмоциональное воздействие. Был один исследователь, который признавался, что он впадал в такое состояние, общаясь с шаманом, что даже не мог писать. Как общение с шаманом действовало на вас?

Владимир Серкин:

Я первоначально его не воспринимал как выдающегося человека или как очень интересного человека, просто как с собеседником общался. Только постепенно узнавая, я понял, что несмотря на то, что я работаю профессором, этот человек знает и может значительно больше меня. И подействовало это на меня так, что я вцепился в общение с ним, стал специально ходить, освоил зимние переходы. За три года, конечно, подействовало так, что я практически полностью за эти три года свою жизнь изменил.

Татьяна Ткачук:

Что вы имеете в виду: "Я

полностью изменил свою жизнь"?

Владимир Серкин:

Если до большого объема общения жизнь была направлена на приоритеты социальные, личность определяется через отношения с другими, на отношения с другими людьми, на связь с другими людьми, человек направлен на самореализацию своей личности. То сейчас я больше думаю не о том, что называется самореализация, а о том, что уже несовременно или еще несовременно, не хорошо звучит в устах научного сотрудника, — на связь со своим духом. Отсюда и приоритеты дела изменились. Если раньше я в выходные, распределяя

дела, думал, чем заниматься — какой-то престижной работой или сходить покормить, — у меня есть норка прирученная недалеко от Магадана, то, скорее, я занимался бы престижной социальной работой. То сейчас у меня и сомнений нет, что надо сходить покормить норку, потому что она живая, а все эти социальные вещи — они не живые, они структурируются в социальном пространстве. Я не отказываюсь, чтобы не сложилось впечатление, что я ушел в сторону отшельничества, не отказываюсь от социальных достижений, они постепенно накапливаются и приобретаются, но они уже не как результат

целенаправленной работы
приобретаются, а как побочный
результат поиска того, что я называю
сейчас связь со своим духом.

Татьяна Ткачук:

Расшифруйте пожалуйста, что
вы вкладываете в эти слова.

Владимир Серкин:

Трудно расшифровать, потому
что, я повторяю, вся современная
психология и вся современная
идеология воспитания человека
направлена на самореализацию
личности. А личность строится из
отношений с другими людьми. То
есть практически человек направлен
на отношения с другими людьми,
или с близкими или с огромным

социумом, если это звезда какая-то. А практически из тех людей, которые сейчас известны слушателям, среди звезд, никто не направлен на связь со своим духом, поэтому я не могу никого в пример привести. Я недавно в Хабаровске курс эзотерики читал в институте психоанализа, и там меня слушатели спросили по поводу одной техники, где нужно успокоиться. Говорят: а что такое "спокойный человек"? Я стал вспоминать всех известных мне знакомых людей, и вдруг сложился гестальд, я вдруг понял, почему они спокойны. Спокойны они потому, что они делают то, что хочет их сердце. Может быть, когда человек делает не

то, что должен, не то, что его двигает к достижению социальных престижей, а то, чего действительно хочет сам, что хочет его сердце, он разрабатывает свою связь со своим духом.

Татьяна Ткачук:

А это не путь к эгоизму?

Владимир Серкин:

Наоборот. Вы знаете, когда пилот ведет самолет, а я иногда лечу из Магадана в Москву 8 часов на ИЛ-86, мне бы хотелось, чтобы он был не столько самореализующейся личностью, сколько он с этой технической системой слился, отрешился от себя для служения другим, для служения этой

технической системе на эти 8 часов. Но если это самореализующаяся личность, он никогда не отрешится полностью для работы с системой. С этим, кстати, связаны многие современные техногенные катастрофы, слишком много техногенными системами управляют не посвятившие себя хотя бы на какое-то время служению, а люди, посвятившие себя развитию личности. Поэтому они не могут сейчас отдаться взаимодействию с системой технической. А человек, который актуализирует связь со своим духом, он, соответственно, все делал так, он в какие-то периоды времени чему-то себя посвящает. И

поэтому, конечно, он меньше будет отвлекаться на побочные эффекты. Раньше таких людей было больше, поэтому техногенных катастроф было меньше.

Татьяна Ткачук:

Если вернуться к шаману, с которым вы общались. В прежние, в старые времена главными функциями шаманов были промыслы, обеспечение удачи в охоте, в рыболовстве, лечение больных, предсказание судьбы. Все это было для членов своего рода. Сейчас, когда их остались единицы, и этот шаман, с которым вы общались, он живет один, в чем сейчас смысл, суть его

существования?

Владимир Серкин:

Я вам один конкретный случай расскажу. В эскимосском селе в начале 20 века, когда было много зверя, охотники собирались в общественную ярангу, сидели там и ничего не делали. Приходил шаман, а соплеменники его называли в полушутку, полувсерьез "вечно бодрствующий", и начинал на них орать: "Хватит сидеть, идите, добудьте чего-нибудь на обед". Общину никто не организовывал, выводил общину из сферы индивидуальных интересов шаман — в этом была его главная функция. Об этом нигде не написано.

Татьяна Ткачук:

Но нужно ли для этого уметь выходить на связь с духами, чтобы просто технически организовать общину так, чтобы люди ушли на охоту?

Владимир Серкин:

Иначе было невозможно. Слушали того человека, который имеет связь с прошлым, связь с будущим, связь с предками.

Татьяна Ткачук:

То есть в любом случае — это лидер и авторитет для своего племени?

Владимир Серкин:

Нет, шаман — это не вождь племени. Представьте себе, что

сорок человек живут среди заснеженной тундры и обледенелого берега, где льды уходят на многие километры. В течение полугода они никого не видят. Но они не одиноки не потому, что есть радиосвязь, ничего такого нет и не было, и непредставимо, а потому что шаман, через которого они поддерживают связь со своими предками, связь со своими потомками и связь с другими людьми за пятьсот, за тысячу километров от них в таком же маленьком поселке на побережье или стойбище. Вот в чем была главная функция духовная шамана. Конечно, он и лечил, и искал пропавших, нес ритуалы и

культурные традиции, но главная его была функция в том, что именно благодаря ему вот эти сорок человек 9 месяцев в году в полярной зиме были не одиноки.

Татьяна Ткачук:

В 20-30 годы прошлого столетия были довольно сильные и резкие гонения на шаманов, изымались их костюмы, ритуальные предметы. Как вы считаете, в принципе шаманизм можно запретить, отменить?

Владимир Серкин:

Это невозможно, потому что они все равно будут появляться. Есть такой термин — "шаманская болезнь". Скажем, человек взрослый, 45 лет, социально успешный, уже

дети взрослые и тоже социально успешные. Его начинают преследовать духи и склонять к тому, чтобы он занялся шаманизмом, необязательно в традиционном смысле. Причем человек, живущий в современном поселке городского типа. Он с этим несколько лет борется, от этого тяжело болеет, но, в конце концов, начинает заниматься шаманизмом.

Татьяна Ткачук:

То есть они возникают до сих пор новые и новые?

Владимир Серкин:

Не до сих пор, они всегда возникали и, наверное, будут возникать.

Татьяна Ткачук:

Владимир, а правда, что женщинам в роду не передавались шаманские принадлежности и предметы, на женщин рода не переходили эти функции, потому что считалось, что женщина может выйти замуж за представителя другого рода и уйти. И есть ли сегодня женщины-шаманы?

Владимир Серкин:

Сегодня есть женщины-шаманки. Другое дело, что есть мужские линии шаманские, а есть женские, они, как правило, не пересекаются. По женской линии передается женский шаманизм, по мужской — мужской.

Татьяна Ткачук:

Вам что-нибудь известно о том, что шаманы используют техники, которыми они владеют, для того, чтобы раскрыть или попытаться раскрыть тайны так называемых аномалий, НЛО, каких-то следов древней цивилизации и так далее?

Владимир Серкин:

Я говорю об одном шамане, он использует определенную технику, как он мне говорит, для того, чтобы проникнуть, например, в мир древних людей. Техника простая, по звучанию она не простая, а по исполнению он делает то, что делали они, не подражает, а изготавливает, например, он делает лук и стрелы

именно так, как это делали они. Я объяснить это не могу, хотя сейчас я понимаю. Он очень много знает о мире древних людей, гораздо больше, чем наши археологи.

Татьяна Ткачук:

Как ваши коллеги-психологи, ваши друзья, может быть, люди других профессий отнеслись к тому, что вы вошли в такую тесную связь с шаманом, еще и книгу об этом написали?

Владимир Серкин:

Магадан — город маленький, есть какая-то у меня репутация, поэтому в основном все отнеслись хорошо. А как в Москве отнесутся — я не знаю. Возможно, многие сочтут,

что это совершенно ненаучно. Хотя я описывал то, что видел, какие разговоры вел.

Татьяна Ткачук:

Владимир, вас сейчас называют русским Кастанедой, я знаю, что вы спорите с этим. Кастанеда написал 12 книг, в которых он описывает свое общение с шаманами индийского племени Яки. Говорят, что для того, чтобы изучить шаманизм, нужно на это положить всю жизнь. Ваш интерес с написанием этой книги иссяк?

Владимир Серкин:

Все-таки я с Кастанедой бы поспорил, если вы позволите. И там, и там идет диалог, но

родоначальником стиля является не Кастанеда, а Платон, он первым описал свои диалоги с Сократом. Если читать Кастанеду, то сходство с Платоном разительное. И мои тексты ближе к Платону, чем к текстам Кастанеды. По концепции Дон Хуан у Кастанеды считает, что мы воспринимающие существа, а шаман считает, что мы творящие существа. По многим практикам Кастанеды человек, находящийся в одном состоянии сознания, в принципе не может вспомнить того, что с ним было в другом состоянии сознания. По практикам шамана это прекрасно возможно, потому что хотя человек не помнит того состояния и тех

действий, он имеет всегда результаты своих действий, он что-то делает.

Я с нетерпением жду, когда шаман вернется, и что я много нового и интересного для себя и для других услышу. Что такое одна книжка, когда у меня 12 ящичков записей? Я их сейчас не могу опубликовать, потому что идеи, на мой взгляд, есть не принадлежащие человеку. Шаман связан с многими существами не нашего мира.

Татьяна Ткачук:

С вашей точки зрения, шаманизм — это философия, это религия, это что-то третье?

Владимир Серкин:

Это, скорее, образ жизни. В нем

есть то, что мы сегодня называем философией. Что касается религии, то шаман употребляет термины "дух местности", "связь со своим духом", но ни к одной религиозной концепции я его мировоззрение, его образ мыслей отнести не могу.

Татьяна Ткачук:

Вы как ученый, в данном случае, действительно верите, что он общается с духами?

Владимир Серкин:

Я видел необычные вещи, которые он делал, и своим глазам я верю. Например, он может поставить ловушку, над водой пошептать, и полная ловушка рыбы набьется. Он может посвистеть, и все комары

улетят из землянки. Он может пошептать, и мыши, которые завелись, тоже уйдут. Потом он может двигаться быстрее, чем обычный человек, и он даже мне показал некоторые практики, правда, это практики ритмичности. В частности, он обучил меня тому, что умели древние чукчи — он убивал оленя без стрел. Он просто долго за ним бежал, потом олень падал, он подходил и убивал, с соответствующими извинениями, ритуалами. Вовсе не потому, что древний чукча был выносливее или быстрее оленя, а он был просто более ритмичным, в то время, как олень бежал рывками, выдыхался

через несколько часов. То есть он знает много практик, которые нам недоступны, которые, наверное, мы могли бы освоить, но мы их никогда не осваиваем и даже не знаем о них. Естественно, человек, который может что-то, что мы не можем, он нам кажется шаманом. Лучшей концепции, чем концепция духа шамана для объяснения того, что он делает и что делается в его мире, чем дух, нет, поэтому я принимаю пока как лучшую теорию.

Татьяна Ткачук:

Владимир, а вам никто никогда не говорил, что этот человек, которого называют все шаманом, на самом деле просто шарлатан?

Владимир Серкин:

Шарлатан — это человек, который обманывает окружающих для того, чтобы извлечь какую-то пользу для себя. Какую пользу шаман извлекает из всего этого?

Татьяна Ткачук:

Мифологизирует самого себя, привлекает к себе внимание, интерес.

Владимир Серкин:

Как же он привлекает к себе внимание, когда сейчас никто не знает, где он, как его зовут, и я тоже не знаю этого, пока он сам не появится. Все это ему не нужно. Первое, что меня в нем заинтересовало, что он способен

жить один годами и, наверное, десятилетиями. Он не ищет общения с другими, другие ищут общения с ним.

Новые ответы на вопросы читателей о Шамане

Вопрос (В.): Мне очень-очень нужно встретиться с Шаманом, чтобы он меня вылечил. Отведите меня к нему.

Ответ (О.): Во-первых, Шаман «лечит» весьма своеобразно. После снятия тяжелых симптомов он уже не лечит в традиционном смысле слова, а учит человека новому образу жизни. Такому, чтобы в нем не было места болезни. Это часто требует изменения привычек, круга общения,

иногда даже изменения профессии, на что не все готовы.

Во-вторых, я сам, увы, не знаю, где сейчас находится Шаман, чем занимается и каким именем пользуется.

В.: В книге вы пишете о лишнем весе. Сейчас я не вижу у вас лишнего веса. Может быть, Вам помог Шаман? Поделитесь, пожалуйста, секретом.

О.: Лишний вес немного есть. Но Шаман подсказал, как решать проблему. Могу рассказать. По совету Шамана я вспомнил, когда стал полнеть, и как менялась моя жизнь перед этим. До этого я жил в тридцати минутах ходьбы от

университета. Удобного автобусного маршрута не было, и я ходил каждый день не менее часа. Потом купил квартиру в соседнем с университетом доме. Через год появилась проблема веса. Подсчитал, что за этот год «не доходил» не менее 1500 км (5 км х 300 дней). Эти километры я скомпенсировал пешими походами, и вес стал нормализовываться. Главное — совет Шамана по анализу изменения образа жизни и компенсации этих изменений.

В.: В книге Вы пишете, что у Вас еще много записей с необычными идеями Шамана, которые даже противоречат данным

современной науки. В это трудно поверить! Можете привести прямо сейчас еще пару-тройку примеров?

О.: В первом разделе книги я упоминал об атмосферных существах — Тиунах. Вот еще примеры:

1. Раз я сказал Шаману, как нас учили, что вожаком в стае животных является наиболее сильный самец. Шаман назвал это чепухой, и объяснил, что вожаком является животное, которое может принимать решение в нестандартных для стаи ситуациях (чаще здоровый самец). Остальные животные не могут принимать решений в новых ситуациях, но могут подражать вожаку или подчиняться. Шаман

провел аналогию с подростковыми группами, взрослыми бандами или племенами. Главарь банды или вождь — не самые сильные самцы, но могут принимать решение. Им подчиняются гораздо более сильные. Я согласен с Шаманом, но пока не знаю, как «перебить» сложившийся у биологов, зоологов, этологов и зоопсихологов стереотип.

2. Шаман показывал мне, и я не раз показывал знакомым в лесу ползающих по снегу при сильной минусовой температуре пауков (мы их называем снежными). Знакомые биологи даже слушать об этом не хотят, утверждая, что пауки — не теплокровные, и этого не может

быть.

3. Особая геометрия человека заставляет его жить по особым геометрическим траекториям (пространственно — временным). Человек может «сознательно изменять свою геометрию» (лучшего термина нет) и перемещаться в другие (геометрические узоры?). При этом для жителей этих (узоров) он будет выглядеть, наверное, не лучше (не оформленней?), чем медуза для нас.

В.: Вы пишете о каком-то СМД-подходе, который пытаетесь использовать для описания сознания Шамана. Что это такое?

О.: СМД —

системомыследеятельностный
подход. В 1984-1987 гг. я занимался
(посещал? сотрудничал?) в
Московском методологическом
кружке под руководством Г. П.
Щедровицкого. Суть подхода в моем
понимании заключается в снятии
ограничений отдельного
исследования мышления (в новой
философии линия от Канта-Гегеля) и
деятельности (линия по Гете-Дьюи).
В последние 15 лет я пытаюсь
развивать этот подход, снимая
ограничения рассмотрения человека
«вне мира» (линия от Платона, до
него — мистическая). Эта работа к
публикации не готова.

В.: Вы пишете, что иногда

другие существа наблюдают за нами, и мы можем это чувствовать. Можно об этом поподробнее?

О.: Приведу пример. В детстве мы часто чувствовали в пустой комнате, что за нами кто-то наблюдает. С годами мы или привыкли к этому чувству и не замечаем его, или заглушили его. Аналогичное чувство испытывают гусеница или рыба, или паук, если мы наблюдаем за ними. Они не могут нас видеть из-за разного количества чувств или из-за разной дистантной рецепторики. Даже когда мы берем гусеницу пальцами, она не видит нас целиком, мы для нее представлены более тактильно (на ощупь), чем

зрительно, скорее как пальцы. Так устроены ее органы чувств.

Точно так же другие существа с большим количеством чувств или с более чувствительной рецепторикой, чем у нас, часто наблюдают за нами и даже взаимодействуют с нами. Но мы можем ощущать только то, что возможно с помощью наших органов чувств.

Совсем простой пример: существо с другими возможностями зрения наблюдает за нами с расстояния в пятьдесят километров. Мы не можем видеть его, но иногда чувствуем, что за нами наблюдают.

В.: Есть ли другие живые существа, которых мы пока считаем

неживыми?

О.: Сейчас уже многие из людей понимают, что Океан является одним из глобальных живых существ на Земле. Нужно идти дальше в этом понимании: все «живые формы» (и мы) являются частью, кусочками Океана, органами восприятия и развития (экспансии) Океана на Земле и в Космосе (много живых живет в Космосе). От них Океан получает информацию и через них пробует возможности распространения. Растения вообще и особенно с «пресным» солевым составом появились гораздо позже животных. Это принципиально новая линия создания органов и сред с

другим составом.

В.: Судя по тексту, Шаман живет в гармонии с окружающим миром. Почему же он дружит с браконьерами, истребляющими лосося?

О.: В книге говорится «браконьеры», потому что они сами себя так называют. У них нет и не может быть лицензий, так как они плавают на самодельном беспроектном судне. Никто не возьмет на себя ответственность по их регистрации. Они не платят налогов, работают в таком районе, который не контролируется рыбинспекцией. В то же время они очень бережно относятся к стаду

лосося на своих речках. Это — хлеб их семей уже более десяти лет. Они следят, чтобы стада не истощались, и чтобы их никто не истреблял. Если кто-то действительно начинает истреблять лосося в их районе, они защищают его гораздо более эффективно и радикально, чем Охотскрыбвод.

В.: В Вашей книге приводятся слова Шамана «Я сам — Гурджиев». Не является ли действительно Шаман Гурджиевым, удалившимся на некоторое время?

О.: Нет, не является. В книге приводятся и другие аналогичные высказывания Шамана, например: «Я сам — Ворон. Я сам — Философ.

Я сам — Медведь». Подобные есть и в неопубликованных записях. Здесь имеется в виду партиципативный (сопричастный) образ мира. Термин «партиципативный», наверное есть в этнографических словарях, разъяснен в уже ставших классическими работах по специфике «первобытного мышления». На русском языке это переводы Леви-Стросса, Леви-Брюля, Ф. Кликса и других авторов.

Владимир Павлович Серкин

